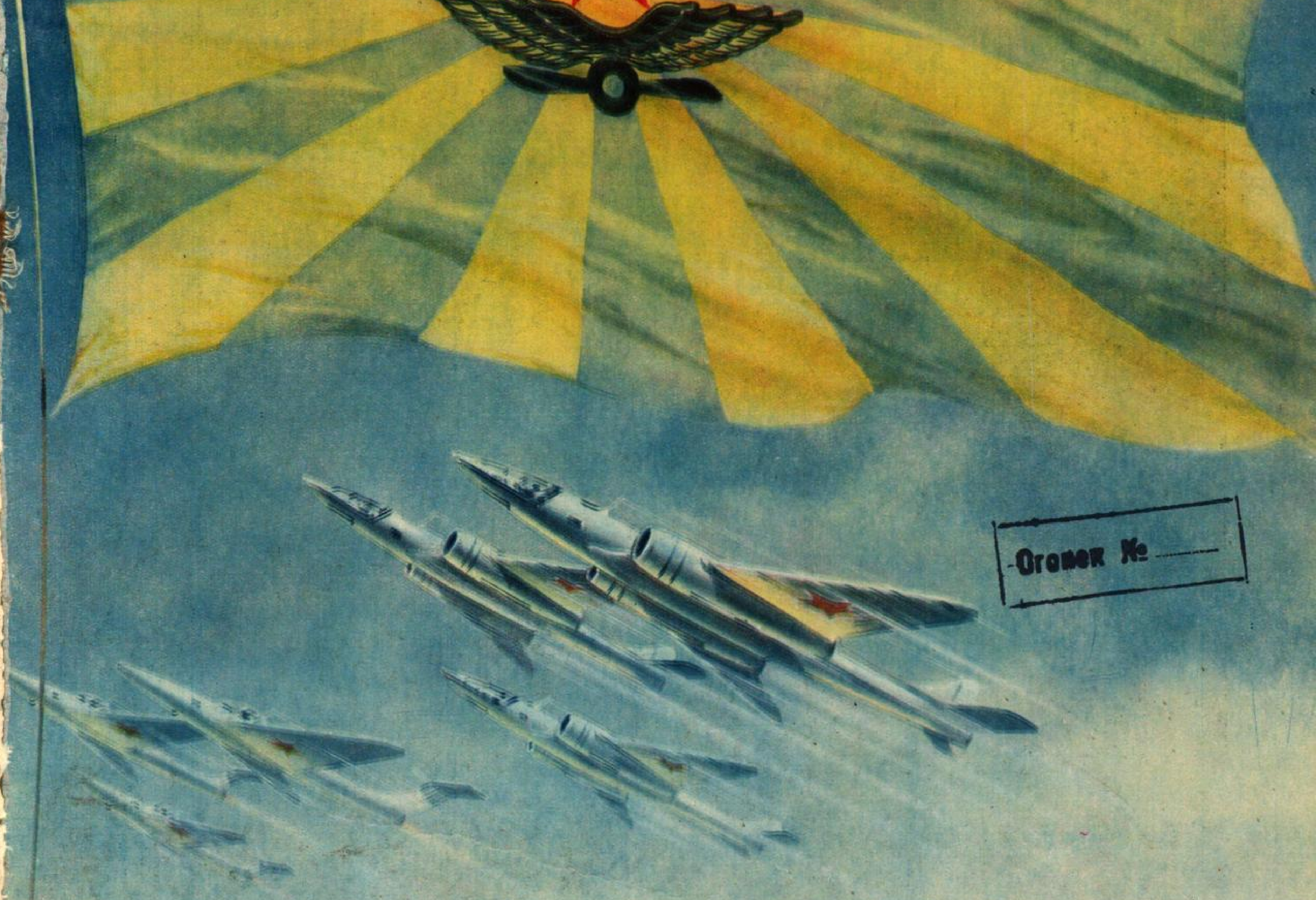

ОГОНЁК

№ 29 ИЮЛЬ 1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Они собрались на холме, у романтической башни Гедимина.
Бронислав Пушинис — старый коммунист, депутат Верховного Совета Литовской ССР — рассказывает студентам Вильнюса о прошлом литовского народа.

— Да, много горя перенес, много крови отдал литовский народ в борьбе за свою независимость, — говорит Пушинис. — Но лишь теперь, в прекрасной семье советских народов, литовцы обрели свой родной дом, настоящую свободу.

Фото Я. Халипа

На первой странице обложки: «Слава Сталинской авиации!» Рисунок художника В. Викторова.

На последней странице обложки: в Центральном аэропорте Внуково (под Москвой). Фото Е. Тиханова.

Плакат художника Б. Белопольского (издательство «Искусство»)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

28-й год издания

№ 29 (1206
16 ИЮЛЯ 195

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНА

Расцвет Литвы

А. Ю. СНЕЧКУС,
секретарь ЦК КП(б) Литвы

Десятилетие провозглашения советской власти в Литве — знаменательный день в истории литовского народа. 21 июля 1940 года наступил конец вековой нужде и бесправию. Трудящиеся Литвы вышли на светлый социалистический путь.

Как далеко шагнула наша республика вперед при братской помощи великого русского народа, при дружеской поддержке всех советских республик!

Промышленность Литвы полностью восстановлена. Многие предприятия реконструированы и технически переоснащены. Довоенный уровень выпуска продукции еще в 1949 году превзойден на 67%. Появились новые отрасли промышленности: Литва дает не только текстиль, фанеру, обувь, но и моторы, станки, сложные измерительные приборы.

В литовской деревне навеки исчезли помещики, кулаки, ростовщики. Громадное большинство крестьян вступило в колхозы.

Самоотверженный труд колхозников Советской Литвы приносит богатые плоды. В 1949 году урожайность в колхозах на 20—25% превысила урожайность в единоличных хозяйствах. В колхозах много машин, применяются новейшие достижения агротехники.

По инициативе товарища Сталина ведутся большие работы по осушению и освоению заболоченных земель и введению травопольных севооборотов в Литовской республике. Величественные перспективы раскрываются перед нашим сельским хозяйством.

В условиях социалистического строя культура литовского народа получила все возможности для своего расцвета.

У нас значительно расширена сеть средних школ, введено обязательное всеобщее семилетнее обучение. В университетах и институтах обучается более 10 тысяч человек, что почти в три раза превышает количество студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях Литвы до установления советской власти. В наших деревнях 110 домов культуры, свыше 3 тысяч изб-читален, около 3 тысяч библиотек.

Из года в год растут тиражи книг, издаваемых в республике. Только в 1949 году было издано 987 названий книг общим тиражом около 7 миллионов экземпляров. Значительное место среди них занимают произведения классиков марксизма-ленинизма. Выходит большое количество газет, ряд журналов, причем тираж одной лишь газеты «Тиеса» во много раз превышает тираж всех ежедневных газет, вместе взятых, выходивших в буржуазной Литве.

Академия наук Литовской ССР с ее одиннадцатью научно-исследовательскими институтами, университеты, сельскохозяйственная и ветеринарная академии, а также научно-исследовательские станции на селе заняты решением таких жизненных проблем, как мелиорация, селекция, семеноводство, улучшение пород скота и другие.

Мы гордимся успехами нашего музыкального и театрального искусства. Звание лауреата Сталинской премии присвоено нашим лучшим композиторам, артистам, режиссерам. Писатели и художники Литвы создали ряд ценных произведений.

Из полуколонии империалистических стран Литва превратилась в цветущую республику, являющуюся полноправным членом могучего Советского Союза. Только в советскую эпоху наш народ обрел подлинную государственность. Впервые в истории литовского народа его земли, освобожденные от иноземных захватчиков, воссоединились в пределах одного государства.

На предприятиях Советской Литвы бурно развивается социалистическое соревнование. В республике широко известны имена стахановцев Вайчюнаса, Гарбенене, Раманаускайте, имена Героев Социалистического Труда Жмеяускаса, Миклушиса, Иодинскаса, Лекавичуса — мастеров высоких урожаев.

В братской семье народов СССР растет и крепнет новая, советская социалистическая литовская нация.

Победа советской власти в Литве — результат долголетней борьбы литовского народа против буржуазии. Эту героическую борьбу вдохновляли гениальные вожди трудящихся Ленин и Сталин.

Ленин и Сталин помогли организовать коммунистическую партию Литвы. Ленин и Сталин в 1918 году помогали литовским коммунистам строить молодую Советскую республику.

После временного поражения революции трудящиеся Литвы не склонили головы, не пали духом, а самоотверженно боролись за восстановление советской власти.

В 1940 году трудящиеся Литвы, возглавляемые коммунистической партией, свергли ненавистную диктатуру буржуазии и провозгласили в Литве советскую власть.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР прервало мирную творческую жизнь советских людей. Литовцы вместе с другими народами Советского Союза поднялись на священную войну за свободу и независимость. С именем Сталина шли в бой против оккупантов литовские партизаны и сформированное по указанию товарища Сталина литовское воинское соединение.

В годы испытаний трудящиеся республики научились еще глубже любить и ценить советскую власть, великий русский народ, еще больше убедились в мудрости политики партии большевиков, в правильности пути, на который вступила Литва в 1940 году.

Трудящиеся нашей республики не забывают, с какой бешеной злобой встретили правящие круги США и Англии установление советской власти в Литве. Вот уже десять лет заправилы Уолл-стрита и Сити не могут примириться с фактом существования советской власти в их бывшей вотчине.

Пусть неистовствуют господа империалисты! Вместе со всеми республиками Советского Союза Литва уверенно идет по пути к коммунизму.

Подписываясь под воззванием о запрещении атомного оружия, литовские рабочие, крестьяне, интеллигенты с небывалым патриотическим воодушевлением демонстрируют свою сплоченность вокруг большевистской партии и советского правительства, вокруг родного и любимого товарища Сталина.

Сегодня большевики Литвы, руководимые Центральным Комитетом ВКП(б), возглавляют трудовой подъем рабочих, колхозников, интеллигенции республики.

В борьбе против пережитков буржуазного национализма, космополитизма растет социалистическое сознание трудящихся Литвы: они воспитываются в духе советского патриотизма, сталинской дружбы народов, безграничной преданности социалистической Родине, партии большевиков, товарищу Сталину.

В ДРУЖНОЙ СЕМЬЕ

21 июля 1950 года исполняется 10 лет со дня провозглашения советской власти в Литве, Латвии и Эстонии.

Десять лет назад, войдя в братскую семью республик великого Советского Союза как равные среди равных, Литовская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР получили неограниченные возможности для своего хозяйствен-

Свободная

А. Я. ПЕЛЬШЕ,

Изучая архивные материалы, я недавно вновь прочитал старые газеты буржуазной Латвии. С пожелтевших страниц проглянули страшные черты прошлой жизни: нищета, самоубийства, трагедии безработных, предлагавших себя как товар любому хозяину...

Народное горе особенно трагично проявлялось в буржуазной Латвии в так называемый Юрьев день, когда у большого числа батраков кончались сроки контрактов с хозяевами — помещиками, кулаками. В Юрьев день толпы обездоленных, лишившихся работы латышей устремлялись по пыльным дорогам к мелким фабричонкам и в порты. Шли безработные... Шли сильные, здоровые люди в поисках куска хлеба. В их глазах были страх, отчаяние, мольба...

Под прикрытием лицемерных фраз о демократии в старой, буржуазной Латвии беззастенчиво и грубо попирались самые элементарные права трудящихся. Рабочие и крестьяне были бесправны и подвергались неслыханной эксплуатации. Похвальба латышской буржуазии о якобы обретенной «национальной самостоятельности», по сути дела, являлась самой подлой и лживой пропагандой, за дымовой завесой которой скрывались продажность, презренное холуйство перед иностранными капиталистами — подлинными хозяевами Латвии. Наша страна, так же как Эстония и Литва, в действительности не имела никакой национальной самостоятельности. Она была аграрным придатком крупных империалистических стран, разменной монетой в их политической игре, орудием в их борьбе против великого Советского Союза.

Просматривая в старых газетах бесчисленные объявления, которые на последние гроши давали безработные, я задумался, как сложилась теперь судьба тех, кто раньше безуспешно стучался в двери мастерских и фабрик, вымаливая работу. Бывшая кухарка Марта Зиминь стала государственным деятелем — депутатом Верховного Совета СССР. Депутатом Верховного Совета СССР стал также бывший батрак, теперь председатель колхоза «Накотне» Феликс Веселис. Директор текстильного комбината «Ригас Аудумс» Ф. Озолниекс в старое время снимал шапку, подходя к конторе этого предприятия. Бывший чернорабочий Жанис Зуймач, ныне отличный стекловар, установил мировой рекорд вытяжки стекла. Советское правительство присвоило ему высокое звание лауреата Сталинской премии.

В советские годы изменились судьбы людей, преобразился облик нашей земли. Для всего латвийского народа день 21 июля, день установления советской власти,— большой, радостный праздник. Советская власть, мудрая партия Ленина — Сталина принесли латышскому народу свободу и счастье, избавили его от капиталистического гнета, открыли перед ним светлый путь.

Опираясь на индустриальную мощь и передовую технику всего Советского Союза, постоянно ощущая братскую помощь великого русского народа, трудящиеся Латвии за годы послевоенной пятилетки создали новую, социалистическую промышленность. За минувшие четыре года объем промышленного производства в республике увеличился в пять раз. В 1949 году предприятия Латвии дали продукции почти в два с половиной раза больше, чем в довоенном 1940 году, и работали на более высоком уровне, чем это намечалось на последний год пятилетки.

Огромные перемены произошли в деревне. 1949 год был годом колхозной весны в Латвии. Когда едешь по дорогам Латвии, то часто видишь желтые таблицы-указатели: колхоз «Новый путь», «Победа Октября», имени Сталина, «Социализм». Много теперь таких указателей на дорогах. Более 95% всех

НАРОДОВ СССР

ного и культурного развития. Под руководством большевистской партии Ленина — Сталина, при постоянной помощи русского народа и других народов Советского Союза трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии за истекшее десятилетие достигли разительных успехов в социалистическом преобразовании республик и уверенно идут вперед, к коммунизму.

Латвия

секретарь ЦК КП(б) Латвии

крестьянских хозяйств республики объединились в сельскохозяйственные артели.

Помощь Центрального Комитета ВКП(б) и советского правительства дала возможность в самые короткие сроки осуществить в Латвии сплошную коллективизацию, открывшую большие возможности для широкого применения в сельском хозяйстве передовой советской техники. Самые различные машины работают теперь на полях Латвии. Никогда раньше наши крестьяне не видели таких машин. Машинно-тракторные станции — огромная сила, которая помогает молодым колхозам вести свое хозяйство по новому, социалистическому пути.

Созданная при советской власти латвийская Академия наук объединяет 16 институтов. Ученые укрепляют свои связи с промышленностью и сельским хозяйством. В Валмиере, Талсах, Резекне и ряде других городов и сел проведены выездные научные сессии. Они помогли колхозам лучше подготовиться и провести весенний сев, организовать работу по внедрению травопольной системы земледелия. Большое содействие оказывает колхозам также республиканская Сельскохозяйственная академия.

Молодые артели широко используют опыт колхозного строительства, накопленный в других республиках Советского Союза.

Забота о советском человеке, об укреплении его духовных и физических сил — главная забота партийных и советских организаций республики. В новой Латвии большое внимание уделяется народному просвещению и здравоохранению. В республике введено и успешно осуществляется всеобщее обязательное семилетнее обучение. Сейчас в 1530 школах 282 тысячи учащихся: на 60 тысяч больше, чем в старой, буржуазной Латвии. Девять вузов и 66 техникумов готовят десятки тысяч специалистов для бурно развивающегося народного хозяйства.

У нас созданы 102 великолепных санатория и дома отдыха. В буржуазной Латвии правительство не несло никаких расходов по народному здравоохранению, а в Советской Латвии только в прошлом году на это было израсходовано более 200 миллионов рублей.

При господстве капиталистов книжные магазины Латвии наводнялись американским и английским уголовным чтивом. Национальная литература влачила жалкое существование. Театр, музыка, искусство — все было умерщвлено латвийской буржуазией и ее хозяевами из-за океана. Сейчас успешно развиваются советская латышская культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию. Великие идеи Ленина — Сталина вдохновляют латышских деятелей литературы и искусства, зовут их верно служить народу.

Англо-американские империалистические агрессоры пытаются развязать новую войну, они шантажируют и запугивают народы. Но миллионы и миллионы простых людей земли говорят: «Нет!» Народы обуздают зарвавшихся провокаторов. Народ Латвии, подписываясь под Стокгольмским воззванием, выразил этим свою непреклонную волю бороться за мир, защищать дело мира во всем мире.

В знаменательный и радостный день 21 июля взоры всех латышей обращены к тому, кто даровал нам счастье, кто ведет народы к коммунизму. О великом вожде, мудром учителе и родном отце будут петь латыши в юбилейные дни на огромном певческом празднике. Вдохновенная песнь тысяч и тысяч людей пронесется от берегов Даугавы к московскому Кремлю. И будут в этой песне выражены пламенная любовь народа и благодарность товарищу Сталину, клятва на верность коммунизму.

Новая Эстония

А. Т. ВЕЙМЕР,
председатель Совета Министров Эстонской ССР

На Балтике есть небольшой остров Хийумаа. В течение многих десятилетий здешние рыбаки и крестьяне были отрезаны от всего мира не только балтийскими водами, но прежде всего владельцами острова — «черными баронами». Прибегая к средневековым методам, эти помещики насильственно держали местных жителей в нищете и невежестве, насаждали среди островитян всевозможные секты, отличавшиеся своим изуверством и дикостью.

«Черным баронам» нужны были послушные рабы, темные, неграмотные батраки, покорно выполнявшие их волю.

Тот, кто побывал на Хийумаа в наши дни, мог увидеть богатые колхозы «Линва» и «Путь социализма», ознакомиться с их животноводческими фермами, хорошо обработанными полями, рыболовецким флотом. На Хийумаа пришло счастье. Остров стал отдельным уездом, а его центр — поселок Кярдла — превратился в город.

То, что произошло за минувшие десять лет на маленьком острове Хийумаа, пожалуй, наиболее ярко показывает сущность великих перемен в жизни эстонского народа.

Десять лет, прошедшие с того дня, когда эстонский народ выразил свое горячее желание жить в дружной семье советских народов и вместе с ними строить коммунизм, являются годами необычайно бурного расцвета республики. Достижения нашего народа показывают, на что способны трудящиеся молодых советских республик, когда они воодушевлены великими идеями Ленина — Сталина, когда они не знают угнетения, рабства и живут в братском союзе с другими народами могучей советской державы. Теперь эстонский народ не мыслит себе иной жизни, кроме советской, иного пути, кроме пути к коммунизму.

Эстонцы — рабочие, крестьяне, ученые, деятели литературы и искусства, люди самых различных профессий — отлично сознают, что с установлением советской власти в Эстонии навсегда покончено с унизительным положением нашей страны, низведенной в прошлом продажной буржуазной кликой до состояния колонии крупных империалистических государств. Только советская власть положила конец хозяйничанию англо-американского и германского империализма в Эстонии.

Многие из эстонцев видели и испытали на своих плечах весь ужас подневольной жизни в буржуазной Эстонии. Они помнят толпы безработных, разорение крестьян, измельчание промышленных предприятий. Магнатам капитала важно было сохранять Эстонию в роли своего аграрного придатка, и судьба Эстонии была схожа с судьбой острова Хийумаа, о котором я рассказывал.

Каждый эстонец хорошо понимает, что дала ему и всему народу советская власть. Она подняла нашу страну к созидательной жизни, сделала ее свободной республикой, равноправным членом единой семьи советских народов, в которой каждый эстонец нашел свое подлинное счастье.

При огромной помощи братских республик, в первую очередь великого и могучего русского народа, под руководством партии Ленина — Сталина трудящиеся Советской Эстонии успешно преодолевают все трудности послевоенного времени и быстро восстанавливают народное хозяйство, разрушенное фашистами.

Фашисты полностью разрушили известные Кренгольмскую и Балтийскую мануфактуры, но уже через два года после освобождения Эстонии эти предприятия вновь стали давать отличные ткани, а сейчас производят их больше, чем до войны. Так же быстро восстановлены и построены новые электростанции. Десятки заводов и фабрик досрочно выполнили послевоенную пятилетку. В этом году общий объем промышленной продукции почти утроится по сравнению с 1946 годом. В республике впервые в истории мировой техники создана на базе сланцевых месторождений мощная газовая промышленность. Эстония стала индустриальной.

Эстонское крестьянство в 1948 году вступило на путь коллективизации. Первый же год жизни по-новому показал эстонскому крестьянству все преимущества коллективного труда перед единоличным, ему стали ясны подлинные причины той бешеной агитации и пропаганды против колхозов, которую вели и ведут за границей изменники родины по указке Уолл-стрита.

Социалистическое государство помогло молодым сельскохозяйственным артелям Эстонии перенять опыт колхозов Российской Федерации, Украины, Белоруссии и других братских республик, помогло эстонским колхозникам вооружиться передовыми достижениями советской агротехники. Благодаря заботам советского правительства и Центрального Комитета ВКП(б) в Эстонии за последний год в два с половиной раза увеличилось количество машинно-тракторных станций, а мощность тракторного парка возросла в три с половиной раза.

По инициативе товарища Сталина в Эстонии сейчас широко развернулись мелиоративные работы. Осушение вековых болот даст колхозникам республики немало новой земли, отвоеванной у природы.

Мощное развитие народного хозяйства служит той широкой и прочной базой, которая позволяет с огромным размахом развивать культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Советская Эстония славится теперь своей высоко развитой культурой, достижениями науки и техники, успехами литературы и искусства.

Совсем недавно в Москве успешно прошла первая декада эстонской литературы. В столице нашей Родины отчитывались писатели и поэты Эстонии. Они продемонстрировали братским народам духовные богатства эстонцев.

В эти дни трудящиеся Эстонии, как и все трудящиеся Советского Союза, единодушно подписываются под воззванием о безусловном запрещении атомного оружия. Тысячи рабочих республики несут вахту мира. Своим самоотверженным трудом народ Эстонии отстаивает дело мира во всем мире.

21 июля, в день десятилетия провозглашения в нашей республике советской власти, рабочие заводов, фабрик, работники машинно-тракторных станций, колхозники, деятели науки и техники, писатели и композиторы, художники и артисты — все эстонцы будут рапортовать товарищу Сталину о новых трудовых победах, результатах своего вдохновенного, творческого труда. Эстонский народ славит великого вождя и приносит ему сердечную благодарность за счастье, выражает свою преданность, страстное желание и готовность вместе со всеми советскими людьми строить коммунизм.

ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Фоторепортаж В. Викторова и Д. Трахтенберга

Именем Победы назвал эстонский народ центральную площадь Таллина. Здесь 21 июля 1940 года всеобщим ликованием встретили трудящиеся провозглашение советской власти в Эстонии. Вот как выглядела площадь Победы в тот знаменательный день. Прошло 10 лет. За эти годы совершенно изменилось лицо республики.

В дни, когда рабочие, колхозники, интеллигенция советской Эстонии торжественно и радостно готовились отметить праздничную дату, мы отправились с площади Победы по дорогам республики.

Среди широких колхозных полей, в тенистом парке, стоит большой старинный дом. Когда-то, во времена буржуазной Эстонии, здесь, на мызе Кихна, находилась «школа невест». Так народ иронически называл учебное заведение, в котором воспитывались помещичьи и кулацкие дочки. Теперь здесь, в школе подготовки руководящих колхозных кадров, учатся председатели, члены правления, заведующие фермами колхозов. Это они строили первые сельскохозяйственные артели в республике.

...Над микроскопом склонился Иоганнес Конк, председатель колхоза «Соовахе», Пярнумаского уезда. Он представитель старшего поколения эстонского крестьянства, поднятого к новой жизни советской властью. Справа от него стоит представитель молодого поколения эстонской деревни — комсомолец Хельмут Карус. Он проявил себя в артели «Юхне Йыуд» прекрасным организатором и был послан на учебу. В центре — Магдалине Алик, председатель артели имени Аугуста Алика; с помощью преподавателя Вильмы Ярвела она настраивает микроскоп. Муж Магдалине был организатором колхоза и погиб от руки кулака два года назад. Колхозники избрали жену его председателем правления артели, и рядовая крестьянская женщина, заняв место мужа, уверенно повела колхоз к новым успехам. Рядом с ней сидит Эльза Круусмаа — заведующая животноводческой фермой колхоза «Калев».

Из «колхозной академии» мы поехали в лучший семеноводческий колхоз — имени Сталина.

Председателя Хуго Пютсеппа удалось разыскать на свекловичном поле соседней селекционной станции.

В колхозе имени Сталина уже в прошлом году получили первый урожай свеклы. Правда, под нее отвели тогда всего один гектар, но у крестьян большие планы на будущее. И Пютсепп старательно расспрашивал директора станции и научных сотрудников, как лучше сеять свеклу — новую для Эстонии культуру.

Вечером Хуго Пютсепп повел нас к себе, в колхоз, по узкой полевой дороге, пересекающей большой массив пшеницы.

— Это уже наша,— сказал Хуго.— Смотришь на колхозное поле — и с трудом веришь, что всего два года назад здесь лежали узкие наделы сорока хуторов... Да, все это уже в прошлом, только вот следы остались — сорняки. Ими были заражены поля хуторян, и сейчас еще сорняки пытаются прорваться на наши пашни. Вон как раз женщины возвращаются с прополки.

И, поровнявшись с колхозницами, председатель сказал им:

— Ну, как поработали? Смотрите, с будущего года расширяем посевы сахарной свеклы. Придется с сорняками и вредителями еще больше повоевать.

— Будь покоен, председатель!— ответили женщины.

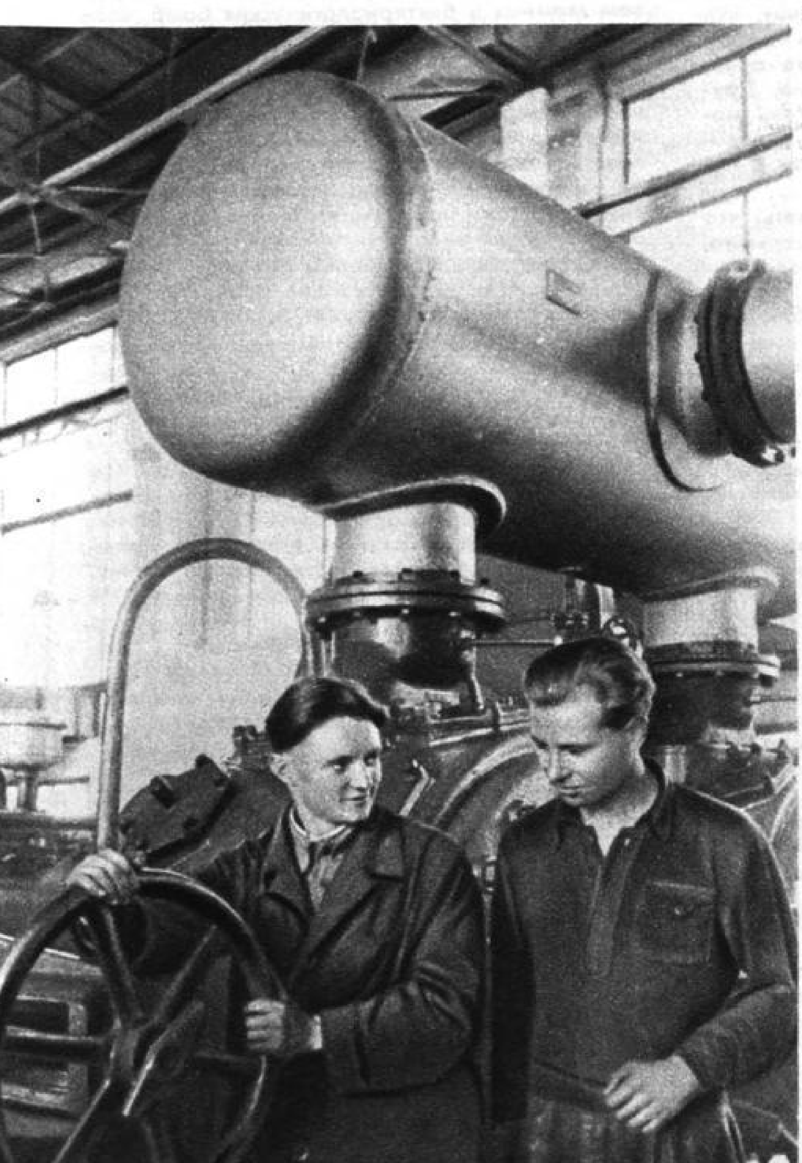
Эстония славится не только своими молодыми, цветущими колхозами, но и своей растущей индустрией. В республике имеется предприятие, куда приезжают учиться из самых различных мест Советского Союза. Широкую известность получила продукция комбината «Ярваканди». Изделия этого завода вы можете увидеть в машинном зале Днепрогэса, в залах картинной галереи Эрмитажа, московском Музее Революции. Завод «Ярваканди» выпускает стекло самого высокого качества и самых больших размеров.

Когда едешь по дорогам Эстонии из колхоза в колхоз, вдруг откуда-то из лесной чащи доносится рычание мощной машины. В самой глубине леса раскрывается перед вами безукоризненная линия только что прорытого канала, и вы видите, как зубастый ковш вгрызается в его глинистое дно. Здесь ведутся мелиоративные работы.

↓ Эстония богата залежами сланцев. В районе Кохтла-Ярве раскинулись шахты комбината «Эстонсланец». Здесь ручной труд почти полностью заменен машинами. Из шахт сланец идет на одно из крупнейших предприятий Эстонии — сланцеперерабатывающий комбинат, основным предприятием которого является мощный газовый завод, построенный после войны.

Сюда на работу приехал саратовец Алексей Кузнецов (слева). Он получил высокую квалификацию машиниста компрессорного цеха на магистрали Саратов — Москва, а теперь передает свой опыт Энну Кокла, воспитаннику ремесленного училища, сыну рыбака с острова Хийумаа.

Славится советская Эстония также заводами, работа которых связана с исконным национальным промыслом — рыбным.

Расположенная по берегам Балтики республика имеет 103 рыболовецких колхоза.

Рыбацкий промысел испокон веков был построен на ручном труде. Вручную, на веслах, выходили рыбаки в море, вручную тянули сети и, взяв улов, вручную выгружали его. Теперь на крупнейшем рыбном заводе Эстонии «Пярну-Лийва» установлены мощные рыбонасосы конструкции инженера Козырева. Мы видели, как в подошедший к пристани и наполненный до краев салакой баркас колхоза «Яхта» двое рабочих спустили резиновый шланг, и через 55 минут рыбаки отчалили от берега. При ручной разгрузке на эту операцию уходило пять часов.

→ На заводах, в совхозах и колхозах республики можно встретить молодых специалистов — питомцев Тартуского университета. Это — одно из старейших учебных заведений страны.

Теперь в нем учится около трех тысяч студентов — будущих математиков, историков, юристов, медиков, агрономов.

В тот день, когда мы побывали в его просторных аудиториях, шли государственные экзамены. Эта оживленная и радостная группа девушек только что успешно выдержала последние испытания. Университет в нынешнем году дал республике 460 молодых специалистов.

* * *

Цветет и крепнет советская Эстония.

Обгоняя мечту!

А. А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ,

заслуженный деятель науки и техники, Герой Социалистического Труда, конструктор

Авиационная техника развивается с быстротой, которую не могли в полной мере предвидеть даже люди, превратившие древнюю мечту человечества о покорении воздуха в реальность.

Николай Егорович Жуковский, исследователь исключительного диапазона и воображения, некогда мечтал о самолете, годном для полета одного — двух человек. В 1898 году выдающийся ученый говорил на съезде естествоиспытателей и врачей в Киеве:

— Машина, более тяжелая, нежели воздух, даст нам, по моему мнению, средства для быстрого полета одного или двух человек в любом направлении и заставит нас перестать завидовать птице...

Действительность опередила мечту Жуковского. Еще при его жизни впервые в мировой истории авиации появились четырехмоторные русские самолеты большой грузоподъемности. В 1915 году питомец Жуковского конструктор В. А. Слесарев построил воздушный гигант «Святогор» — многоместный самолет, рассчитанный на 30-часовой беспосадочный перелет. Эту машину Жуковский считал шедевром, превзошедшим его прежние предположения.

Что же сказал бы отец русской авиации, если бы он дожил до наших дней и увидел могучий самолет дальнего действия, созданный А. Н. Туполевым?

Да, на заре двадцатого века люди завидовали птице. Теперь человек научился летать на скоростях, не доступных, кроме него, ни одному живому существу на свете.

Появление реактивных двигателей, бурное развитие реактивной техники сломало наши привычные понятия об авиации и ее возможностях. Термин «максимальная скорость» теряет свой прежний смысл: для самолета с реактивным двигателем ни теоретически, ни практически нет предела скорости.

Это утверждение звучит фантастически, но оно вполне обоснованное. Наше воображение просто не может еще примириться с поразительными переменами в авиации. В прошлом году на авиационном празднике диктор, комментируя полет реактивных самолетов, сравнил их со стремительными стрижами, а реактивную скорость он назвал ураганной. Сравнения наивные. Стриж летает со скоростью 50 метров в секунду, то есть 180 километров в час. Ураган адской силы, опрокидывающий в море корабли, вырывающий из земли деревья, проносится со скоростью 50—60 метров в секунду. Диктору просто не хватило образных слов, чтобы передать впечатление, вызываемое полетом реактивных машин.

Техника воздухолетания в своем развитии пошла иными путями и темпами, чем думал даже в двадцатых годах нашего века Константин Эдуардович Циолковский. Человек, своим научным воображением проложивший путь в далекий, беспредельный космос, он в увлекательной книге «Вне земли», вышедшей в 1920 году, рисовал такую картину будущего: громадные металлические дирижабли работают на перевозках дешевого груза; аэропланы служат для особо быстрых продвижений небольшого числа пассажиров или драгоценных грузов; употребительней всего аэропланы для одного — двух человек; реактивные стратопланы используются для межпланетных путешествий.

Свои представления Циолковский относил к началу двадцать первого века. Однако, дожив до сталинских пятилеток, Циолковский увидел, что дирижабль, его любимое детище, быстро уступает место аппаратам тяжелее воздуха. Непрерывный рост грузоподъемности и дальности полета металлических тяжелых самолетов Туполева, которым начали подражать во всех странах, вынудил человечество отказаться от дирижаблей, прежде чем был достигнут предел их возможностей.

Циолковский был свидетелем триумфальных полетов советских самолетов по Европе, перелета двухмоторного «АНТ-4» из Москвы через Тихий океан в Нью-Йорк, рекордного беспосадочного полета «АНТ-25» по замкнутой кривой на 12 411 километров и, наконец, полета самого большого в мире восьмимоторного корабля «Максим Горький».

И тогда Циолковский понял, что дирижабль обречен: его конкурент — самолет — несравненно сильнее. Впрочем, Циолковский получил от своих талантливых советских учеников превосходную компенсацию: конструирование реактивных двигателей началось еще при его жизни.

Советский инженер П. И. Шатилов в 1929 году создал прекрасную камеру сгорания для реактивного двигателя прямой реакции. Советский ученый Ф. А. Цандер впервые в мировой практике построил и испытал еще в 1930—1931 годах два реактивных двигателя. Циолковский был несказанно рад успехам учеников. Несмотря на болезнь, он непосредственно участвовал в этих работах, помогал расчетами и советами. Первый в мире самолет с реактивным двигателем поднялся в воздух в 1942 году, управляемый советским летчиком-испытателем Г. Я. Бахчиванджи. И если мы не применили реактивной авиации в годы Великой Отечественной войны, то лишь потому, что в этом еще не назрела практическая надобность.

С выходом на мировую авиационную арену реактивного двигателя некоторые горячие головы уже готовы хоронить винто-моторный самолет. Поспешная и нелепая мысль! Конечно, у реактивного двигателя много огромных преимуществ в сравнении с мотором и винтом. У реактивного самолета впереди необозримые перспективы развития. Совершенно бесспорно также, что винто-моторная авиация уже близка к «потолку» своих технических возможностей. Но это вовсе не значит, что винто-моторная установка сходит или когда-либо сойдет с авиационной арены, что практическая полезность мотора исчерпана. Другое дело — граница его полезности. Речь может идти лишь о перераспределении целевого назначения типов самолетов в связи с появлением реактивного двигателя.

Однако при этом не следует забывать, что мотор с винтом совершенствуется непрерывно, хотя «потолок» его предопределен. Убедительный пример: на воздушном параде Первого мая 1950 года миллионы москвичей наблюдали тяжелый флагманский корабль, пронесшийся над столицей в сопровождении реактивных истребителей со скоростью, изумительной для винто-моторных бомбардировщиков. Факт поучительный, особенно для зарвавшихся американских поджигателей войны, хвастливо считающих свою авиацию пределом технического совершенства.

Сегодня можно вполне четко определить место, которое по праву занял реактивный самолет в военной авиации. Но и в гражданской авиации он найдет себе работу. Если потребуется в несколько часов доставить людей или чрезвычайно важный груз из одного конца страны в другой,— конечно, эту задачу лучше всего решит реактивный стратоплан. Но для нормальной эксплуатационной работы в гражданской авиации вполне достаточно современного винто-моторного самолета. Он по-прежнему будет возить пассажиров, почту, газету, фрукты, медикаменты и другие грузы. Только в наш век радиолокации и электроавтоматики пассажирско-грузовые перевозки по воздуху станут еще безопасней, а винтомоторные самолеты еще вместительней и комфортабельней. Несомненно, со временем электроавтоматика достигнет такой безупречной точности, когда явится возможным управление самолетом по радио. Забрав грузы или пассажиров, самолет по радиосигналу диспетчера аэропорта отправится в путь и по сигналу сядет на месте назначения. Эксплуатация самолетов, управляемых на расстоянии,— не бесплодная фантазия, а реальная, близкая мечта.

Большая скорость не всюду нужна. Посмотрите, например, как стойко держится на службе в нашей сельскохозяйственной авиации биплан «ПО-2». Мы подчеркиваем слово в «нашей», потому что Советский Союз был пионером применения самолета в сельскохозяйственном производстве, и нигде в мире этот вид специальной работы авиации не принял таких огромных размеров, как у нас. Наши летчики в шутку говорят: «Дайте срок, научимся и пахать и косить с воздуха».

Конечно, годом раньше или позже, но самолет «ПО-2» заменят еще более производительные и экономичные машины, в частности — геликоптеры. Но все равно это будут летательные аппараты с минимальными скоростями.

Наконец, винто-моторный самолет сохранится и в качестве спортивно-учебной машины, подобно тому как никогда не исчезнет на море парусная яхта.

Талантливый советский народ сумел превратить увлекательную сказку о ковре-самолете в сказочную действительность. Самолет родился в нашей стране. Наука о воздухолетании, реактивная техника родились в нашей стране. Для народа, сумевшего подарить миру столько ценностей еще в ту пору, когда он был скован цепями капитализма,— разве есть для него сегодня, в сталинскую эпоху, непреодолимые препятствия или неразрешимые задачи? Для строителей коммунизма достижимо все!

Миролюбивый и трудолюбивый советский народ выковал свою могучую авиацию для созидательных целей. Он покорил воздушное пространство, чтобы выгадать время, ускорить великий процесс строительства коммунизма. В Стране Советов авиация проникла во все области культурной и экономической жизни. Мы не скрываем и того, что непрерывно совершенствуем свою военную авиацию, чтобы советское небо было так же недоступно врагам, как и советская земля, советские морские рубежи.

Мы постоянно бдительны, всегда в готовности. Англо-саксонские генералы грозят: «Мы пошлем против большевиков самолеты с грузом атомных и бактериологических бомб, чтобы умертвить их, разрушить их цивилизацию». Писатели-наймиты «авиакрестоносцев» Уоллстрита, захлебываясь от восторга, описывают жизнь человека, который, случайно уцелев, настолько одичает, что не сумеет даже пользоваться карманной зажигалкой. Бред! Нас не запугаешь! Напрасно черчилли и трумэны внушают своим народам, что война, в которую они пытаются ввергнуть человечество, не будет особо тяжким бременем для англо-саксов: все, мол, сделают «летающие крепости», атомы, бактерии и колорадские жуки.

В тщетной надежде новоявленные претенденты на мировое владычество воскресили в атомно-бактериологическом варианте жалкую идею «блицкрига». Гитлер тоже проповедывал эту бредовую идею: результат известен. Из 80 тысяч самолетов, построенных гитлеровцами в последние три года войны, 75 тысяч были уничтожены на советско-германском фронте. Такая же участь постигнет и тех, кто попытается навязать человечеству новую войну, кто в безумии своем не прислушается к предостерегающему голосу сотен миллионов трудовых людей, жаждущих мира, требующих мира.

Советский Союз сильней сегодня, чем вчера, и завтра будет еще сильней. Наша наука и техника непрерывно двигаются вперед. Наши люди неустанно совершенствуют свои знания. Несколько тысяч советских летчиков были удостоены правительственных наград в последние пять лет за освоение новой, сложной боевой техники. Из года в год увеличивается число конструкторов и работников авиационной науки — лауреатов Сталинских премий.

Советский народ спокойно и уверенно смотрит в будущее. Он знает: на советские Вооруженные Силы, на советскую авиацию можно положиться! Их создал и опекает гений товарища Сталина.

Пятерка майора БАБАЕВА

Василий АРДАМАТСКИЙ

На старт выруливали пять истребителей. Все в них необычно: и приспущенные к концам крылья, и странное, похожее на плавник рыбы окончание хвоста, а главное, отсутствие вращающих винт моторов. Меж тем самолеты, разнося по полю свистящий гул, быстро катятся вперед, подталкиваемые невидимой силой. Это реактивные самолеты, издали очень похожие на птиц. Они как будто расправили крылья и приникли к земле, готовые к взлету.

В динамике на командном пункте звучит спокойный голос:

— Прошу разрешения взлетать.

Разрешение дано, и пятерка белых машин плавно трогается с места. Короток, но стремителен их разбег. Вот уже колеса оторвались от земли, и самолеты, словно сбросив с себя силу земного притяжения, отдались во власть чудесной силы, рождающей непостижимую скорость.

Готовится номер для авиационного праздника в Тушине. В общей программе он займет чуть больше минуты. Мы увидим пятерку скоростных машин, которая слитным строем выполнит фигуры высшего пилотажа. Каждый из нас в эти мгновения ощутит прилив большой радости и гордости за крылатых богатырей советского народа, впервые в мире освоивших групповой пилотаж на реактивных самолетах, гордость и за летчиков, и за конструкторов, и за тех, кто построил эти серебристые машины. Они поразят нас каскадом фигур, проделанных с такой изумительной легкостью и изяществом, что далеко не каждый задумается, сколь трудно, необыкновенно трудно пяти летчикам на пяти машинах, летящих с огромной скоростью, так точно держать плотный строй и, не нарушая его, выполнять замысловатые фигуры высшего пилотажа. Филигранность сложнейшего полета — результат больших усилий великолепных мастеров летного дела.

Мы были свидетелями их труда в рядовой день тренировок, задолго до праздника...

Итак, быстрее порыва бури пронеслась над нами пятерка самолетов.

— Начинайте горку,— вполголоса говорит в микрофон стоящий на земле старший офицер, говорит спокойно, будто речь идет об управлении покорным конем.

И тотчас же пять самолетов почти вертикально уходят в небо, в несколько секунд достигают облаков и врезаются в них ненарушенным, плотным строем.

— Хорошо... Хорошо... — говорит в микрофон офицер на земле. — Заходите на петлю...

Послушная пятерка где-то в облаках сделала невидимый нам переворот и начала пикирование — первую часть петли. Теперь они вышли из синеватого облачка, и мы видим, что строй, до сих пор остававшийся нерушимым, разломан: правый замыкающий отстал, а левый ведомый сдвинулся в сторону.

— Подравняйтесь! — следует приказание с командного пункта, и одновременно в динамике слышен голос командира пятерки майора Бабаева:

— Правый замыкающий, подтянись! Левый ведомый, прижмись!..

Не забудем: команда дается там, в воздухе, когда самолеты, как камни... нет, гораздо быстрее, чем камни, падают на землю. Для летчика замыкающей машины приказ подтянуться означает еще более ускорить падение, догнать группу, затем снова уменьшить скорость, приравнявшись к строю четверых друзей. И все это нужно сделать в несколько мгновений. А в эту же секунду левый ведомый осторожно занимает свое место в тесном строю пикирующей пятерки.

В динамике голос Бабаева:

— Внимание... начали!

И тотчас самолеты резко скашивают угол падения. Проходит секунда — и они уже в горизонтальном полете. А затем, будто их швырнуло вверх сжатым воздухом, пять белых стрел снова летят к облаку. Угол подъема становится все круче и круче. Завершая верх петли, уже в самом ее зените, машины «заваливаются» на спину. Самолеты вверх колесами — сейчас они выпишут верхний овал фигуры и перейдут в пикирование. Но в какую-то долю секунды правый ведомый словно проваливается в воздушную пучину и выпадает из строя. Бабаев, вероятно, даже не успел этого заметить. Во всяком случае, еще до его приказа летчик, находясь в положении вниз головой, обнаружив свою ошибку, чуть срезает овал петли и снова занимает место в строю.

Новое пикирование и новая петля. Потом пятерка выписывает в воздухе «иммельман». С каждой фигурой нарушения строя становятся менее заметными, хотя офицеры на земле педантично записывают малейшее отклонение, не ускользающее от их зоркого глаза.

— Идите на посадку! — приказывает земля.

Старший офицер передает микрофон связисту и говорит:

— Молодцы бабаевцы! Это ведь только второй их полет пятеркой...

В последний раз пятерка проносится над аэродромом и вдруг рассыпается веером в левую сторону. Отваливает левый замыкающий, за ним левый ведомый, потом головной и правые. Круг над аэродромом — и машины одна за другой приземляются и рулят по полю к стоянке.

Через несколько минут бабаевцы шли в столовую обедать. Пути-то им было немного, а шли добрых полчаса. Через каждые пять—десять шагов летчики останавливались и начинали оживленно спорить, с помощью рук показывая те самые фигуры, которые только что выполнялись в воздухе.

Вот они опять остановились. Майор Бабаев говорит:

— Слетанность есть, товарищи. Начался творческий период, когда каждому надо искать самое точное движение. Это — теперь главное. Вот у вас, майор Гришин, как была ручка в начале фигуры?

И снова идет жаркий спор; люди энергично жестикулируют и тут же показывают, как надо было координированно действовать ногой.

— В общем,— резюмирует Бабаев,— все дело в точности каждого движения. И мне надо найти правильное место. После отдыха попробуем поищем, а сейчас — обедать и спать.

В столовой в первые же минуты воцаряется буйное веселье. Каждый из летчиков накануне заказал себе обед по особому меню, и сейчас лейтенант Уницкий, еще не покончив с заказанными блюдами, уже просит добавки.

Отважная пятерка майора Бабаева. Слева направо: майор В. И. Гришин, старший лейтенант А. И. Байгузин, старший лейтенант П. Ф. Мантуров, лейтенант М. Н. Уницкий и майор А. И. Бабаев.

Фото А. Гостева

— Ох, и горазд же ты на еду! — хохочут товарищи.

— В разум, братцы, в разум,— отвечает лейтенант, принимаясь за второй бифштекс.

Официантка столовой Поля стоит за спиной Уницкого и приговаривает:

— А вы их не слушайте, кушайте, да и все. Что еда, что сон,— все в силу идет.

Но вот обед окончен, и летчики шумной ватагой направляются к общежитию.

Светлая комната на втором этаже гарнизонного дома офицеров. Вдоль стен пять кроватей. У двери весы: каждое утро перед гимнастикой нужно проверять свой вес. Посередине стол. На нем ваза с цветами.

Все быстро легли в постели. Только Бабаев, задумчивый, стоит у окна: напротив жилой дом офицеров, там жена, двухлетний сын Ленька... Сегодня, пожалуй, увидеть их не придется... Через несколько минут в комнате слышится ровное дыхание здоровых и порядком поработавших людей.

Спят пять летчиков, пять друзей... Если всем им сейчас снятся детство и юность, то сны у них на удивление схожие...

Майору Бабаеву всего двадцать семь лет. Его детство протекало недалеко от Москвы, в Калуге. Здесь он родился в семье рабочего. Школа... Комсомол... Воронежский аэроклуб... Авиашкола... Война. Ленинградский фронт, потом Северный... Как-то незаметно детство переходит в юность, а юность — в молодую зрелость. Первые боевые вылеты: прикрывали своего разведчика над вражеским аэродромом. Поднялись истребители противника, завязался бой. Все бы хорошо, да ведомым на этот раз пошел совсем молоденький, необстрелянный летчик Байгузин. Как он прикроет «хвост»? Дело нелегкое. Но оказался молодцом: собой рисковал, а прикрывал, как щитом. Жаркая схватка была выиграна...

А в это время Байгузин, который промелькнул во сне командира, спит на своей кровати в противоположном углу комнаты. На его совсем юношеском и чуть скуластом лице (он по национальности татарин) застыло блаженное выражение. Не видит ли истребитель во сне извилистую речушку Верхнюю Терешку, что петляет, петляет по лугам, пока не вольется в величавую Волгу? А на берегу речушки родной колхоз. И дальше, как у Бабаева. Школа... Комсомол... Аэроклуб... Авиашкола... Война... Ленинградский фронт, потом Северный...

Лейтенант Уницкий спит, обиженно поджав пухлые губы. Что ему привиделось во сне?

Может, видится ему родная Вологда, квартирка отца — станционного телеграфиста. И Уницкий заново переживает тревогу юности, когда вдруг возникла опасность, что его — ученика планерной школы — не возьмут в авиацию. Но ведь взяли же!..

Старший лейтенант Мантуров спит спокойно и безмятежно. Возможно, вовсе без снов. Хотя разгадать и его сны о юности не стоило бы большого труда. Городок Вольск на Волге... Школа... Комсомол... Аэроклуб... Военная школа... Война... Ленинградский фронт, потом Северный...

Славные боевые друзья — Сашок Бабаев и Паисий Мантуров! Они вместе сражались за Родину, вместе встречали Победу. Они вместе осваивали реактивную технику и вместе в прошлом году показали над праздничным Тушином пилотаж звеном реактивных самолетов. В газетах тогда писали о них: «Мастера группового воздушного пилотажа Бабаев, Байгузин и Мантуров продемонстрировали своим звеном великолепную слаженность и отточенность самых сложных эволюций в воздухе».

Вскоре их наградили орденами — первая послевоенная награда Родины за освоение новой техники. Бабаева наградили орденом Ленина, а Байгузин с Мантуровым удостоились боевого Красного Знамени. Приятно было сознавать, что после войны они не успокоились на том, что достигли в битве за Родину, а подымались на новую, высшую ступень мастерства.

Год назад они поразили москвичей ослепительным каскадом фигур высшего пилотажа, выполненных тройкой. Теперь они покажут пилотаж пятеркой. Дело сложное, но, ничего, наладится... Значит, так: в момент переворота правая нога...

На пятой кровати спит рослый, с рыжеватой шевелюрой, самый старший в группе по возрасту, майор Гришин. Он ровесник Октября. Вся его жизнь связана с Кавказом. Город Грозный. Работа токарем на заводе, а потом, как у других... Комсомол... Аэроклуб... Авиашкола... Вот только на войну не попал: заставили учить летать других. Это стало его профессией. Воспитанники Гришина дрались на всех фронтах. Куда он теперь ни приедет, непременно ученика встретит.

Конечно, учить летать других — профессия благодарная; но, если уж говорить совсем откровенно, встретить такого ученика, как, скажем, Свиридов, который стал Героем Советского Союза, с одной стороны, приятно, а с другой... ведь и сам мог бы, но пришлось всю войну учить других. А теперь надо учиться самому. «Правый замыкающий, подтянись!» — это ведь к нему, Гришину, относилось! «Ничего, подтянемся!..»

Положенный для сна срок истек, и словно кто толкнул всех пятерых.

— Грустная минутка — поутру побудка,— потягиваясь до хруста суставов, бурчит лейтенант Уницкий.

— Поэтом можешь ты не быть, а вот летать, браток, обязан,— откликается уже сидящий на кровати майор Бабаев.

Звонок телефона — техник докладывает, что машины к полету подготовлены. И через несколько минут пять летчиков в одинаковых кожаных курточках шагают на аэродром. Взлет — и все начинается сначала: горка, петли, перевороты... Посадка. Краткий отдых, весь проходящий в спорах о той же правой ноге или о ручке, и снова взлет, горка, петли, перевороты...

Полеты окончены. Машины одеты в чехлы бурого цвета. Синие сумерки наползают от дальнего леса, стушевывая контуры. И вот в тишине приходит ночь. Тихо-тихо на огромном аэродроме. Только слышна далекая соловьиная песня да размеренное звяканье подковок по бетонной полосе — то шагает часовой.

А в комнате пятерки истребителей опять шумно и весело. После разбора полета друзья пошли было в кино, но, оказалось, привезли старую картину. Этим обстоятельством воспользовался живущий в соседней комнате майор — страстный преферансист. В темном кинозале он разыскал нужных ему летчиков из пятерки и каждому шепнул:

— Командир вызывает наверх...

Вызванные по одному входят в комнату. Уницкий стоит перед дверью с аккордеоном и каждого встречает тушем. А за столом уже сидит майор-преферансист и расчерчивает лист для «пульки». Все понятно, и ни у кого никаких возражений не имеется.

Спокойное течение игры нарушает резкий звонок телефона.

— Майор Бабаев слушает... Да... Так... Ясно, товарищ полковник.

Майор кладет трубку и коротко бросает:

— Спать! Командир сообщил, что завтра в 15.00 пилотируем над Тушином. Первая репетиция. Будет смотреть командование. Понятно?

Ничего пояснять не надо. Преферанс немедленно прекращается. Через десять минут в окнах комнаты летчиков погас свет.

В семь утра следующего дня они были уже в воздухе...

...В дни репетиций воздушного парада ребятишки Тушина считают себя самыми счастливыми среди своих московских сверстников. И не беда, что иногда смотреть приходится, сидя на заборе или на суке дерева. В конце концов можно взобраться и на железнодорожную насыпь, а оттуда — все, как на ладони.

Репетиция началась. Ребята комментировали ее ход, как многоопытные знатоки. Но и они приумолкли, застыли в изумлении, когда над их головами показалось пять самолетов Бабаева.

Серебристые, они появились внезапно, словно возникли вот из того дальнего облачка.

Когда пятерка, вихрем промелькнув над аэродромом, ринулась в почти отвесную горку, на командном пункте микрофон взял в руки гвардии генерал-лейтенант авиации Василий Иосифович Сталин.

— Спокойней, спокойней,— щурясь от солнечного блеска, тихо говорит генерал в микрофон, не отрывая глаз от самолетов...— Хорошо... Хорошо...

И, действительно, видать, сегодня рано утром летчики, готовясь к репетиции, славно поработали. Все фигуры пилотажа они показывали сейчас красиво, легко, не нарушая плотного строя.

Истребители уже взяли курс на свой аэродром, когда рация бабаевского самолета приняла в воздухе слово, переданное с командного пункта:

— Спасибо...

...На скамеечках аэродромной курилки сидели пять летчиков, усталые, но радостно возбужденные. Перебивая друг друга, они оживленно обменивались впечатлениями о только что проведенном полете. И лишь майор Бабаев, рассеянно слушая товарищей, в разговоре не участвовал. Время от времени он поглядывал в небо, точно надеясь увидеть там то, о чем сейчас думал. Потом бросил папиросу, встал и сказал:

— После отдыха — разбор. А завтра — работать. Все дело теперь только в работе.

Степан Дудник

Молодой московский живописец, лауреат Сталинской премии Степан Дудник — мастер историко-революционной картины и яркий портретист.

Родился Дудник в 1914 году. Его жизненный путь был труден. В ранние годы он потерял родителей, скитался по стране. Бродяжническая жизнь привела юношу на строительство Беломорско-Балтийского канала. Отсюда послал он два своих карандашных рисунка, изображавших беспризорных, Алексею Максимовичу Горькому.

Великий писатель увидел в этих рисунках зоркую наблюдательность и талант. Горький занялся судьбою юноши. При поддержке Алексея Максимовича Степан Дудник в 1934 году поступил в Московский художественный институт. В том же году на первом съезде советских писателей Дудник выполнил несколько набросков — портретов любимого писателя, приобретенных Литературным музеем.

А. М. Горький оказал большое влияние на творчество Дудника. Его произведения сыграли решающую роль в формировании мастерства живописца.

Любимая тема Дудника — события, связанные с Великой Октябрьской революцией. Этой теме посвящены дипломная картина художника — большое полотно, с успехом показанное на Всесоюзной художественной выставке 1946 года, и картина «Залп Авроры» (1948 г.), которая экспонирована ныне в Центральном музее В. И. Ленина.

В картине «Залп Авроры» Руднику удалось живо воспроизвести вдохновенные образы В. И. Ленина и И. В. Сталина, передать их неразрывную связь с народом в те исторические минуты, когда петроградское небо прорезал выстрел «Авроры».

В прошлом году Дудник вместе с В. Ефановым, Ю. Кугачем, К. Максимовым и В. Цыплаковым работал над картиной «Передовые люди Москвы в Кремле». Это многофигурная композиция, запечатлевшая вручение столице ордена Ленина. В картине около ста персонажей — знатных людей Москвы. И, естественно, что многочисленные натурные этюды привели художников к мысли о создании, помимо картины, портретной галереи передовых москвичей.

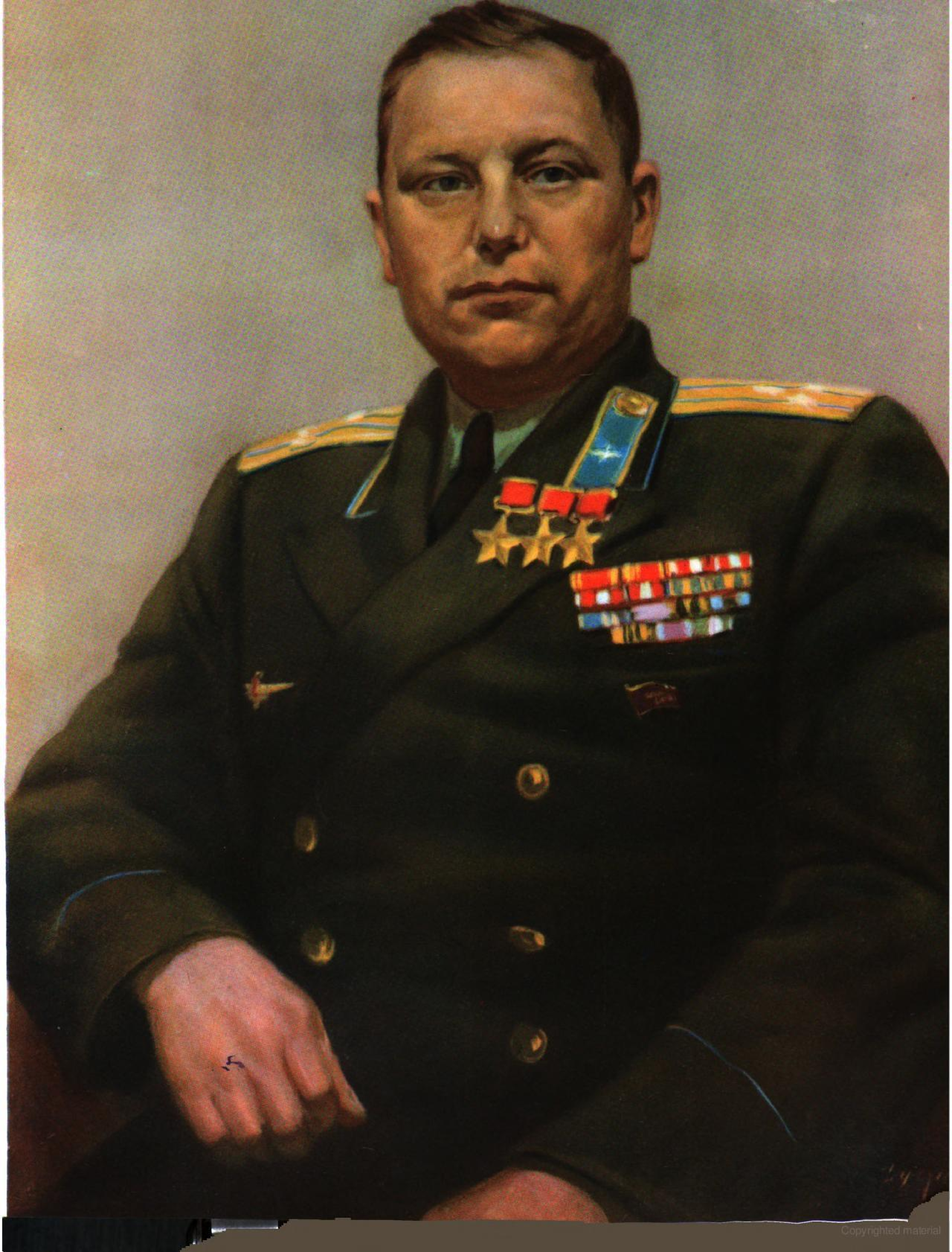
За создание картины и портретной серии бригада художников, в том числе и Дудник, была удостоена Сталинской премии.

Дуднику, как и его товарищам, в каждом отдельном случае удавалось воссоздать облик нового, советского человека, подчеркнуть его высокие моральные качества. Герои художника — люди больших патриотических замыслов, деятельного ума. Среди наиболее удавшихся работ Дудника — портреты прославленного летчика А. Покрышкина и выдающегося авиаконструктора А. Яковлева, публикуемые в этом номере «Огонька».

Дудниковские портреты отлично нарисованы. Их живопись плотная, осязательная, мастерски передающая форму. Эти работы восходят по реалистической традиции к портретам классиков русской живописи.

Е. БРАГИН

С. И. Дудник. *Портрет трижды Героя Советского Союза гвардии полковника А. И. Покрышкина.*

С. И. Дудник. *Портрет Героя Социалистического Труда авиаконструктора А. С. Яковлева.*

Собрание коллектива Рижского вагоностроительного завода, посвященное Заявлению Верховного Совета СССР о солидарности с Воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Выступает стахановец вагоносборочного цеха Э. Страздынь.

Фото А. Моклецова

Они подписали Стокгольмское Воззвание...

Свет победит тьму!

Академик А. В. ПАЛЛАДИН,
президент Академии наук Украинской ССР

Утром я прихожу в свой институт биологической химии, где созданы и создаются препараты для спасения человеческой жизни и повышения благосостояния людей. Я перелистываю отчеты об исследованиях, проведенных в этой области моими учениками и коллегами, и радуюсь тому, что в Советской стране наука с успехом служит благородному делу охраны здоровья человека.

Но вот приносят свежие газеты и журналы. Читаю:

...Министр обороны США Джонсон открыто заявляет, что американцы разрабатывают методы «химической, бактериологической и радиоактивной войны».

...Начальник химического корпуса армии США Маклиф сообщает, что его ведомство ежегодно расходует 12 миллионов долларов на исследовательскую работу и усовершенствование бактериологических и других наиболее бесчеловечных орудий войны.

...Американский наместник в Японии генерал Макартур объявил, что он «гарантирует безопасность» Исии, Касахаре, Вакамацу и Китано. Американские оккупационные власти решили привлечь этих преступников — виновников бактериологической войны — к разработке новых средств уничтожения человечества.

Кто они, эти люди, и можно ли их — макартуров, джонсонов, маклифов — назвать людьми? Как смеют эти палачи и убийцы заявлять, что не США, а Страна Советов угрожает делу мира? На кого рассчитана пропаганда атомщиков?

Советский народ первым поднял голос протеста против поджигателей новой войны. Советские граждане первыми поведали всему прогрессивному человечеству о жестоких и кровавых замыслах империалистов. Моя страна — знаменосец мира, его оплот и твердыня!

И мы теперь не одиноки. За нами сотни миллионов трудящихся Китая, стран народной демократии, простых людей Европы, Африки, Америки, Азии, Австралии. Я встречался с ними, слышал их гневные возгласы:

— Мы говорим войне: нет!

Мне довелось в составе советской делегации побывать в Голландии. Здесь нам рассказали любопытный случай, происшедший в соседней стране — Бельгии.

Академик А. В. Палладин подписывает Стокгольмское Воззвание.

На одном из митингов в защиту мира бельгийский профессор процитировал в своей речи некоторые заявления американских журналистов и государственных деятелей. Эти высказывания мало чем отличаются от приведенных мной сообщений печати о планах Джонсона или Макартура. Но хорошо оплачиваемый американцами слуга, официально занимающий пост чиновника бельгийского министерства, вознегодовал.

— Позвольте,— возмутился этот лакей, уже давно запродавший свою родину Уолл-стриту,— почему господин профессор ссылается лишь на высказывания американцев и не приводит воинственных заявлений советских журналистов и государственных деятелей?

— Я искал такие заявления, но не мог найти,— ответил профессор.— Если вы обнаружите подобного рода высказывания, я готов тут же исправить свою ошибку.

Минуло много месяцев с того времени, но профессору не пришлось исправлять «ошибки», которой он не совершил...

На аэродроме, когда мы собирались улетать в СССР, к нам подошел пожилой рабочий и передал письмо, написанное на голландском и русском языках. В нем были такие строки: «Трудящиеся Советского Союза, мы с радостью поздравляем вас как борцов за мир. Мы никогда не будем воевать против Советского Союза».

В этих словах простого рабочего Голландии были выражены думы и чаяния всех трудящихся земного шара, которые борются за мир.

У нас и у империалистов по-разному подсчитывают эффективность атомной энергии. В «Бюллетене американских ученых-атомников» Лоуренс Р. Хэфстэд, возглавляющий работы по усовершенствованию атомных батарей, занялся выяснением, во сколько следует оценить атомную бомбу, если исходить из стоимости того, что она может разрушить. Получилась огромная сумма. И Хэфстэд делает вывод: военное применение атомной энергии гораздо выгоднее мирного.

А в ту же пору весь мир облетели слова министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, заявившего на Генеральной ассамблее ООН:

— Мы поставили атомную энергию на выполнение великих задач мирного строительства, мы хотим поставить атомную энергию на то, чтобы взрывать горы, менять течение рек, орошать пустыни, прокладывать новые и новые линии жизни там, где редко ступала человеческая нога...

И в ту же пору наш друг профессор Жолио-Кюри подсчитал: одного вагона ядерного горючего достаточно, чтобы дать Франции вдвое больше электрической энергии, чем она сейчас получает за год.

Мы, советские ученые, обсуждаем пути дальнейшего развития идей великого физиолога И. П. Павлова, двигаем вперед биологическую науку. Со страниц «Правды» наш учитель И. В. Сталин направляет советское языкознание. Все мысли наших ученых посвящены одной цели — чтобы человеку еще лучше жилось на земле.

Когда я подписывал Стокгольмское Воззвание, перед моими глазами, как живой, встал один из солдат этой могучей, непобедимой армии. Я вспомнил митинг в голландском городе и молодого рабочего на трибуне. Мне не забыть его слов.

— Сегодня утром,— сказал он,— меня предупредили, что если я выступлю на митинге, то завтра буду выброшен с работы. Целый день я думал об этом и все-таки решил выступить.

Нельзя одолеть армию борцов за мир, в рядах которой такие солдаты! Свет победит тьму!

Они подписали Стокгольмское Воззвание...

Слово московской ткачихи

Ф. С. КОСЫРЕВА,
инструктор ткацкого цеха комбината «Трехгорная мануфактура»

На митинге я не выступала. Не умею. Вот и тогда, когда меня орденом Трудового Красного Знамени наградили, товарки, помню, мне говорили: «Скажи слово, Фекла Семеновна. Благодарность-то скажи!». А я не могу. Чувств столько, что вся грудь сжимается, а сказать не умею.

Слушала я, как на митинге ткачихи Белкина да Рожникова говорили: «Защитим мир, товарищи! Не дадим американским поджигателям нашу жизнь сломать. Не допустим их бесчинств в Корее!». Слушаю, а сама про себя шепчу: «Правильно, милые, правильно! Хорошо говорите». И чувствую — должна сказать. Про это молчать нельзя. Ну я так, по душе скажу.

Пришла сегодня в цех, слежу за станками и размышляю: «Вот уж 27 лет ходишь ты тут, Фекла Семеновна. И нет в твоей жизни, кажется, ничего, что бы с твоей «Трехгоркой» не было связано». Сколько из-под моих рук метров материалу ушло! Иногда гуляешь в парке и думаешь: «Вон парк какой огромный и сколько девушек в нем! А я ведь им всем за жизнь, небось, по нескольку платьев наткала». Свой товар, с «Трехгорки», мы, ткачихи, в любом месте узнаем. Я сейчас из Ялты вернулась, отдыхала (к слову сказать, весь юг уже объездила — и Сочи, и Пятигорск, и Нальчик — по заводским путевкам). Как на улицу выйду или на пляж, вижу, в наших халатах и платьях ходят женщины, и все такие довольные и красивые. Я все соседям говорила: «Вы посмотрите, это же нашего комбината материалы! Вот как украшаем человека! Хорошая у нас профессия!».

Как-то мы гуляли по парку с моей соседкой по палате, инженером. Она и говорит: «Подумать только, здесь, в Ялте, подписывались решения о долголетнем мире для людей. А теперь некоторые из тех, кто говорил о мире, там, за океаном, покушаются на всю красоту нашей жизни».

Я и раньше об этом в газетах читала, но почему-то от ее слов у меня особенно сердце сжалось.

Я всю войну на «Трехгорке» провела. Работали мы тогда по двенадцать часов, у станков засыпали. И на крышах дежурили. А домой придешь — холодно, темно. Коптилку зажжешь и сядешь белье шить для солдат. На работу придешь — тоже не весело. У той мужа убили, у той сына ранили, та у станка плачет. Но мы работали и, правду говорить, усталости не знали, потому что хотели счастья и мира.

У меня своих детей никогда не было. Потому, наверно, я к ученицам моим, как к дочкам, привыкала. Помню, пришла к нам на фабрику в войну Валя Осипенкова, совсем была девочкой. «Научите меня,— говорит, — Фекла Семеновна, так ткать, чтобы я для страны побольше делала». И ведь как быстро научилась — по 170 процентов задания давала!

Вот сейчас смотрю, как ходит она между восемью станками, и думаю: «Ведь, наверно, кончишь ты смену, пойдешь в парк или в кино, и будет тебя твой парень ждать, для которого ты самая дорогая и самая красивая на свете. И ты будешь думать, что жизнь очень хороша и счастья столько, что не надышишься. А кто-то хочет оторвать от тебя твоего любимого, и убить, и тебя сделать несчастной». Нет! Нет! Как же это допустить возможно?

Я речей не умею говорить. Но и умолчать не могу. Люди со всего света, вы услышьте меня, нас, советский народ, услышьте! Человек — он для мирной, красивой жизни на земле родится. Запретите же им новый разбой! Распишитесь за мир!

Будь прокляты все те, кто хочет войны! Так я говорю, простая советская ткачиха.

В чем и ставлю свою подпись: Фекла Косырева.

— Вон парк какой огромный и сколько девушек в нем! А я ведь им всем за жизнь, небось, по нескольку платьев наткала,— говорит Фекла Семеновна Косырева.

На берегах Сарпи

Бланки со Стокгольмским Воззванием были доставлены в пограничное село Сарпи в середине дня. В этот час сюда приходит почта. Жители Сарпи читают утренние батумские газеты в полдень. Расторопный почтальон разносит их вместе с письмами по бригадам, потому что адресатов в это время обычно не бывает дома: все на работе, на плантациях. Идет сбор зеленого чайного листа. Урожай нынче превосходный.

Течение жизни в Сарпи самое мирное. В каждом доме довольство, достаток во всем.

Мы сидим у колхозника Мухамеда Наракидзе, в нескольких десятках метров от государственной границы. У Наракидзе новый дом, построенный на заработанные трудодни. Такими домами обзавелись здесь все семьи. В прошлом Наракидзе, как и все его соседи, был рыболовом. Рыбу продавали в Батуми перекупщикам-спекулянтам за гроши. С колхозом в Сарпи появилось высокодоходное субтропическое хозяйство.

Разговор в полевом

Зеленым островком над бескрайним простором золотистого жнивья возвышается полевой стан кубанского колхоза «Социалистический путь». В степи зной, солнцепек, духота. А тут, под сенью молодых деревьев, окружающих домик трактористов, прохлада, щебечут птицы. Под вечер после страдного трудового дня колхозники собираются в кружок отдохнуть, послушать радио, поговорить о новостях. Многие давно уже не были дома, в станице. Когда из Усть-Лабинской привозят свежие газеты, колхозники быстро разбирают их. Кто читает вслух, кто — про себя. Незаметно завязывается оживленная беседа о прочитанном, о том, что волнует сейчас каждого,— о борьбе за мир.

Мир! Слово это нынче у всех на устах. Страстный призыв Советского Комитета защиты мира особенно дорог и близок кубанским хлеборобам. В их памяти еще свежи ужасы недавней войны, вражеской оккупации.

— Хиба те злыдни американские, кто бомбы на Корею бросают, а сами за морем-океаном ховаются, хиба они бачили, шо це таке война? — с дрожью в голосе говорит Анастасия Даниловна Данилова, обводя односельчан гневным вопрошающим взглядом.

Не стара годами Анастасия Даниловна, а зовут ее в колхозе бабушкой. Много выстрадала, много горя приняла она с той поры, как ушел ее муж Дмитрий Карпович воевать против гитлеровцев. Ушел — и не вернулся. Осталась вдова одна с малыми ребятами. Не будь советской власти, колхоза, пришлось бы, пожалуй, по миру идти. А колхоз помог ребят вырастить, в люди вывести. Мишатка — старший сынок — недавно еще в школу бегал, а сейчас тракторист. Вот он уселся на траве, охватив колени большими, сильными руками. Поглядела на сына Даниловна и нахмурилась. Всем понятно стало, о чем тревожится материнское сердце...

Соседка Лида Жиркова крепко обняла Анастасию Даниловну и сказала:

— Не журись, Даниловна! Будут и дальше сыны наши сил набираться, расти, как яблони в саду.

Жиркову, худенькую, остроносую, с широко раскрытыми серыми глазами, односельчане запросто зовут Лидой. Очень уж юной выглядит она. Но в станице знают, нелегкая жизнь у Лидии Васильевны: трое ребят мал мала меньше, муж погиб на войне. И понятно колхозникам, почему это Лида про яблони сказала. Деревца, что растут здесь сейчас, давая прохладу и тень, сажал еще до войны Илья Степанович Жирков, бригадир трактористов, муж Лидии Васильевны. И сейчас вспоминает она, как приходила сюда навестить мужа, а яблоньки тогда были крохотные.

— Богато живем,— говорит Мухамед Наракидзе.— Ни в чем нужды не испытываем. А дети еще лучше нас будут жить. Двух сыновей я послал в Тбилиси учиться: одного — в медицинский институт, другого — в Академию художеств. Только вот братьев наших жалко. Бедствуют. Тяжело им.

— Каких братьев? Что с ними случилось?

— Они там живут,— и старик показал рукой в сторону, где маленькая речка Сарпи, словно кинжалом, разрезала село надвое; за рекой — Турция: по ту сторону границы жизнь и ныне такая же, как тридцать лет назад,— темная и тяжелая. Люди, оставшиеся там, живут попрежнему в полуразвалившихся хибарках, ходят в лохмотьях. Они и мечтать не могут об учебе детей в институте. Хоть бы грамоте научить могли.

Когда вечером в доме колхозника Наракидзе вспыхивает электричество и Мухамед включает радиоприемник, на той стороне робко мигают в окнах коптилки, наполненные дельфиньим жиром. Об этих контрастах в жизни братьев писал в своих стихах, посвященных Сарпи, грузинский поэт Григол Абашидзе:

И когда по ночам небосвод
Опрокинет свой купол высокий,
Этот брат, отдыхая, поет,
Тот рыдает во тьме, одинокий.

Обо всем этом, о жизни на советском и турецком берегах Сарпи, горячо говорили колхозники, собравшиеся, чтобы поставить свои подписи под Стокгольмским Воззванием.

Речь держит звеньевой колхоза имени Орджоникидзе, Герой Социалистического Труда, агитатор М. Кахаилиши:

— Мы с вами каждый день собственными глазами видим, как живут наши братья по ту сторону реки, в Турции. Но, может, такая тяжелая жизнь только в одном селе? Вот послушайте, что сообщает турецкая газета «Кудрет»: недавно сорок жителей села Пейнирл, вилайета Чорох, отцы больших семейств, явились в местную организацию национальной партии и заявили, что они уже двенадцать суток ничего не ели, кроме травы.

Почему же они голодают? Потому что в Турции хозяйничают американцы. Эти непрошенные опекуны хотят навязать такую же жизнь и корейцам и китайцам, всему миру. Ничего не выйдет из этого! Сотни миллионов людей выступают против войны. Присоединим и мы свои голоса!

И десятки подписей скрепляют волю к миру колхозников пограничного села.

Н. НОВИЦКИЙ

Работники Таллинского порта подписывают Воззвание.

Грузчик Рыбалко на «вахте мира»

Бригада грузчиков-скоростников, руководимая тов. Рыбалко, готовилась встать на «вахту мира» по разгрузке парохода «Онега», когда в Таллинский порт пришло сообщение о начале сбора подписей под Стокгольмским Воззванием. Вместе с другими грузчиками, с крановщиками, служащими порта Рыбалко пришел к причалам, где возле огромных кранов был поставлен маленький столик со стопкой белых листков. Это — Стокгольмское Воззвание, документ, одинаково близкий и понятный советскому портовику, норвежскому матросу, французскому докеру...

Когда началось собрание, Рыбалко попросил слова.

— Я хочу,— сказал он,— чтобы и моя подпись послужила делу мира. К нам в порт приходят пароходы, побывавшие в разных странах света. Моряки рассказывают, что простые люди различных национальностей и профессий, мужчины и женщины, старики и юноши единодушно подписываются под Воззванием. Так как же не подписать этот исторический документ нам, советским людям, которые всегда были и будут сторонниками мира!

Вечером стахановцы Таллинского порта встали на «вахту мира». Пароход «Онега» был разгружен досрочно...

Д. АЛЕКСАНДРОВ

стане

Пробежала улыбка по лицу Лиды, и снова она хмурая сидит. Вспомнилось, как черной тучей пронеслись по кубанской земле вражьи полчища, как в пепле и развалинах лежала станица и в заросшей бурьяном степи, на месте полевого стана, торчала закопченная печная труба. И, словно отвечая самой себе, женщина говорит вслух:

— Думалось тогда: не будет больше жизни; всему, что строили, всему погибель пришла. А теперь гляньте...

Она широким жестом обводит вокруг. Скирды спелой, только что убранной пшеницы на сотнях гектаров, просторные корпуса новых ферм, что за последний год выросли в степи, нарядное каменное здание школы, недавно отстроенной в станице.

— Правильное имя дали нашей артели — «Социалистический путь»,— значительно произносит Жиркова,— ходко по тому пути вперед двигаемся. Никакой вражьей силе в сторону нас не свернуть!

Она умолкает, опустив глаза, словно смутившись собственным красноречием.

Потом поднимается с земли Михаил Никитич Чернышев, бригадир трактористов. Плотный, широкоплечий, в гимнастерке, туго перепоясанной ремнем, поднимается с трудом, опираясь на палку. Восемь лет назад, когда шли бои с немцами в предгорьях Кавказа, танкист Чернышев выпрыгнул из объятой пламенем машины и тут же упал, прошитый автоматной очередью. Трое суток пролежал он тогда без сознания, полтора года маялся по госпиталям. На всю жизнь запомнилось ему, что́ такое война. Не забылись и первые дни возвращения домой, в станицу, освобожденную от оккупантов. Пара лошадей да пять коров — вот и все, что осталось в колхозе. В МТС был один трактор, да и тот сломанный.

— Ну да ладно, не о прошлом речь,— проводя рукой по лбу и как бы отгоняя тяжелые воспоминания, говорит Михаил Никитич.— Лучше поговорим о сегодняшних делах. Есть чему нам радоваться. Опять к достатку выбились. Вот как снимем урожай, соберем пшенички центнеров по 20 с гектара, в каждой хате праздник будет!.. Думаю, что против прошлого года намного больше получим... Выходит, не зря старались, товарищи фронтовики.

— Что советским людям война не нужна, это всякому ясно,— говорит бригадир Храмцов,— да и другим народам ни к чему. Не пойдут они за этими разбойниками. Или зря французы да итальянцы американские пушки в море бросают...

Вытерев платком лысину, откашлявшись, вступает в разговор пожилой кузнец Мефодий Николаевич Иванов:

— Правильные слова! Я вот бобыль, один-одинешенек на всем белом свете: обоих сынов унесла война. И думаю я: сколько же таких бобылей и у нас и в других странах осталось... Много, ох, много! Вот поднимемся мы, старики да старухи, поднимемся по всей земле и скажем: «Не бывать больше войнам! Не позволим народ морить! Дайте нам спокойно хлеб сеять да убирать его».

— Молодые тоже поднимутся,— тихо, но твердо произносит Маруся Денисова, поправляя русые волосы, выбившиеся из-под косынки.— Нам, молодым, жить, работать охота, учиться...

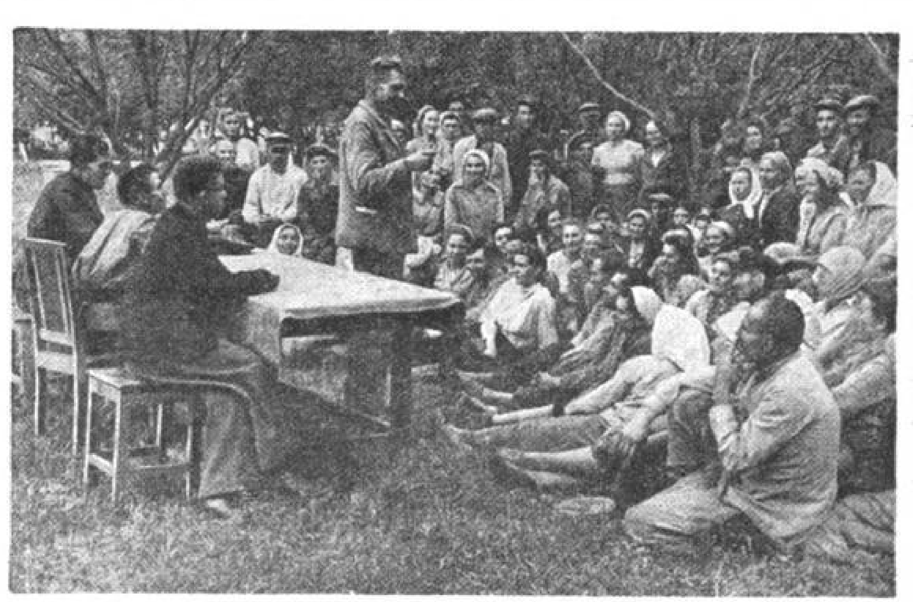
— Свадьбы гулять,— раздался чей-то голос в тон Марусе.

— Да, и свадьбы гулять,— уже задорно повторяет Маруся.

Дотемна длится в полевом стане этот большой человеческий разговор о мире, о судьбах народа, сынов и дочерей его, собравшихся сейчас здесь, под сенью молодых деревьев, взращенных на земле, которую опалила война.

Потом кто-то выносит стол, и на нем расстилают широкий лист бумаги. Люди в торжественном молчании подходят поближе и старательно, не торопясь, выводят свои подписи под текстом Стокгольмского Воззвания...

М. САВИН

— Что советским людям война не нужна, это всякому ясно, — говорит бригадир Храмцов.

Фото Г. Санько

Депутаты Верховного Совета РСФСР в перерыве между заседаниями. Слева направо: учительница Е. А. Карпуничева (Вологодская область), профессор В. Д. Кузнецов (Томская область), народный судья Е. М. Попова (город Куйбышев), народный артист СССР Г. Ц. Цыдынжапов (Бурят-Монгольская АССР) и начальник отделения Юго-Восточной железной дороги А. К. Лысенко (Воронежская область).

Фото А. Устинова

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

С четвертого по седьмое июля состоялась четвертая сессия Верховного Совета РСФСР. Сессия утвердила Государственный бюджет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на 1950 год и отчет об исполнении бюджета РСФСР за 1949 год.

Народы Российской Федеративной Республики пришли к этой сессии с выдающимися успехами во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Объем продукции республиканской и местной промышленности на 26 процентов превысил уровень 1940 года. Неуклонно развивается сельское хозяйство. Претворяется в жизнь сталинский план преобразования природы. Непрерывно растут материальное благосостояние и культура трудящихся.

О масштабах культурно-бытового строительства убедительно говорит такая цифра: за 1946—1949 годы в городах и рабочих поселках РСФСР построено и восстановлено жилищ общей площадью свыше 43 миллионов квадратных метров.

В бюджете РСФСР на 1950 год ярко воплощена программа мирного, созидательного труда советских людей. Девять десятых средств ассигнуется на финансирование народного хозяйства и социально-культурных мероприятий.

Мирный характер нашего бюджета становится особенно ясным при сопоставлении с бюджетами капиталистических стран: США в 1950—1951 году планируют на военные расходы 76 процентов бюджета, в Англии расходы на вооружение и содержание армии в нынешнем году почти вдвое выше прошлогодних.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасов.

В бюджете РСФСР, как хорошо сказала на сессии депутат М. В. Кропачева, «отражены правда нашей советской жизни, наше неуклонное стремление вперед. И как бы ни старались господа империалисты скрыть это от своих народов, правда проникает повсюду, для нее нет преград!»

Сессия Верховного Совета РСФСР еще раз продемонстрировала готовность народов Российской Федерации неустанно бороться за успешное завершение послевоенной сталинской пятилетки для достижения новых побед в строительстве коммунизма.

* * *

На сессии единогласно избран Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР товарищ Тарасов Михаил Петрович.

* * *

Дневник ОГОНЬКА

Закончились также сессии Верховных Советов Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Казахской, Армянской, Киргизской и Молдавской Советских Социалистических Республик, утвердившие государственные бюджеты республик на 1950 год.

Руки прочь от Кореи!

Американские империалисты начали военную агрессию в Азии в дни, когда над всем земным шаром веет могучий, бодрящий ветер международного движения в защиту мира. Во всех странах подымается волна гнева и возмущения народных масс нападением империалистических хищников на Корейскую народно-демократическую республику. «Вон американских интервентов из Кореи!» — этот клич громко раздается всюду, где только бьется сердце честного трудящегося человека.

Всем ясны и очевидны цели, которые преследовали американские империалисты, двинув 25 июня войска своего наймита Ли Сын Мана через 38-ю параллель и затем организовав военную интервенцию США в Корее. Они хотят не допустить создания корейским народом единого демократического Корейского государства, хотят лишить Корею национальной независимости, превратить ее в колонию американских монополий и использовать корейскую территорию в качестве военно-стратегического плацдарма на Дальнем Востоке.

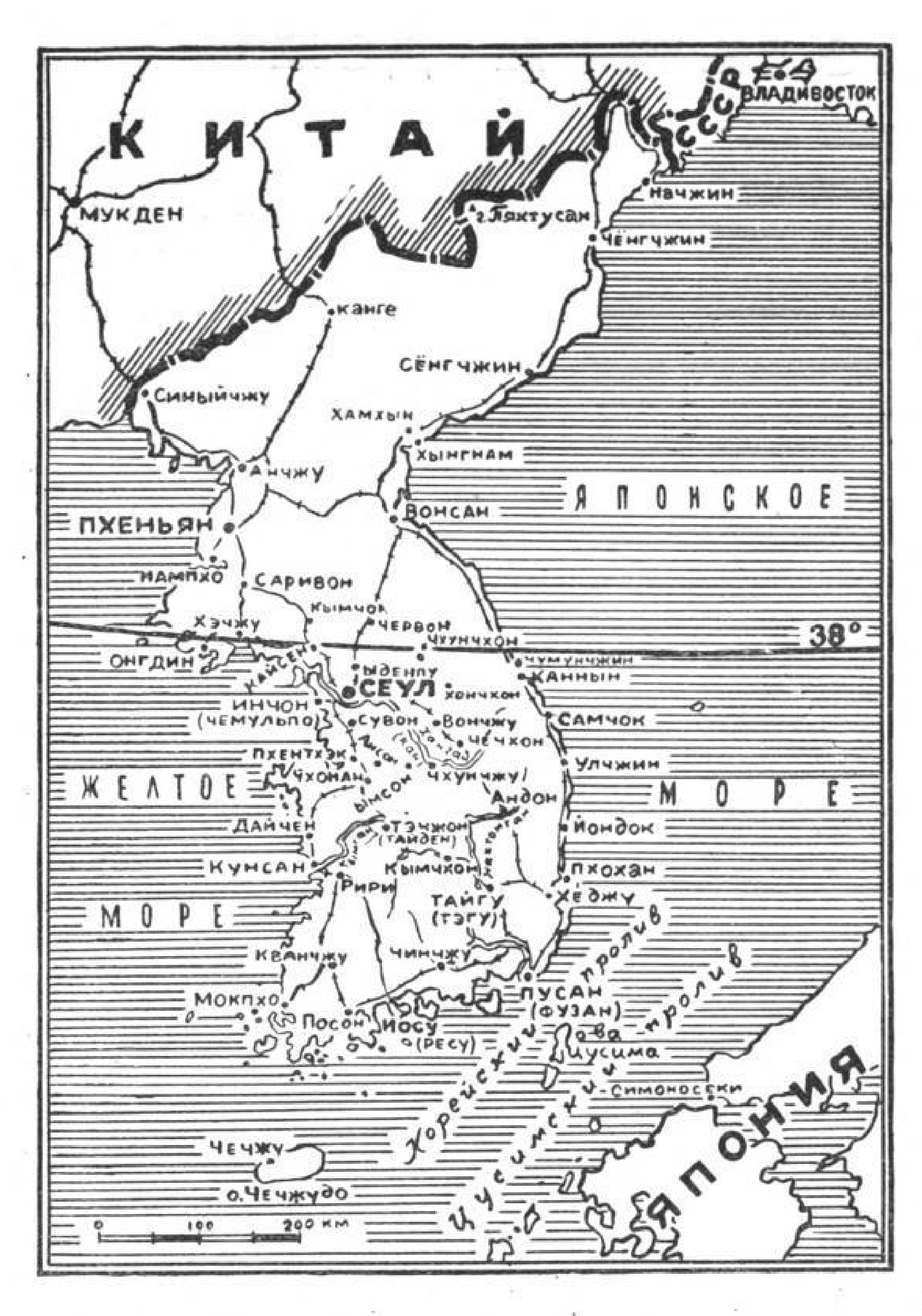
Факты показывают, что военное нападение на Корейскую народно-демократическую республику давно подготовлялось в недрах американских штабов и в канцеляриях государственного департамента США. О предстоящем нападении, не стесняясь, писали американские газеты, об этом открыто говорили «высокопоставленные лица» из лисынмановской продажной клики. «Ли Сын Ман,— откровенничала незадолго до 25 июня газета «Нью-Йорк таймс»,— не раз указывал, что его армия могла бы повести наступление, если Вашингтон даст свое согласие». Американские генералы, со своей стороны, похвалялись «высокими качествами» создаваемой ими лисынмановской армии и превозносили ее готовность к наступательным действиям. На десятки миллионов долларов было доставлено оружия в Южную Корею из-за океана только за последние месяцы 1949 года. Совсем незадолго до вторжения лисынмановских войск на территорию Корейской народно-демократической республики южнокорейских марионеток ободряли и инструктировали высшие представители американской военщины Джонсон и Брэдли. А за несколько дней до 25 июня их специально «благословил» в поход матерый поджигатель войны, советник государственного департамента Джон Фостер Даллес.

Таковы факты, которые нельзя заглушить ни жульническими версиями, ни трескучей шумихой в печати, ни смехотворными трумэновскими заверениями, что авиация, морской флот и пехота США занимаются в Корее... «полицейскими функциями». Даже многие американские газеты отмечают нелепость и фальшь этого, с позволения сказать, «объяснения» военной интервенции США в Корее. Газета «Чикаго трибюн» поместила иронические стишки, высмеивающие заявление Трумэна: «Мы совсем не солдаты — мы полицейские, не волнуйтесь — это не война!»

Развязав военные действия против Корейской народно-демократической республики, американское правительство одновременно совершило прямой акт агрессии против Китайской народной республики, стало на путь разжигания войны против Вьетнама. Пресловутый приказ Трумэна от 27 июня говорит об этом каждой своей строчкой, и то же подтверждают с циничной откровенностью все последующие действия вооруженных сил США в Корее. Об этом свидетельствуют операции американских самолетов против наступающей корейской народной армии, разбойничьи налеты американских воздушных пиратов на города и села Кореи, высадка американских войск на юге Кореи и их участие в военных действиях против армии Корейской народно-демократической республики.

Позорно провалилась попытка американских поджигателей войны задним числом прикрыться вывеской Организации Объединенных Наций, которую они поставили перед совершившимся фактом своей агрессии в Корее. Спешно состряпанное в Вашингтоне и проштемпелеванное сателлитами США «решение Совета Безопасности» по корейскому вопросу — не более чем фальшивка. Прогрессивное общественное мнение мира нелегко обмануть. Совершенно очевидно, что это «решение» не может иметь и не имеет законной силы, как принятое в нарушение устава ООН и в отсутствии двух постоянных членов Совета Безопасности — СССР и Китая. Развязный цинизм, с которым американское правительство и его подручные в Совете Безопасности пытаются прикрыть свои агрессивные цели флагом Организации Объединенных Наций, еще больше усиливает возмущение передовой международной общественности действиями американских интервентов.

Все громче звучит голос протеста народов всего мира против агрессии американских империалистов в Корее. Со всех концов земли несутся слова дружеской солидарности с корейским народом, борющимся за свою свободу и независимость, против лисынмановских войск и американских интервентов. «Руки прочь от Кореи!» — требуют парижские металлисты и горняки Уэльса, итальянские машиностроители и докеры Гамбурга, венгерские землепашцы и садоводы Болгарии, патриоты Вьетнама и Малайи.

Международные демократические организации, в рядах которых объединены сотни миллионов трудящихся, выступили с призывом к рабочим, служащим, крестьянам, интеллигенции всех стран активно протестовать против интервенции американских империалистов в Корее. Всемирная федерация профсоюзов призвала все примыкающие к ней организации провести, начиная с 10 июля, всемирную неделю солидарности с корейским народом, организовать повсюду народные манифестации с требованием о немедленном выводе американских вооруженных сил из Кореи. Международная демократическая федерация женщин зовет свои национальные организации разоблачать американскую агрессию, осудить ее на массовых собраниях и митингах женщин. Решительно развертывают движение в поддержку героического народа Кореи объединения молодежи всех стран мира. Секретариат Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира от имени всего могучего фронта борцов за мир заклеймил американских поджигателей войны и потребовал прекращения американской интервенции в Корее.

В странах народной демократии миллионы людей, сбросивших цепи империалистического гнета, собираются на митинги, чтобы выразить свое негодование против действий американских интервентов в Корее и требовать для корейского народа свободы решать самому свою судьбу. Рабочие металлургического завода в венгерском городе Озде заявляют:

— С чувством глубокого возмущения следим мы за происками американских империалистов, пытающихся разжечь новую мировую войну. Еще крепче сплотим ряды лагеря мира, мобилизуем все силы на досрочное выполнение пятилетнего плана, ликвидируем пятую колонну империалистов в стране. Самоотверженным трудом на производстве поддержим борьбу корейского народа за свободу и независимость.

Американская агрессия в Корее вызвала среди миллионов сторонников мира во всех странах твердое стремление еще шире развернуть сбор подписей под Стокгольмским Воззванием, требующим обуздания поджигателей войны и запрещения атомного оружия. Везде все новые и новые миллионы людей ставят свои подписи под этим Воззванием, демонстрируя свою волю стоять на страже мира и отстоять его. В Советском Союзе с 30 июня по 10 июля под Стокгольмским Воззванием подписалось 96 360 866 человек. Советский народ показывает этим свою непоколебимую волю к миру, свою сплоченность вокруг советского правительства, большевистской партии и великого знаменосца мира товарища Сталина.

На тысячах митингов и собраний громко раздается голос советского народа. Миллионы рабочих, колхозников, представителей интеллигенции страны социализма говорят свое веское слово. Они требуют прекращения преступной американской авантюры в Корее, требуют уважения к законным правам и суверенитету корейского народа, настаивают на выводе войск американских интервентов из Кореи.

Весь многомиллионный советский народ, как один человек, поддерживает политику советского правительства — сталинскую политику мира и безопасности народов. Мысли советского народа хорошо выразил на митинге рабочих завода «Каучук» начальник цеха И. Александрова: «Трумэн от имени американского империализма бросил наглый вызов силам мира, но силы мира столь велики, что сомнут любого поджигателя войны!»

Американские претенденты на мировое господство могут убедиться, что против них сплоченной, непоколебимой стеной стоит великий международный лагерь мира и демократии, что прошли времена, когда появления кораблей империалистической державы в водах стран Азии было достаточно, чтобы заставить замолчать «непокорных». Народы, вдохновляемые примером победившего народа Китая, дают твердый отпор империалистическим агрессорам.

Достойную отповедь дал агрессорам от имени корейского народа министр иностранных дел Корейской народно-демократической республики Пак Хен Ен, который заявил: «Видя крушение своих планов колонизации Кореи, американские империалисты усиливают вооруженную интервенцию против корейского народа. Они хотят утопить свободу Кореи в крови ее патриотов, но им не запугать свободолюбивый корейский народ».

Горячее одобрение всех народов вызывает ответ министра иностранных дел Китайской народной республики Чжоу Энь-лая на акт интервенции американских захватчиков на Тайване: «Несмотря на любые военные шаги, предпринятые американским правительством, китайский народ исполнен твердой решимости во что бы то ни стало освободить Тайвань».

Агрессия империалистов в Корее открыла глаза тем трудящимся в капиталистических странах, которые еще не осознали опасности новых империалистических авантюр и были под гипнозом лживой пропаганды поджигателей войны. Это приведет под знамена движения в защиту мира новые миллионы простых людей. Воля народов к миру и свободе, выраженная в сотнях миллионов подписей под Стокгольмским Воззванием, закалится еще более, она обуздает зарвавшихся агрессоров и приведет к провалу их преступные планы.

«Руки прочь от Кореи!» — гремит во всех странах клич народов.

Н. КИРИЛЛОВ

Разоблачение агрессоров

Провокационное нападение южнокорейских войск Ли Сын Мана на приграничные районы Корейской народно-демократической республики — результат заранее задуманного плана.

Американская военная миссия, в которой состояло свыше 500 военных советников под командованием генерала Робертса, в течение значительного периода времени занималась подготовкой войск Ли Сын Мана к агрессивным военным действиям. Накануне вторжения этих войск в Северную Корею их лично инспектировал известный поджигатель войны советник госдепартамента США Джон Фостер Даллес.

Американские и другие иностранные газеты с циничной откровенностью опубликовали фотоснимок, изображающий Даллеса, американских и южнокорейских офицеров с биноклями и военными картами в окопе на 38-й параллели. Уже один этот факт изобличает американских империалистов в подготовке вооруженной интервенции США в Корее.

(Снимок из английской газеты «Дейли мейл» 26 июня 1950 года.)

Сотрудники Советского Комитета защиты мира разбирают почту. Слева — художественно вышитая подушка, подарок из Австрии.

Фото Б. Кузьмина

Москва, Кропоткинская, 10

Мужчина и женщина остановились у входной двери особняка. Кропоткинская улица, дом 10. На двери висит табличка: «Советский Комитет защиты мира».

Посетители прошли в нарядный зал. Мужчина обратился к сидевшему за столиком сотруднику Комитета:

— Мы с женой едем из Омска на отдых в Кисловодск. Дома не успели подписаться под Воззванием. Вот прямо с вокзала, от поезда до поезда, к вам пожаловали. Разрешите поставить свои подписи. Не скрою, лестно подписаться под Воззванием именно здесь, в Комитете защиты мира...

Ему подали лист бумаги, на котором длинной колонкой вытянулись фамилии.

Сначала подписалась жена, за ней муж. Мы попросили сибиряков рассказать о себе.

— Профессор Прокофьев, — отрекомендовался приезжий.

— В минувшей войне погиб наш единственный сын. Это очень тяжело, — сказала Прокофьева. — Война — бич человечества. И ее нельзя допустить...

Много людей посещает в эти дни особняк на Кропоткинской улице. Вот пришла группа рабочих одного из московских машиностроительных заводов. Принесли письмо коллектива, адресованное Советскому Комитету защиты мира. Рабочие пишут, что, встав на стахановскую «вахту мира», они значительно перевыполняют план. Делегаты рассказывают, как глубоко всколыхнуло массы Стокгольмское Воззвание.

Среди посетителей Советского Комитета защиты мира мы узнаем известного скульптора В. И. Мухину. Она работает над скульптурой, посвященной теме борьбы за мир. Вера Игнатьевна пришла познакомиться с письмами сторонников мира, которые получают здесь.

Беседа прерывается телефонным звонком. Вызывает Ижевск. Оттуда сообщают: в Удмуртской АССР состоялось 4067 собраний. В них участвовало больше 300 тысяч человек. С резкими речами против поджигателей новой войны, в защиту народно-демократической Кореи выступило 11 676 человек.

Цифры, которые не мешает знать агрессорам. Ведь это по одной только автономной республике!

Телефонные звонки не умолкают. Передают сводки из Фрунзе, Киева, Куйбышева, Ставрополя, Вильнюса. Звонят со столичных заводов и институтов...

Принесли новую пачку телеграмм. Трудящиеся Страны Советов заявляют о своей готовности стахановским трудом крепить мощь Родины.

Только что пришла посылка из Лондона. В ней фильм, снятый во время массового митинга в защиту мира, организованного в Лондоне в честь делегатов, прибывших на сессию бюро Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Объектив киноаппарата запечатлел мощную демонстрацию трудящихся Англии против поджигателей новой войны.

В Советском Комитете защиты мира нам показали подарки, присланные сюда из разных стран. Письменный прибор — дар рабочих Вены — с надписью: «Мы работаем только для мира!». Австрийцы же подарили художественно вышитую подушку: голубь мира держит в клюве лавровую ветвь.

Все прогрессивное человечество поднялось на борьбу за мир. И здесь, в особняке на Кропоткинской, ощущаешь могучий размах этой борьбы.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Большой день

С утра в Георгиевском стояла привычная в пору горячих полевых работ тишина. Но после полудня село ожило, заговорило, на улицах появились празднично одетые колхозники. Они приветливо здоровались, собирались в кружки, обменивались новостями, а потом направлялись к двухэтажному зданию школы.

Село Георгиевское стоит на приволжской равнине. Вокруг него на зеленом просторе раскинулись небольшие деревеньки — по два, по три да по четыре десятка бревенчатых изб с резными наличниками окон. От деревни до деревни рукой подать: полевой дорогой с километр, а напрямки метров шестьсот. Поля и луга одного селения, как зубья вил, входят в угодья другого.

Восемнадцать небольших селений окружают Георгиевское — центр Некрасовского сельского совета, Ярославской области. И сегодня из ближних деревень пешком, а из более отдаленных на машинах, расцвеченных кумачовыми флагами, явились в Георгиевское торжественно настроенные жители этих селений.

...Георгиевцы не раз, беседуя вечерами на завалинке, сокрушались:

— Маломощные у нас колхозы, развернуться негде!..

В самом деле. В колхозе «15 лет Октября» всего сорок пять хозяйств, пахотной земли — сто шестьдесят гектаров.

— В других-то местах, — говорили колхозники, — каменные дома, клубы, электростанции строят. А как мы можем поднять большое дело? Где силы, материалы, средства?

Все больше досаждали и трактористы. И в правлениях колхозов и на собраниях они говорили:

— Мы у вас не работаем, а скачем с поля на поле, из колхоза в колхоз. На каких-нибудь восьми гектарах с нашей техникой не повернешься... А что будет, когда машин станет еще больше?

Вывод напрашивался сам собой. Чтобы двигаться и дальше вперед, надо укрупняться, сливаться с соседними колхозами, набираться мощи.

И вот в здании школы села Георгиевского на организационное собрание пришло почти все трудоспособное население девятнадцати деревенек — шести колхозов Некрасовского сельсовета.

Первый вопрос в повестке дня — выборы председателя колхоза.

— Хозяйство теперь у нас будет большое, — сказал председатель собрания, — и руководить им нужно умело. Договоримся так: каждый желающий выставить кандидатуру в председатели колхоза пусть подходит сюда и называет фамилию. Кто просит слово?

На трибуну поднялся Козырев, заведующий животноводческой фермой бывшего колхоза «Страна Советов».

— Товарищи! — сказал он. — Предлагаю избрать председателем нашего нового колхоза Виктора Васильевича Орлова. Вы все его знаете. Он у нас председательствует в сельском Совете, вывел сельсовет в передовые, второй год мы держим переходящее Красное знамя области. Авторитет его вам известен. Будет настоящий руководитель, большевистский вожак.

Затем речь держал колхозник Сергеев:

— Я разделяю предложение товарища Козырева и рекомендую избрать председателем колхоза товарища Орлова. Он грамотный человек, хороший организатор, разносторонний хозяйственник. Словом, большевик!

Председательствующий снова спросил:

— Будут ли другие кандидатуры?

На передних скамьях заговорили женщины. Одна выкрикнула:

— Новикова, председателя колхоза «Страна Советов», его выдвигаем!

— Может быть, дадите характеристику? — спросил председатель.

— Новикова все знают. Он тринадцать лет руководит нашим колхозом. И хорошо руководит! — снова заговорили женщины.

— Запишем в список и товарища Новикова, — сказал председатель. — Будут еще предложения?

Назвали и другие имена. О каждой кандидатуре говорили обстоятельно, придирчиво.

Новиков просил не выбирать его: староват — шестьдесят лет, не очень грамотен, для большого колхоза нужен человек поэнергичней.

— Я вполне поддерживаю кандидатуру Орлова, — сказал Новиков в заключение.

Подавляющее большинство голосов было подано за Орлова. В зале раздались дружные аплодисменты.

Новому колхозу дали название «Страна Советов».

— Итак, товарищи, все мы, сидящие здесь, отныне члены сельскохозяйственной артели «Страна Советов», — торжественно объявил председательствующий.

Слово предоставили только что избранному председателю колхоза тов. Орлову.

— Прежде всего спасибо за доверие, — начал Орлов небольшую речь. — Я постараюсь оправдать его. Рассчитываю на вашу поддержку и помощь. Дел у нас много, очень много: нам нужно свести все хозяйство воедино, разобраться в системе оплаты труда и нормах выработки, укрепить дисциплину. Работать мы должны единой, дружной семьей. В этом залог нашего успеха. В новом большом колхозе мы пойдем сплоченно к светлому будущему, к которому ведет Страну Советов дорогой наш вождь и учитель, друг всех колхозников товарищ Сталин!

В едином порыве колхозники поднялись со своих мест. Под сводами школы долго гремит овация в честь родного Сталина.

— Большой день у нас сегодня, — говорил группе колхозников избранный в правление артели Иван Дмитриевич Руфов. — На новую, широкую колею колхозной жизни встаем. Одной земли почти две тысячи четыреста гектаров, в том числе пахотной больше тысячи гектаров. Трактористам раздолье! И комбайны будут работать на наших полях. Более трехсот коров, тысяча свиней и овец. Словом, мощное хозяйство.

— Да и экономия немалая, — поддержали его. — Было шесть председателей правлений, теперь один. Было двенадцать счетоводов, останется не больше пяти.

— Строиться начнем широким фронтом. За культуру по-настоящему возьмемся, как полагается колхозникам большой артели...

Иван Дмитриевич посмотрел на колхозников, увлеченных мыслями о будущем, и еще раз сказал:

— Большой день у нас сегодня, товарищи!

Л. КУДРЕВАТЫХ

ФИЛЬМ О МОЖАЙСКОМ

...Большое поле окружено оживленной толпой: мужчины в котелках, дамы в огромных старомодных шляпах, любопытствующие гимназисты с допотопными фотоаппаратами в руках. Поблескивают кокарды военных чинов. И все взоры прикованы к одной точке: там, в центре поля, странное сооружение, напоминающее невиданных размеров стрекозу.

Засуетились вокруг нее фигурки людей, и «стрекоза» побежала по земле, вздрогнув, отделилась от нее и, покачивая крыльями, неуверенно поплыла в воздухе...

Что это: эпизод из художественного фильма? Инсценировка? Нет, это документальные кинокадры, заснятые во время первой авиационной недели в Петербурге и включенные в новый научно-популярный фильм, посвященный создателю первого в мире самолета Александру Федоровичу Можайскому.

Перед зрителем проходят основные вехи развития нашей авиации: «мертвая петля» основоположника высшего пилотажа П. Н. Нестерова, труды К. Э. Циолковского — родоначальника ракетной авиации и дирижаблестроения, беспосадочный перелет Чкалова в Америку, полет на Северный полюс, завоевание высот стратосферы...

Киноаппарат фиксирует неопровержимые доказательства приоритета Можайского в создании летательного аппарата тяжелее воздуха.

Перед киноаппаратом старожилы Красного Села, очевидцы полета Можайского. Убедительно и ярко звучит с экрана их рассказ о событии, открывшем эру авиации.

Изобретение завершено, но правительственная комиссия, за спиной которой стояли иностранные агенты, сделала все возможное, чтобы помешать его осуществлению. Поддержала Можайского другая Россия — простые рабочие Балтийского и Обуховского заводов.

Финал фильма дает объективное доказательство победы творческого гения Можайского. Модель самолета, построенная по его чертежам, с честью выдерживает всесторонние испытания в аэродинамической трубе, которым подвергается каждый самолет в наши дни.

Московская студия научно-популярных фильмов создала талантливое, целеустремленное, патриотическое киноисследование о беспримерном научном подвиге Александра Федоровича Можайского, о приоритете нашей Родины в области авиации.

Л. БЕЛОКУРОВ

«ПЕРВЫЕ КРЫЛЬЯ». Режиссер — А. Гиндельштейн. Текст Н. Шпиковского. Операторы — К. Строд, Э. Эзов. Консультанты — Н. Волков, Н. Черемных, Б. Россинский. Московская студия научно-популярных фильмов.

Старожилы Красного Села — очевидцы полета Можайского.

Дневник ОГОНЬКА

Происхождение чувств

Эм. МИНДЛИН

Это была Москва. Пятрас Вайчюнас дышал ее животворным воздухом. Переходя Красную площадь, он вспомнил: когда-то в тайных беседах с Ионасом Жилинскасом, сердечных разговорах с Ядвигой, безмолвных раздумиях наедине с собой он спрашивал:

«Что они чувствуют, люди Советской страны? Какое это должно быть необыкновенное ощущение — быть свободным от необходимости бороться с государством, в котором живешь!»

...Впервые этот вопрос возник по пути к Ядвиге, когда Пятрас проходил мимо дворца президента. Дворцовые ворота были чуть приоткрыты. Президента он узнал по портретам: они часто печатались тогда в литовских газетах. Президент был в сюртуке и цилиндре. Он поднимался по каменным ступеням. Его окружали военные в мундирах высших офицеров литовской армии. К Пятрасу подошел полицейский и столкнул его с тротуара:

— Ты что? К президенту в гости собрался?— и полицейский засмеялся, довольный собственной шуткой.

Вайчюнас подумал: а почему бы и нет? Разве это не президент Литовской республики? А ведь и Пятрас — литовец! Он любил литовские песни, Неман, шелест листвы в дубняке на Зеленой Горе и, конечно, тосковал бы, если б его оторвали от родины. Но сейчас ему пришло в голову: вот говорят о родине, что она мать. Какая жестокая у Пятраса мать, как трудно живется ее детям!

Он только что лишился работы. Брат его отца давно уже сидел в каунасской тюрьме. И оба факта — и то, что Пятрас был теперь безработным, и то, что дядю держат в тюрьме,— сливались в его сознании с представлением о государстве, в котором он жил. И вот тогда он подумал: какое это должно быть счастье, когда не только вóды родной реки, и песенный говор твоего народа, и шелест листвы на Зеленой Горе, но и отношения между людьми, законы и порядки — все то, что именуется общественным строем, дорого, близко тебе!

С Ядвигой они встретились в парке. Все было так, как всегда, только Пятрас казался другим. Он выпалил сразу:

— Теперь я понимаю, почему они столько успевают во всех областях!

— Кто «они»?

— Как кто? Русские! Советские люди! У них огромный избыток душевных сил! Ты подумай. Им не надо затрачивать эти силы на борьбу с общественным строем, не приходится преодолевать его несправедливости!

В тот вечер она еще мало понимала его. Прощаясь с нею у самого дома, Вайчюнас сказал, что лишился работы в мастерской Петрусявичуса. Ядвига охнула: значит, теперь и речи не может быть о том, чтобы они поженились.

Он вспомнил эту встречу с Ядвигой, когда шел по Москве. Его охватило такое чувство, будто он поднялся на вышку — и оттуда открылся ему весь мир, полный борьбы, гнева, любви, надежд! И в этом громадном мире Пятрас увидел всю свою жизнь — от дней детства в заречной слободе Каунаса до мгновенья, когда на него глянули звезды Кремля!

...За четыре года пребывания в начальной школе Пятрас научился читать, писать и немного считать. В пятнадцать лет он нанялся в слесарно-механическую мастерскую Петрусявичуса. Здесь он стал слесарем, подумывал уже о женитьбе, но мастерская закрылась. Газеты писали о мировом экономическом кризисе, который докатился и до Литвы.

Каждый вечер Ядвига встречала его немым вопросом. Пятрас отводил глаза: слишком трудно найти работу! Иногда он пытался ей объяснить: во всем виноват проклятый кризис...

Однажды, после многих месяцев поисков, Пятрас пришел к ней с радостной вестью. Он снова нашел работу! Где? В артиллерийских мастерских.

— Видишь ли, это — государственное предприятие. Военное. Значит, оно не может закрыться. Мне чертовски везет, Ядвига!

Он зарабатывал здесь свыше двухсот лит в месяц. Их едва хватало, чтобы прокормиться с отцом и сестрой. Но такой заработок считался отличным. Многие получали по сто пятьдесят, даже по сто!

Начальником цеха, в котором работал Пятрас, был капитан Сташайтис, руководивший отделением националистской организации «Шаулюс». Капитан заинтересовался, почему Вайчюнас до сих пор не записан в шаулюсисты.

— Разве ты примирился с захватом Вильнюса поляками?

Пятрас увиливал, сколько мог, но от Сташайтиса не стало житья. Тогда, набравшись храбрости, он заявил, что не в состоянии приобрести униформу шаулюсиста даже в рассрочку. Униформа обходится в 350 лит, а он зарабатывает немногим больше двухсот.

— Так-так,— склонил голову набок Сташайтис. — Я и прежде подозревал, что ты, Вайчюнас, плохой патриот!

Его выгнали из мастерских, как «плохого» патриота Литвы. Но Вильнюс не был чужд Пятрасу. Ему была противна цель, во имя которой шаулюсисты требовали возвращения Вильнюса Литве. Мыслями об этом Вайчюнас поделился со своим другом Ионасом Жилинскасом, рабочим шелкоткацкой фабрики «Кауно Аудиняй»

Жилинскас, выслушав, улыбнулся:

— Я понимаю. Но ведь и русские рабочие не всегда были хозяевами в своей стране.

— У русских были учителя, — взволнованно сказал Вайчюнас. — Был Ленин. Есть Сталин. Это — счастье, когда у людей есть учитель. Людям нужен учитель. А у нас его нет.

Ионас произнес шепотом:

— Сталин есть и у нас. Он есть у всех. Он и наш тоже. Как ты не понимаешь этого, Пятрас?

Да, он начинал это понимать. Но ему хотелось бы узнать, что чувствуют советские люди, у которых есть настоящая родина? Что испытывает советский человек, который живет в благодетельном для него мире, в стране, где он сам хозяин?

Вайчюнас искал ответа в радиопередачах из Москвы. У Жилинскаса был радиоприемник. Пятрас приходил к нему и слушал Москву, двери и окна в эти часы были плотно прикрыты. Передачи шли по-литовски. Иногда он слушал и русскую речь. Слушал и не понимал ее. Он подумал, что если бы знал русский язык, то мог бы услышать и понять нечто «самое главное».

Пятрас раздобыл старую русскую грамматику и вместе с Жилинскасом начал изучать русский язык.

П. И. Вайчюнас объясняет методы своей работы ткачихе, работающей на двух станках, комсомолке Дануте Ругите. У станка переходящее Красное знамя, которое держит лучшая бригада Вайчюнаса.

Фото Я. Халипа

Жилинскас помог Пятрасу устроиться на фабрике «Кауно Аудиняй» слесарем в ремонтную мастерскую. Жалованье было ничтожно — и очень мало надежд на его повышение. Ядвиге оставалось только вздыхать и ждать. Не очень-то поверила она в то, что «ему снова чертовски везет», когда, сияя от удовольствия, Пятрас объявил ей, что его переводят в ткацкий цех.

Правда, он не сказал, что его переводят учеником. И это в двадцать шесть лет! Но если когда-нибудь он станет подмастерьем, то сможет жениться. Однако мастера почти не подпускали его к станку. Секреты ремесла ревниво оберегались. Еще бы! Чем меньше рабочих знает толк в станках, тем легче мастерам найти работу...

Когда Пятрасу исполнилось двадцать девять лет, а Ядвиге — двадцать два, свершилось то, чего с такой яростью требовал Сташайтис и шаулюсисты: Вильнюс был возвращен Литве. Но ни Сташайтис, никто из тех, кто громче всех кричал о воссоединении литовских земель, не пожелали остаться на родине: все эти люди бежали прочь. Вернуть Вильнюс и снова сделать его столицей Литвы помог Советский Союз.

Все удивительно переменилось. С провозглашением советской власти в Литве Ионас Жилинскас стал влиятельным человеком на фабрике «Кауно Аудиняй». Старый друг помог Вайчюнасу перейти наладчиком в ткацкий цех. Теперь под наблюдением Пятраса была целая группа станков. Он должен был заправлять основу, следить, в порядке ли гребень, проверять уто́к. Мастера, прежде не допускавшие его к станку, вынуждены были теперь примириться с тем, что он овладевает их ремеслом.

Вайчюнас впервые почувствовал себя избавленным от страха перед завтрашним днем.

— Что я тебе говорил? Теперь ты сама видишь, что нам чертовски везет, Ядвига!

Он все еще судил о событиях в зависимости от того, как отражаются они на их личной жизни.

Казалось, ничто не мешало им наконец обвенчаться. Вайчюнас находил, что Ядвига еще никогда не была так хороша. Но они не успели пойти к венцу: фашисты вторглись в Литву. Казалось, что отныне кончено все и навсегда. Минувший год жизни казался сном.

Одним из первых на фабрике «Кауно Аудиняй» был арестован Ионас Жилинскас. Пятраса выбросили из ткацкого цеха: знали о его дружбе с Ионасом и поставили на черные работы по двору. Пятрас не решался взглянуть Ядвиге в лицо. Пожалуй, это — счастье, что они не успели пожениться.

Долго ждали они счастливой перемены в судьбе, чтоб, наконец, решиться обзавестись семьей. Но не счастливая перемена, а горе их поженило. Гитлеровцы угоняли девушек в Германию. Надо было спасать Ядвигу, и они обвенчались. Молодожены трепетали при мысли, что оккупанты не признают их брак: ведь Ядвигу уже зарегистрировали как незамужнюю. Но ее случайно оставили.

Ядвига переехала к Пятрасу в подвал на улице Друскеннику. Когда она почувствовала, что станет матерью, то испугалась: что будет с ребенком? Три года, как пылала война. Но Пятрас верил: недолго осталось ждать! Он снова тайком слушал радиоголос Москвы и многое передумал в эту тяжкую пору. Горе родины заставило глубже и шире взглянуть на мир. Теперь он ждал возвращения Советской Армии не только потому, что ему легче будет найти работу и прокормить семью: жизнь должна быть перестроена сверху донизу. Годы горя пробудили в нем прежде незнакомую ему заинтересованность в исторических судьбах народов.

Наконец свершилось то, во что он верил. Война еще шла, но в Литве снова была советская власть. Ядвига по целым дням не видала теперь Пятраса. Она даже не могла точно сказать, что именно делает сейчас муж на фабрике «Кауно Аудиняй». Да и сам он не мог бы это определить. Чего только не приходилось делать!

— Мы восстанавливаем свою фабрику! — говорил он жене.

И вот война в прошлом. Покрыты черепицей кровли восстановленных из развалин домов. Вайчюнасы с двумя детишками давно переехали в солнечную квартиру на улице Бугос под Зеленой Горой. Надо ли еще говорить, что Пятрас снова в ткацком цехе?

Однажды новый директор предложил ему обслуживать целый комплект — двадцать станков:

— Попробуй. По-моему, справишься, Пятрас.

— Будь покоен, Ионас.

Да, он называл директора Ионасом. Директором был не кто иной, как Жилинскас. Пятрас стал руководить работой двух десятков станков. Он понимает, что от того, как налажены ткацкие станки на фабрике, во многом зависит качество шелковых тканей, которые выпускает «Кауно Аудиняй». В прежние времена Пятрас мало думал о фабрике в целом. Ему редко приходилось видеть готовую ткань. Ведь из его цеха полотнища шелка выпускались еще не окрашенные, не расцвеченные рисунком. А что происходило с ними там, в красильном цехе, ему-то какое было до этого дело! Не придиралась бы к нему администрация — вот все, чего он хотел.

Но после того, как он сам восстанавливал фабрику вместе с другими, после того, как директором ее стал Жилинскас, Пятрас почти каждый день стал подниматься наверх, где девушки накладывают узоры цветов на уже окрашенный шелк. Пятрас щупал ткань, смотрел, как она принимает рисунок, нет ли узлов. Рабочий должен видеть результаты труда всей фабрики, чтобы ощущать свое место в общем процессе.

Однажды Вайчюнас заявил директору, что может обслуживать два комплекта — сорок станков.

Важно научиться с первого взгляда безошибочно рассчитать, сколько минут потребуется, чтобы наладить станок, и прикинуть, в каком порядке выгодно их налаживать.

Все чаще он начал задумываться над тем, что выгодно и что невыгодно фабрике. Вайчюнас не спрашивал себя, почему прежде с нетерпением ждал звонка, а теперь, не обращая внимания на него, подолгу беседует со своим сменщиком, объясняя ему повадки станков. Участие во всей жизни фабрики приобщало рабочего к большой жизни всей республики.

Его избрали депутатом в Верховный Совет СССР. Приняли в коммунистическую партию. На стене цеха висела грамота, подписанная министром А. Н. Косыгиным. В ней сказано, что бригаде Пятраса Ионовича Вайчюнаса присваивается звание бригады отличного качества. У него было такое чувство, что не его, а он должен благодарить. Ведь ему стало жить интереснее, его жизнь стала полней!

Фабрике предстояло получить еще 200 станков, и Вайчюнас затревожился: где мастера для них? Что он сделал для подготовки людей? И с досадой обнаружил, что в нем еще осталось что-то от прежнего Пятраса, который все еще не спешил делиться секретами своего мастерства с другими! Не слишком ли он был занят своим личным успехом?

Вайчюнас предложил молодым рабочим приходить к нему изучать ткацкий станок. Но, кроме молодых, пришли и два старых мастера, отвели его в сторону. Они не могут молчать. Пятрас нарушает добрые цеховые традиции. Нельзя допускать, чтобы молодые знали столько же, сколько старики, нельзя подсекать сук, на котором сидишь.

Традиции! На мгновенье Пятрас словно окунулся в сумерки прошлого. Вспомнилось, как из боязни конкуренции старые мастера не подпускали его к станку. И он предписал себе бороться с пережитками цеховых традиций, тех самых, которые мастера назвали «добрыми». Неправда! Недобрые эти традиции. Волчья жизнь породила их.

Ядвига больше не высказывала недовольства по поводу его задержек на фабрике. Она делила время между детьми, хозяйством и книгами. Ей очень многое надо узнать, чтобы оставаться помощницей мужа в жизни. Ей первой Пятрас сообщил, что пытается овладеть искусством обслуживания шестидесяти станков. Вечером, когда он возвращался после работы домой, Ядвига безмолвно вскидывала на него глаза: ну как, перешел на шестьдесят станков? Вот так же, молча, глазами, она спрашивала когда-то, нашел ли Пятрас наконец работу.

...И вот Вайчюнас едет в Москву: кто будет во время отсутствия Пятраса работать на его сорока станках? Вероятно, двое заменят одного? Нет. Вайчюнас поручает свои сорок станков молодому Виктору Саверинасу. Лучший ученик Вайчюнаса не подведет! Пускай это будет проверкой, умеет ли Вайчюнас учить.

Накануне отъезда к нему подошел старый, ворчливый Витос.

— Должен предупредить. Саверинас хвастает, что догонит тебя и будет работать на сорока станках так же, как и ты, без всякого брака. Вот что ты наделал, Пятрас! Говорили тебе, что подрубаешь сук, на котором сидишь.

— Ты сам слышал, что Саверинас хочет догнать меня? — переспросил Пятрас.

— Сам слышал.

— Ну, спасибо тебе, Витос, за добрую весть!

«Да, славно бы вернуться в Каунас и узнать, что Саверинас догнал меня!» — думает Вайчюнас, глядя на розовые кирпичи кремлевской стены. Конечно, Виктор догонит Вайчюнаса, но того Вайчюнаса, каким тот уезжал в Москву. Потому что по возвращении Вайчюнас будет работать еще лучше: он закрепит за собой шестьдесят станков! Правда, Саверинаса тоже можно будет научить обслуживать столько же станков. Но неужели к тому времени Вайчюнас не докажет, что при известном навыке один человек может руководить двумя отделениями — да, да, сразу восемью десятками ткацких станков!

Об этой его мысли знают пока только два человека — Ядвига и Жилинскас. Надо только хорошенько подготовиться. Ведь чем меньше людей занято у станков, тем больше свободных рук, а руки эти нужны родине для новых и новых дел!

Теперь, когда он мысленно произносит слово «Родина», перед глазами его встает не только маленькая страна, прислонившаяся краем берега к морю. Понятие «Родина» расширяется в сознании Вайчюнаса. Его Литва перестала быть беззащитной перед силами страшного и чуждого мира. Он ощущает свою республику как самую близкую ему часть великого единства народов.

Это ощущение с новой силой охватило его в Вильнюсе, где он останавливался по дороге в Москву. Он поднялся тогда на самый верх круглой зубчатой башни на Замковой Горе и оттуда смотрел на город: на холмы, опоясанные изумрудной рекой, тонкую каменную резьбу древних соборов, крутые черепичные кровли в зеленых купах деревьев, вымытый плитняк площадей. Ему вспомнился шаулюсист капитан Сташайтис и его шипенье:

«Тебе все равно, в чьих руках Вильнюс, да?»

А где сейчас капитан Сташайтис, когда Вильнюс в руках литовцев? Вайчюнас с нежностью и гордостью взглянул с башни на город. Кто теперь может отнять от Вайчюнаса его Вильнюс! Он поднял голову и увидел красный флаг на вершине башни — флаг водружен здесь в час освобождения Вильнюса от врагов. Это высшая точка над городом.

Его город, его столица! А он обрел не только отторгнутый некогда Вильнюс, но и Москву! Разве Москва не его?

И уже в Москве Вайчюнас острее, чем когда бы то ни было, ощутил, что и его маленькая Литва стала великой — не обширностью своих земель, наконец-то воссоединенных вместе, но смыслом жизни людей! В конце концов, что есть родина? Земля? Люди? Дома? Неман? Дубы на горе Гедимина? Звон канклеса на празднике в слободе? Да, конечно, и земля, и дома, и люди, и Неман, и дубы на горе, и звон канклеса в руках певца, и еще нечто большее — то великое, что объединяет людей внутри Литвы и Литву с Украиной, Грузией, Казахстаном, со всеми другими сестрами и братьями по Союзу Советских Социалистических Республик, творящими на своей земле коммунизм!

Пионеры Вильнюса возлагают цветы на могилу дважды Героя Советского Союза генерала армии И. Д. Черняховского.

Фото Я. Халипа

Лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР, латвийская писательница Анна Саксе (Абзалон) с дочерьми за разбором почты.

Лауреат Сталинской премии начальник цеха завода «Саркандаугава» в Риге Жанис Зуймач в лаборатории осматривает образцы стекломассы.

Студенты Государственного университета в городе Тарту (Эстонская ССР), сталинские стипендиаты Канни Кукк и Эдгар Салумаа.

Фото Г. Зельма

Латыши славят Сталина

Ян СУДРАБКАЛН

Народный поэт Латвии

Нет в мире человека благородней,
Чем тот, кому привет мы шлем сегодня,
Кто озаряет наше торжество.
Такой один на свете,— и народы,
Идя за ним в стремительные годы,
Отцом и другом назвали его.
На свете любят так лишь одного.

*

Путь до Москвы далек, но близок Сталин.
Ему спасибо сердце говорит:
Он дал нам силы в годы испытаний,
Над нами жизнь его звездой горит,—
Хочу таким же быть правдивым, смелым!
Трудясь, я знаю: каждым добрым делом
Моим он горд, и слышу в тишине —
Он говорит и смотрит в душу мне:
«Служи народу — нет превыше чести.
Большим стать можешь лишь с народом
вместе!»

*

Кто счел бы все труды его, заботы?
Кто счет ведет ночам его бессонным?
Но шаг его всегда спокоен, четок,
Он в бурях видит путь определенный;
Он не оставит слабого в беде,
На подвиг вдохновит в борьбе жестокой,
Он ясно видит цель... О, как далёко
Уносятся орлы его идей!

...Еще никто так не любил людей.
Узнать бы мне, когда впервые, в стонах
Волн, сединою пены убеленных,
Балтийского бушующего моря,
Расслышал дайну он про наше горе?
Оторваны от братского народа,
Не видели мы солнца над собою;
Лишь коммунисты знали в эти годы,
Откуда ждать живительной свободы;
Исполнил Сталин то, что начал Ленин.
Да будет нашей встречи день священен!
Мы славим Партию, как мать героя.

*

Лишь с Партией стал столь великим Сталин,
И Партию он столь высоко поднял.
Другого в мире нет борца сегодня,
Чей взгляд такие прозревал бы дали.
Рабочий класс в нем воплотил свой гений,—
Ума сиянье, мощь душевных сил,
Всю доброту, весь негасимый пыл
Боровшихся за правду поколений.
Пылают ярче звезд его идеи,
Бесстрашно в бой идут его герои,
И с каждым днем приходится быстрее
Лететь вперед медлительной планете,
И торжествует свет его над тьмою,
И в уши свищет будущего ветер...
В его семье счастливыми мы стали.
Век Коммунизма открывает Сталин.

*

Так посвятим победе Коммунизма
Все наши силы, чувства, мыслей взлет!
Славь человека светлого, Отчизна,
Того, кто жизнь Коммуне отдает,
Чей гений нам, как солнца свет, дарован!
...Он для беседы с каждым час найдет,
Для всех найдет он солнечное слово.
Мне кажется, мы все в Кремле сегодня.
Латыш, стремись туда, мечтою поднят;
Раздвинутся седые стены вдруг,
Там будет место всем, чей Сталин — друг.

*

На новый путь народ латышский вышел,
Владеет всем рабочая рука.
Мы начали счастливые века.
Поют над нивой жаворонки — слышу
Они во мне поют, в душе народа:
«Уж не угаснет в Латвии свобода!
Мечта сбылась: навеки свергнут гнет,
День над народом Райниса встает,
Зовя к трудам великим латышей,
К борьбе за счастье всех простых людей!
Мы слышим гул машин в колхозном поле,
И шум труда в фабричном светлом зданьи,
И голоса детей веселых в школе,
И мира старого предсмертные стенанья,
И Коммунизма свежее дыханье.
Мы Сталину несем любовь святую.
Он вывел к солнцу Латвию родную!»

Я слышу песню в глубине души.
Отца и друга славят латыши.

Перевел с латышского
Вл. НЕВСКИЙ

На рождение первенца

Антанас ВЕНЦЛОВА

Дождалась, родился милый первенец.
Окна в сад распахнула, увидела,
Как на грядках расплавленным золотом
Разливается утренний свет.
Сын от яркого света прищурился:
Поразили деревья и облако,
Шар плывущий в зенит, удивительный
Шар, которому равного нет.

Ты довольна, ты рада, ты счастлива,
Родился он, твой сын, для огромного
Созиданья, труда и дерзания,
В мир дорога его широка:
Небеса ждут бесстрашного летчика,
Города — молодого строителя,
Нивы ждут тракториста умелого,
Зыби Балтики ждут моряка.

Первый шаг, робкий шаг возле яблони
Мальчик сделал, держа тебя за руку,
Ты же видишь его уже взрослого,
Уже статного — не удержать!
Он шагает, веселый, по площади
Под развернутым сталинским знаменем,
С ним подруги его и товарищи,
Ближе всех к нему ты, его мать.

Сын уснул, убаюканный птицами,
Но нежданно тревога неясная
Сердце матери, доброе, чуткое,
Заставляет забиться сильней:
Из-за дымной свинцовой Атлантики
Тянет смерть свою руку костлявую
К солнцу, грядам, деревьям и к облаку,
К играм наших веселых детей.

Не томи себя этой картиною,—
Говорю я сердечно, по-дружески,—
На заводе ли, в аудитории,
На просторах колхозных полей,—
Ты работой своей беззаветною
Укрепляй нашу мощь и содружество,
Будь борцом!
Подымаются матери,
Защищая своих сыновей.

Смерть не смеет рукою костлявою
Угрожать нам пожаром и бомбами,—
Мы отрубим ей руку!
Пусть яркие
Наливаются солнцем цветы.
Мир идет по земле, он, испытанный
Ветеран, воевавший с фашистами,
Собирает народы, их подписи.
Станьте рядом,
твой мальчик и ты!

Перевел с литовского
Андрей КЛЕНОВ

Горжусь тобой

Дебора ВААРАНДИ

Навстречу жизни в пылком нетерпенье
раскрылось сердце жаркое во мне.
Да, я горжусь, что наше поколенье
живет в такие дни, в такой стране!

Октябрьский ветер в детстве мы вдохнули,
и без свободы было душно нам.
Октябрь великий вновь пришел в июле,
дал жизни смысл и цель открыл делам.

Земля моя! О белые березы,
люблю тебя, суровый север мой,
у моря плитняковые утесы,
весь этот молчаливый, строгий строй
природы нашей! Как улыбка, нежен
скупой, неяркий солнца свет на ней.
Но разве только это побережье
я называю родиной моей?
Во много, много раз ты стала шире!
Еще не всю тебя видала я,
но ты моя. Моя тайга Сибири,
мои в снегах вершины, степь моя!
Пустыня, даже и она близка мне,
в ней будущие вижу я поля.
Страна труда и творческих исканий,
любимая советская земля!

Перевел с эстонского
Вл. НЕВСКИЙ

Хлеб на болотах

Евгений РАТНЕР

Уже несколько часов Александр Авотынь обходит участок, который до сих пор знал только по плану. Этот план — лист кальки, исчерченный тонкими линиями,— Авотынь то и дело вынимает из походной сумки и, пристально вглядываясь, сверяет с местностью.

Местность... Чего только не вытворяет природа! От самого моря громоздятся песчаные дюны. Сливаясь одна с другой, дюны вытянулись длинным горбатым хребтом. На ярком солнце они так искрятся, будто здесь не самый обыкновенный песок, а настоящее золото. По склонам дюн к вершинам карабкаются сосны. У подножья деревьев словно кто специально расстелил мягкие коврики из мха. Приляг, отдохни, послушай, о чем шепчутся они там наверху.

Нет слов, все это действительно красиво, может быть, красивее, чем на Рижском взморье. Но здесь не курорт, у крестьянина каждый метр земли на учете. А что́ возьмешь с этих дюн? Что́ на них посеешь или посадишь?

Сразу же за песчаными горами начинаются залитые водой луга, болота, поросшие кустарником. Десятки, сотни гектаров... Местность здесь резко понижается. Вот уже ее уровень ниже моря на полметра. А дальше — на целый метр.

Александр Авотынь молча меряет длинными своими шагами просторы гиблой этой земли. Только время от времени бросает он привычное: «Да, да». И тогда сразу же Карлис Шварцбах, председатель сельсовета, откликается:

— Что и говорить, невесело тут у нас!

И не поймешь, то ли он иронизирует над приехавшим мелиоратором, то ли хочет выразить ему сочувствие.

Неотступно с самого утра вместе с Авотынем ходят крестьяне Зигмунд Закар, Рудольф Круминьш, Мартин Лапсиньш и Янис Упанс. Честно говоря, председатель сельсовета даже удивился, когда Упанс присоединился к ним. Ну, какое рыбаку дело до болот и до мелиорации? Может быть, ему сегодня делать нечего или решил поболтать со свежим человеком?

Голос у Упанса сиплый, говорит, будто в шторм море перекричать хочет. И главное, без всякого стеснения, прямо в глаза человеку бросает неприятные слова:

— Были у нас когда-то эти самые... мелиораторы! Копались тут. А что толку? Еще хуже вышло!..

Авотынь словно не слышит Упанса. Знай шагает себе вперед. А шагать еще не мало. Тысяча двести гектаров заболоченной земли раскинулись между дюнами и лесом. Лишь кое-где видны лоскутки возделанного поля. Луга покрыты высокой водой. К травам до самого Иванова дня не подступить...

— Мы очень надеемся на вас,— говорит Зигмунд Закар, пытаясь смягчить впечатление от слов Упанса. — Наши крестьяне очень верят в мелиорацию.

— Так-таки и верят! — смеется Упанс. — В болотах родились, в болотах и умрем!

Мелиоратор поворачивает голову к Упансу:

— Я тоже думаю, что не очень-то ваши крестьяне верят в мелиорацию.

И, не обращая внимания на замешательство своих спутников, добавляет:

— Я думаю, что по всей Латвии нет такого места, где бы так не доверяли мелиораторам, как у вас.

— Значит, вы согласны со мной? — спрашивает рыбак.

— Что ты пристал? — обрывает его Карлис Шварцбах. — Согласны, не согласны!.. Получил товарищ приказ от начальника — и все.

— Нет, я сам просил послать меня сюда,— спокойно замечает Авотынь.

— Вот как! — восклицают крестьяне и переглядываются между собой.

Тот, кто знал историю мелиорации этих мест во времена буржуазной диктатуры в Латвии, сразу понял бы, почему замечание Авотыня вызвало у крестьян такое удивление.

В двадцатых годах кулак Берхард Кумс организовал в волости так называемое мелиоративное товарищество. После нескольких поездок в Ригу он заявил, что департамент согласился помочь им и даже берет на себя половину расходов; вторая половина будет поровну распределена по дворам. Это было хитро придумано. У Кумса — 60 га земли, у Карлиса Шварцбаха — 0,37 га, у Яниса Упанса — 0,16 га, а платить все они должны были поровну.

— Поднатужимся,— утешал Кумс крестьян,— зато потом сколько хорошей земли получим!

Вскоре из Риги начали приезжать господа инженеры. Они останавливались в богатом двухэтажном доме Кумса. Большую часть дня проводили на берегу моря, купаясь и загорая.

— Ученые господа,—расхваливал их Кумс,— составляют проект. Они тут такие каналы выкопают, что все воды от нас уйдут в море.

Проект составляли около года. Потом в волость приехало больше сотни землекопов. Тут были латгальские батраки в лаптях, рижские безработные. К ним присоединились местные бедняки вроде Яниса Упанса: кто не мог платить за работы, должен был сам идти в землекопы. И вручную, вооруженные одними лопатами, люди начали рыть канал к морю.

Работы длились полтора года. Сами крестьяне, кто как мог, старались со своих полей провести канавы к большому каналу. Каждый видел: хоть и медленно, но дело продвигается вперед. Скоро воды с болот и лугов устремятся к морю — и тогда... Тут уж мысли летели без удержу, и взору крестьян рисовалась чудная картина богатого урожая на бывшем болоте.

Наконец все готово. В доме Кумса кулаки устроили бал. Приехал даже какой-то крупный чиновник из департамента.

А на следующее утро крестьяне увидели воду там, где обычно ее никогда не бывало. Это было страшное утро. Огороды, поля были залиты... Сначала люди ничего не понимали. Шел дождь, обычный для латвийского неба дождь. Но не могло же столько вылить за одну ночь!

— Смотрите, люди! Вода пришла с моря!..

В первый же шторм море нанесло в канал песку и забило его, как пробкой. На том, собственно, и закончилась вся история с осушением болот. В память о ней осталась лишь злая поговорка: «Не знали люди беды, да занялись мелиорацией». А самое слово «мелиоратор» стало в волости бранным.

— Я все знаю, что тут у вас было,— сказал Авотынь после некоторого раздумья. — Да только теперь мы посильнее моря.

* * *

Не сотни землекопов с лопатами, а всего лишь несколько десятков человек с большими машинами приехали в волость. Таких машин тут никогда раньше не видели. Огромными острыми зубьями экскаваторы вгрызались в грунт и, легко подымая в своих ковшах кубометры земли, отбрасывали ее в сторону. Один экскаватор рыл широкий канал к речке, впадающей в озеро, два других, перемещаясь по заболоченным просторам, прокладывали магистральные, собирательные, осушительные, ловчие каналы. Со всей площади они должны были отводить воду частично в новый канал и через реку в озеро, а главную массу — через старый канал в море.

Когда Авотынь впервые рассказал крестьянам о намеченном плане мелиоративных работ, в комнате поднялся невообразимый шум, только голос Яниса Упанса прораб услышал сразу же:

— Что ж это: старая песня на новый лад?!

Авотынь молча дождался, пока все утихли, а потом, словно обращаясь к одному Упансу, сказал:

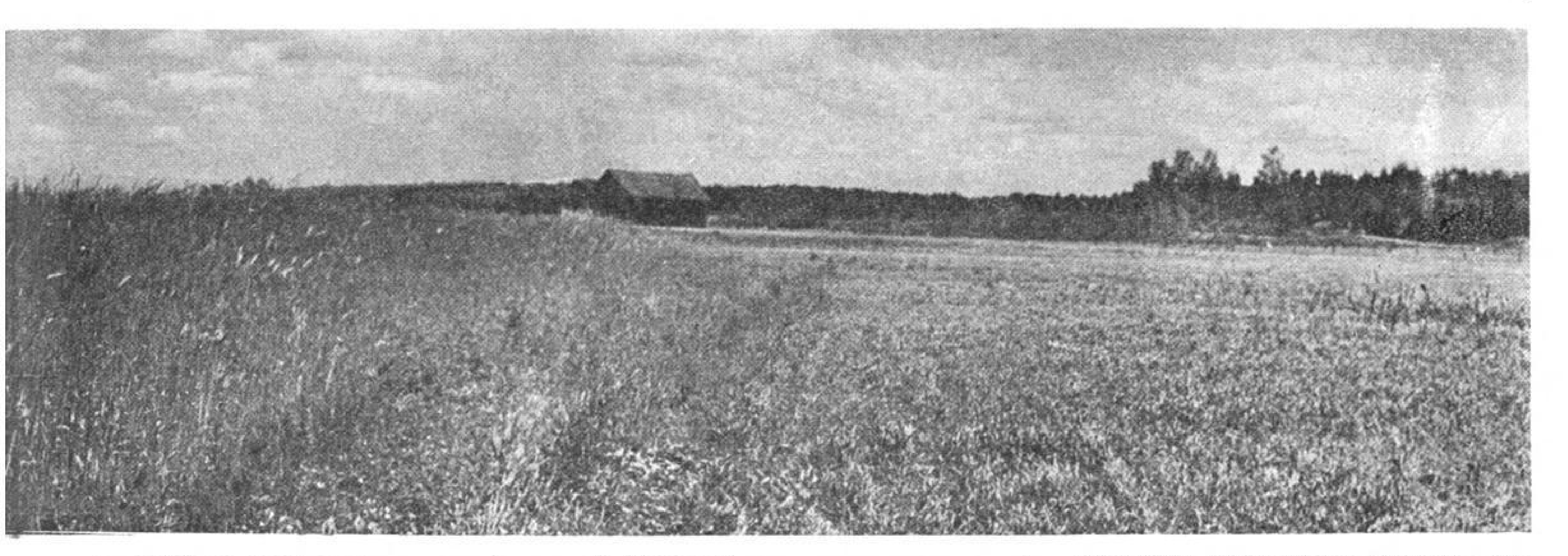
— Нет, Янис, это совсем новая песня. Такой вы тут никогда не слыхали.

— Какая же новая? — вскочил с места Упанс.

— Почему море врывалось в канал? — спросил Авотынь, обращаясь ко всем.

— Ясное дело — оно выше наших болот!

— Ну, а если мы в начале канала поставим мощную насосную станцию? — Авотынь развернул лист кальки. — Вот это и есть насосная станция, которую мы построим. Из всей осушительной сети она будет перекачивать воду в канал и погонит

Председатель колхоза Карлис Шварцбах и колхозница Илга Упанс проверяют состояние посевов в поле, где еще в прошлом году было болото.

Фото А. Моклецова

ее, понимаете, силой погонит в море. А от штормов мы прикроем канал плотиной.

Оглянувшись кругом и встретившись взглядами с Янисом, мелиоратор добавил:

— Что скажете на это, товарищ Упанс?

— На словах-то оно все красиво!.. А как будет на деле? Это же не в одну копеечку влетит!.. Тут, может быть, целый миллион закопать придется...

Рука Яниса невольно потянулась к затылку... Но поднялся с места комсомолец Зигмунд Закар:

— Упанс сомневается. Так я напомню ему о лесах, которые по плану товарища Сталина на тысячи километров в степях вырастают. Это же чтобы люди лучше жили, чтоб от засухи не страдали, чтоб за урожай боязни не было!.. А у нас для такого же дела осушать болота нужно. Значит, и о нас товарищ Сталин позаботится!

— Уже позаботился,— твердо сказал Авотынь.— Мелиорация в Латвии проводится по указанию товарища Сталина.

Посветлели лица крестьян. Словно кто разгладил морщины на лбах, развел насупленные брови.

* * *

В апреле 1949 года девяносто шесть крестьянских хозяйств вступило в колхоз. Возглавил его Карлис Шварцбах, бывший латышский стрелок, участник гражданской войны.

Для всей Латвии это была великая, незабываемая весна. Сотни тысяч крестьян навсегда стирали вековые межи, делившие их земли, мысли и сердца. Сотни тысяч крестьян начинали новую жизнь. Все предыдущие годы советской власти подготовили латышскую деревню к этой революции.

И здесь, в приморской волости, люди, веками увязавшие в болотах, почувствовав крепкую руку советского государства, поняли: злую природу в одиночку не победишь, на твердую почву можно встать только сообща, коллективом.

За колхозом было закреплено 1390 гектаров земли, и из них 190 — пахотных полей. Маловато! Но вот Авотынь приходит на первое собрание правления колхоза и, как всегда, спокойно, будто о чем-то совершенно обычном, говорит:

— Нынешней осенью вы сможете засеять тридцать гектаров новых полей.

— Тридцать га! Хороший подарок!

— На следующий год мы вам дадим еще семьдесят, — продолжает прораб, — а когда заработает насосная, все эти просторы — ваши!

Большие перемены свершались в ту пору в приморской волости. Шли новые машины мелиораторам. На колхозных пашнях появились сверкающие, прямо с конвейера Сталинградского завода тракторы; по дорогам мчались грузовики с Московского автомобильного завода имени Сталина. Загудела болотная глушь.

Впервые переворачивали здесь плуги двадцатисантиметровый пласт. Впервые поля получили обильное удобрение. Впервые колхозники садились за агрономические книжки, и на далеком хуторе зазвучали слова Вильямса: «На всякой почве можно получить какой угодно урожай, какой только допускает приток солнечного света и тепла, нужно только уметь его получить».

Нужно уметь! Они учились. Карлис Шварцбах вскоре уехал на шестимесячные курсы. Агроном учил колхозников в поле и в кружке после работы.

А на пашнях действительно подымались еще невиданные здесь хлеба.

Крестьяне, свыкшиеся ранее с мыслью, что болота сильнее их, поняли, что именно они, коллектив, — самая большая сила на земле.

И вот уже сами колхозники становятся мелиораторами. Не только приезжие машинисты управляют экскаваторами. На один из них садится Освальд Упмалис. Рудольф Круминьш и Мартин Лапсиньш — мотористы. Микилис Яунзем, Петер Тилтиньш, Карлис Озол — рабочие-экскаваторщики.

Анна Упанс — жена Яниса — берет на себя заботы об одиноких мелиораторах: она стирает им белье, следит за порядком в общежитии и каждое утро приносит из своего садика букетики цветов. Ее называют «мать Анна». И каждый раз, услыхав эти слова, она счастливо улыбается.

А Янис Упанс? Как только появляется у него свободная минута, он идет к Авотыню:

— К чему можно руки приложить?

Уже десятками километров измерялась длина сети осушительных каналов. Все больше и больше влаги уходило в них.

Радостными событиями были отмечены в колхозе конец лета и осень прошлого года: Авотынь сдал артели по акту 30 гектаров осушенной земли.

Колхозники вырастили на старых полях в среднем по 18 центнеров зерновых с гектара и на вчерашних болотах посеяли хлеба...

На сев собралась вся волость. У самого края поля стояли молчаливые старики. Не верилось им, до последней минуты не верилось: неужто свершится такое чудо?

А когда первые зерна легли в землю, девушки запели:

Бей, Ян, в барабан, лиго, лиго!
На болоте хлеб, лиго!
Думалось, вода дом смоет, лиго, лиго!
А мы воду в канал заперли, лиго!

Потом был еще один праздник — богатого трудодня. По дорогам тянулись доверху нагруженные возы.

735 трудодней заработала семья Упанса. Больше трех с половиной тонн зерна, около трех тонн картофеля с трудом поместились в клети. Впервые Анна пекла белые пироги и говорила:

— Ешьте, дети, сколько хотите!

* * *

По волости, разрезая лес, плотно улегшись на осушенных местах, протянулись новые дороги. По ним несутся грузовики с материалами для стройки насосной станции. На одной из машин в кузове сидят два прораба — Александр Авотынь и прораб станции Владимир Яганов.

Оба молчат, погрузившись каждый в свои мысли. Яганов обдумывает новый способ кладки бетона, который на полтора месяца ускорит пуск насосной станции. Это не его метод — так работают в Москве, Ленинграде, на Урале. Но не так просто впервые применить его здесь.

Авотынь получил сегодня распоряжение готовиться к переезду в другой район. Ему грустно расставаться с этими местами, с колхозниками, к которым он так привык. И он невольно завидует Яганову, остающемуся здесь еще на несколько месяцев. Да, удастся ли ему приехать сюда на пуск насосной?

...Дорога идет среди полей. Вдруг Авотынь стучит кулаком по кабине. Шофер резко тормозит, и машина останавливается.

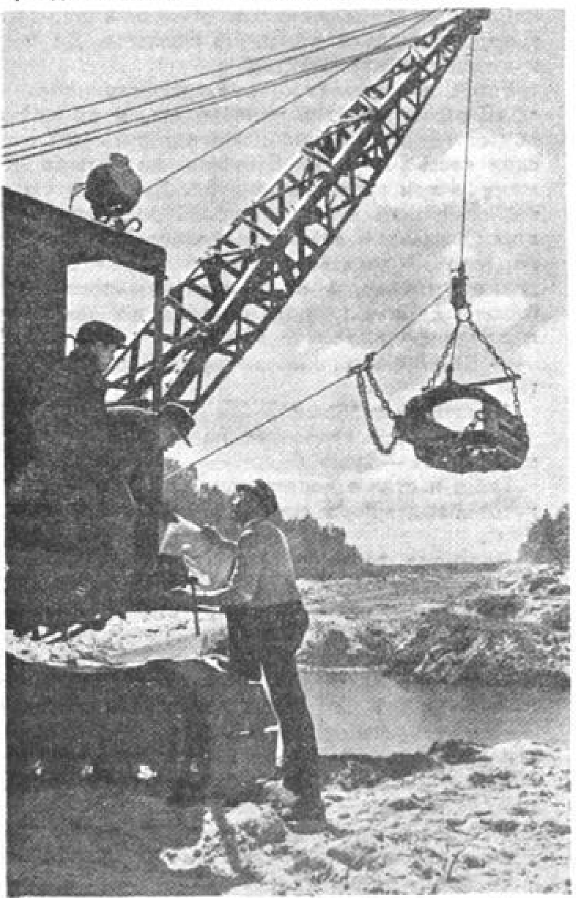
— Что случилось? — спрашивает Яганов.

— Смотрите,— указывает Авотынь на простирающиеся дали,— в прошлом году здесь было болото.

Сплошной стеной стоят хлеба. Цветет рожь. И трудно поверить, что она поднялась на бывшем болоте.

— Нет, я приеду. Я обязательно приеду сюда в будущем году! — взволнованно говорит Авотынь. — И тогда...

— Тогда вы в этих краях уже совсем не увидите болот! — восклицает Яганов.

Мощные экскаваторы прокладывали по болоту осушительные каналы.

НЕ ТА ЦАПЛЯ

(Из рассказов старого слесаря)

П. БАЖОВ

Рисунки В. Баюскина

Теперь-то я на пенсии живу. Ребята мои крепко настаивать стали:

— Посиди ты дома на старости лет. Гляди-ка, внуков у тебя, почитай, на целый взвод. Старшие уж выросли и на войне побывали. Пусть хоть младшие узнают, какие у людей дедушки бывают.

Добили-таки. С внучатами занимаюсь. Показываю им то, другое. Рассказываю тоже. Целой стайкой когда с приятелями своими налетят. Мне забавно, и ребятам, думаю, не без пользы. А все-таки тянет меня на завод-то. Нет-нет, и сбегаешь поглядеть, как там по нынешнему положению правятся. Большое, вижу, облегчение человеку вышло, и работа много спорее идет. Иной раз и то подумаешь: случись надобность, могу и я пригодиться. Что у меня нога колчаковцами покалечена, не разгибается в полную меру, это в нашем деле помеха небольшая. Глаз, понятно, отупел, а все-таки служит. Ну, а в руке твердость есть и привычка большая. Да и как ей не быть, коли я на этом деле с малолетства!

У нас, видишь, семейное горе случилось. Отцу валом руку раздавило. К этому болезнь присунулась, и он вскоре помер вовсе еще в молодых годах. Кормильцами остались мы с дедушком, а тут все женская часть: мать, да бабушка, да четыре сестренки. Одна постарше меня, а три вовсе маленькие. Дедушко уж старый был. Он тоже с тятей покойным в механической работал, а дома маленько мелким делом занимался: замки, какие похитрее, направлял, часы починивал. Заводское начальство в пенсии нашей семье отказало: не от увечья, дескать, помер, а от божьей немилости — от болезни. В одном поблажку сделали: приняли меня до законного возрасту в ученики на механическую, только наказали:

— Коли фабричный инспектор спросит, говори, что тебе тринадцатый год.

А матери сказали:

— Выучится парнишка на слесаря — вот тебе и пенсия, а судиться вздумаешь — хуже будет.

Так я и стал с десяти годов в механическую дорожку торить. Теперь хоть завод много расширился, а на том же месте. Сами ноги туда идут.

Поступил тогда учеником к Игнатию Васильичу Ширыкалову. Он дружок покойному отцу был. Жалел, видно, меня. Хорошо учил. Другим ребятам ученье трудно приходилось, а я не пожалуюсь. Понятно, порядок требовал, браку не пропускал, заставлял доделывать либо вовсе переделывать, только не с рывка да тычка, а по-хорошему обскажет, что надо сделать, и своей рукой покажет. Ну, и сам я по сиротству без баловства учился, старался. Мать к этому же наставляла:

— Учись, сынок!

А дедушко опять к своему мелкому домашнему делу приучал: пригодится, дескать. И то сказать, он к тем годам глазами ослабел, ему и надо было глаз повострее, чтоб всякую пружинку, винтик, колесико толком разглядеть, а мне это как раз впору. Так и шла моя выучка с двух сторон. Игнатий Васильич похваливать стал:

— Вовсе ладно. С добрым слесарем вровень.

Когда пошутит:

— По годам-то ты Кузя, а по делу на Кузьму Осипыча выходишь.

По времени стал говорить надзирателю: пора, дескать, из учеников в слесаря перечислить.

В надзирателях по механической тогда Коготок был. Старик вроде и простой, а злопамятный и любил человека при случае царапнуть. Сперва он и слушать не хотел:

— Из милости его приняли. До слесаря-то ему еще долго нос тянуть.

Игнатий Васильич все-таки свое твердит:

— Не по годам считают, а по работе. Вот, гляди! Чем она хуже других?

— Сам, поди, пособляешь. Дружки ведь с Осипом были. Водой не разольешь. Вот и вытягиваешь парнишку до времени.

— Сам проверь — увидишь, что глаз у парня на редкость, и рука несет правильно.

— Твои-то, — отвечает, — выученики всегда муху на колокольне видят, а под носом у себя разобрать не могут. Давно ли у него срез гармошкой я видел.

— Больше полгода с той поры прошло, — говорит Игнатий Васильич. — Забыть об этом пустяке надо. Дело, конечно, твое, а только неправильно это, чтоб зря человека в учениках держать, когда он за полного слесаря работу справляет.

Коготок, видать, осердился и говорит:

— Коли на то пошло, сделаю проверку.

Потом говорит мне:

— Сделай-ка ты мне цаплю-двухсторонку на плотину поставить. Размер знаешь, железо сейчас получи. Работа не больно трудная. К послезавтрому чтоб готова была.

Это Коготок верно говорил, что работа не больно мудреная, да только на две стороны приходилось оглядываться. Без старанья сделаешь, Коготок подрежет:

— Какой ты слесарь, коли такую известную вещь толком сделать не умеешь!

Старательно сделать — от рабочих покор.

— Вишь, какой, — скажут, — барский угодник выискался! Кандалы такому закажут, так он и там цветочки пристроит, чтоб веселее казались.

По теперешнему времени непонятно, за что рабочие наших пяти заводов цаплю не любили, а раньше малолетки по улицам распевали:

Горько, горько нам, ребята,
Под железной цаплей жить...

У старых заводских владельцев, видишь, заведено было метить свои поделки особым клеймом, кто как придумает. Один, скажем, выберет себе соболя, другой — беркута либо еще кого, а владелец наших пяти заводов придумал на своем заводском клейме цаплю ставить. Почему он облюбовал себе этакую неказистую птицу, сказать не умею. От своих стариков только слыхал, будто это не без хитрости сделано. Другие владельцы, сказывают, похвастать любили:

— У нас по заводским лесам дорогой зверь водится, над горами орлы да беркуты!

А здешний владелец, наоборот, всегда прибеднялся:

— Какая у меня заводская дача! Так, болота больше. Никакой радости нет. Из птиц одну цаплю видишь.

Так он своей братии-владельцам говорил, а дома, в своих-то заводах, больно высоко цаплю поднимал.

— Надо, — говорил, — того добиться, чтоб наша заводская цапля выше всех орлов и беркутов летала, чтоб соболей да бобров с лету долбила.

С того времени и повелось, что в нашем заводском округе цапля в большом почете у владельцев была. Потом заводы другим владельцам перешли, начальство, порядки переменились, а цапля в прежней силе осталась. Последний владелец, как он особое пристрастие к птицам имел, наставил этих железных знаков столько, что везде их видно. Ни пройти, ни проехать, чтоб заводская цапля на глаза не попалась. Когда сшибут либо исковеркают какую, барин из себя выходил, слюной брызгался и наговаривал своим ближним холуям. Для переносу, конечно, чтоб другим рассказали, как барин осерчал и какое наставление дал.

— Цапля, — говорит, — знак важный. Его уважать и хранить надо. Будет наша цапля на славе у покупателей — и всем хорошо будет, а уроним цаплину славу — тогда хоть заводы закрывай. Такой знак и ставить-то на железе с большой оглядкой следует.

По этому барскому приказу уставщики и действовали. Сильно придирались при клеймежке. А клеймили по-горячему. Поворачивать да разглядывать несподручно. На глазок приходилось помахивать. Оплошки и случались частенько. Стукнет по полосе либо листу клеймежным молотком, а там рванина, скосок, еще какой изъян. Уставщик тут как тут:

— Срежь это место. Сам знаешь, нельзя нашу цаплю на бракованном железе показывать. Заводскому делу от этого урон может быть. Завистникам нашим попадет, так они на Нижегородской ярмарке показывать станут: вот-де, на каком барахле цапля ставится, обегайте железо с этим знаком.

Наговорят так да и дадут человеку часа два лишней работы, а то еще и оштрафуют. Таким рабочим, ясное дело, цаплю не за что было любить, да и всем остальным она опостылела, может, хуже двуглавого орла. Двуглавый, видишь, в те годы еще высоко летал, не всяк его по-настоящему разглядеть мог, а эта цапля низко сидела и всякому рабочему понятие давала: сколько ты ни старайся, а ни себе, ни заводам прибытку не будет. Одному владельцу выгода, да и та, как в провал, уйдет. Сам посуди, самолучший рабочий в год получал рублей триста, много — четыреста, служащим, кроме главного начальства, тоже не богато платили, а владельцу выдавали каждый год двести пятьдесят тысяч рублей. Этакую уйму денег при тогдашних ценах! И хоть бы он, владелец-то, что подновил! Ни одной новой машины, ни одного станочка! Все оставалось, как при дедах, и та же цапля сидела.

Понятно, что для рабочих эта цапля была вроде занозы на ходовом месте. И так ее не забудешь, а тут еще этот знак везде выставлен: на конторе, у складов, на плотине, над воротами рудного и дровяного дворов, при угольных сараях, даже над сторожевскими будками и кордонами. Заводское начальство будто подряд взяло этими знаками народ дразнить. До того доходило, что пожилые рабочие при случае сбивали и коверкали эти ненавистные знаки. Про ребят и говорить нечего. Каждый с малых лет знал, что цапля — барский знак. Если свернуть ей голову, то дома ругать не станут. Только надо не попадаться, а то и большим в семье может худо быть. Ребята и старались. Какая цапля пониже сидела, ту непременно расколотят камнями да палками.

Цапли резались из кровельного железа и были двух сортов: односторонки и двухсторонки. Односторонки набивались на стену. Их, понятно, сбить было нельзя. Когда разве грязью забросают. Больше все-таки было двухсторонок. Эти резались из двух листов и укреплялись на шкворне с подушкой, а подушка привинчивалась либо приколачивалась на крыше, над воротами. Шкворень делался из толстого прутового железа, проходил он под вытянутой лапой птицы и выходил в особое кольцо на спине. Это место было самым стойким, зато голова, хвост и вторая, подогнутая лапа легко гнулись от хорошего удара камнем. Сшивали листы не больно крепко — на кровельные клямеры.

Эти цапли на шкворне поворачивались. Ребятишкам и занятно было по такой мете бить. Всяк норовил сразу покривить нос, заворотить хвост, подшибить лапу. Ну, а рад был и тому, что цапля завертится. Кончалась эта охота на том, что листы распадались. Сторожа, понятно, гонялись за такими охотниками, грозили сказать отцам, но не сильно в том усердствовали. В свое время они сами занимались такой же охотой и отговаривались от начальства теми же словами, как их деды:

— Нешто за такой ордой углядишь! Надо бы их отцов притянуть, да разве узнаешь, чьи эти вертиголовые!

Случалось, конечно, что какой-нибудь барский наушник опознавал ребятишек. Тогда выходила большая беда в семье: даже возчикам железа отказывали от работы, а фабричных выставляли с завода. Бывало, и стариков-сторожей с места сгоняли.

— Как ты, такой-сякой, говоришь, что не узнал ребятишек, когда они все из вашей улицы, а твои стервецы-внучата первые стали пушить камнями!

Коготок про цаплю, понятно, все знал, вот и пользовался, чтоб человека прижать. Как подойдет время переводить из учеников в слесаря, он эту двухсторонку и закажет. На этом спотычка и выйдет, потому каждый о том больше думает, чтоб от своих покору не вышло. А Коготок дребезжит:

— Нет, рано тебя в слесаря переводить. Годик — другой надо, видно, еще поучиться.

Мне из-за этого заказа тоже пришлось в учениках задержаться не на один год. Может, и больше бы меня Коготок проманежил, да тут один случай вышел.

Заводский владелец — я уж говорил — вовсе чудаковатый был. В заводское дело он вовсе не вникал, только деньги брал, а занимался оч птичками. Подглядывал, как они живут, какие у каждой яички, как эти птички своих птенцов воспитывают и обучают и другое, к этому касающее. По этой не то науке, не то забаве были у барина разные приборы. Один такой приборчик и принесли в механическую, спрашивают: не возьмется ли кто исправить? Мастера поглядели, отказались:

— Не наше дело. Часовщику надо свезти в город либо вот Куземке отдать. Он один у нас к мелкому делу склонность имеет, да и подходящий инструмент у него от дедушки остался.

Коготок сперва посомневался, потом, делать нечего, говорит:

— Погляди уж, коли ты в этом что разумеешь.

Оглядел я, как быть должно, не торопясь, и понял, что в передаче толкачики покривились и шестеренка, которая колеско с толкачиками ведет, слабину дала. Думаю: «Пустяшное дело, справлюсь». Только это не сказал, а объявил:

— Берусь за день поправить, коли эту штуку дозволишь мне домой унести. Там у меня приспособлено для мелкого, а здесь не могу.

Коготок еще помялся, потом говорит:

— Бери, только не забудь: испортишь — из механической выгоню!

Ну, исправил я этот приборчик. Игнатий Васильич тут вовсе наседать стал на Коготка:

— Повысить надо парня. Вишь, какой он старатель. Всю ночь просидел, а своего добился.

На Коготка, видно, добрый стих нашел.

— Что ж, — отвечает, — и повысим. За нами никогда не пропадет.

И, верно, стали меня с той поры рассчитывать, как слесаря, а за поправку еще особо рубль выдали. Эта рублевая награда долго у нас в механической на памятях держалась. Коготок частенько говаривал:

— Вон Куземка, материно молоко на губах не обсохло, а сделал по-хорошему, ему поденную платят, как полному слесарю, да еще награду выдали. Понимай, как работать надо!

У рабочих эта рублевка в присловье вошла:

— Старайся, ребятушки! Рублевкой наградят. Не пожалеют!

Так вот я и перешагнул через проклятую заводскую цаплю. Не забудешь ее. Солоно пришлась. Не один год этой цаплей Коготок мне дорогу загораживал. Теперь вот вспомнишь про заводскую цаплю, так диву даешься: зачем она владельцам понадобилась? Ну, заводское клеймо — дело понятное. Без него нельзя. А вот зачем это клеймо вроде божка какого везде выставлять? Видели ведь, поди-ка, что этот знак рабочим больно не люб, а все-таки ставили. Неуж нарочно, чтоб народ из терпенья выводить? Ведь если посчитать, так и заводскому начальству это недешево обходилось. Все-таки материал чего-то стоил, а главное — рабочих от настоящего дела отрывали. На розыск да разборку дел о сбитых цаплях тоже немало времени уходило.

Раз вот рассказывал внучатам про цаплю, а на ту пору к нам в гости приехал мой старший внук Ваня. Он у меня на войне до лейтенанта дослужился, три награды имеет. Теперь при городе на большом заводе в сборочном цехе работает. А все еще не женился: говорит, надо сперва образование закончить.

Ваня, понятно, и раньше слыхал от меня про заводскую цаплю, а тут, видно, по-настоящему понял, куда она шагала, и говорит:

— Тебе бы, дедушко, надо поглядеть на нашу цаплю, которая сейчас на сборке.

Мне удивительно стало. Какая цапля? На что она? Спрашиваю, а Ваня посмеивается:

— Поедем, тогда и поглядишь, узнаешь, на что понадобилась. А по-моему, сходство есть. Ноги у нашей тоже долгие и на таких широких лопастях, что на низком месте не угрузнут. Ходит, не торопится, только не переступает, а рывком подвигается, как, скажем, человек на костылях, — упрется обоими костылями и шагнет. Шея да клюв у нашей подлиннее будут, а видимость со стороны такая же: сперва клювом в земле роется, потом кверху поднимает, только добычу не проглатывает, а сбрасывает, куда ей укажут.

Вижу, что шутит, а все-таки любопытно стало поглядеть, что в самом деле за штука такая, да и на заводе том я не бывал, а Ваня его что-то больно высоко ставит против нашего-то. Дай, думаю, съезжу

Петрас ЦВИРКА

Голос поэта

Скончавшийся три года тому назад Петрас Цвирка является одним из выдающихся писателей советской Литвы. Его роман «Земля-кормилица», впервые переведенный на русский язык еще в 30-х годах, а также отдельные рассказы и сказки для детей известны широкому кругу советских читателей. Но не многим известно, что молодой Цвирка начинал как поэт. Первый сборник его стихов, изданный в 1928 году, был конфискован в буржуазной Литве.

В начале 30-х годов Цвирка был одним из руководителей прогрессивно-демократической группы писателей «Третий фронт». В журнале, носившем то же название, помещены стихи Цвирки, печатаемые нами на русском языке впервые. Написанные около 20 лет назад, они и сегодня звучат живой современностью.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС АМЕРИКИ

Что ж ты, Америка, пророчила вчера
Рай демократии на годы процветанья
И корчишься в поту у смертного одра,
А плотники твой гроб сколачивают втайне?
И похвальбе твоей рекламной вопреки
В цеху молчит гудок, не скрипнет в доках ворот,
Из штата в штат бредут голодные полки
И, словно саранча, штурмуют каждый город...

Нью-Йорк в тюрьме, в кромешной тьме,
Бостон в аду, в огне, в бреду,
Вы все, кого нужда пытала,
В бой — на твердыню капитала!

То крик линчуемых дошел из Алабамы,
То пущен в провода Синг-Синга смертный ток,
То над банкирами, над медными их лбами
Расплата по счетам, безжалостный итог!
То блещут молнии грядущих революций,
Полнеба озарив в кварталах голытьбы.
Не за горами час — рабочие сольются
В один могучий фронт для завтрашней борьбы!

Нью-Йорк в тюрьме, в кромешной тьме,
Бостон в аду, в огне, в бреду,
Рыдайте, матери, у праха
Своих сынов, не знавших страха!

Меж тем, как торгаши сжигают в закромах
Пшеницу и маис и пляшут беззаботно,
И жизни собственной подводит счет впотьмах,
Свой череп раздробив о камень, безработный,—
При каждом бедствии, в трагедии любой
Мужает коммунист в работе солидарной,
И слово Ленина, зовущее на бой,
Находит за морем свой отклик благодарный.

Нью-Йорк в тюрьме, в кромешной тьме,
Бостон в аду, в огне, в бреду,
Вы все, кого нужда пытала,
В бой — на твердыню капитала!

ПРИЗЫВ К МОБИЛИЗАЦИИ ПОЭТОВ

Слыхал я, как поэты говорят:
— Мы любим, дескать,
пролетариат.
Да здравствует эстетика труда,
Машины, трубы, провода,
Конструкции турбин и домен!
По вечерам
Любуемся мы черным дымом.
Нам нравится смотреть, как по
домам
Расходится рабочий люд.
Шаг этих толп однообразных —
Ведь это музыка, ведь это
сущий праздник!

Другой поэт высказывался так:
— Ах, я влюблен в рабочего
простого,
В изможенного, худого.
Ведь жизнь такого горемыки —
Заманчивый сюжетец для
поэмы.

Безмозглые романтики!
Вы слепы, глухи, немы.
Прислушайтесь к штормам
Атлантики,
К проклятьям безработных на
Бродвее!

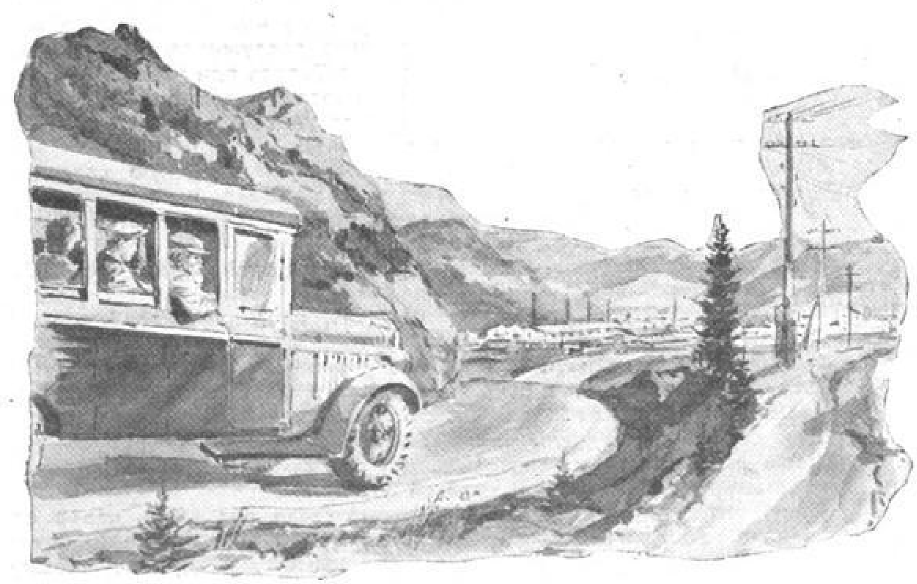
Длинноволосые, в элегиях
унылых
О бедном брате льющие слезу,
Поющие красиво о машинах!
Забыли вы про мощную грозу,
Грохочущую на вершинах.
Кто дифирамб машинам
лепетал,
Тем самым прославляет
капитал.

Нет!
Необходим иной поэт
В отважной Армии Труда.
Мы объявляем, что
мобилизован навсегда
Любой,
Способный выйти в бой,
Способный молот взять или
топор,
Нести плакат иль знамя,
Способный дать отпор
Реакции,— вперед, за нами!

Пора давно настала.
Планета на два стана
раскололась.
Возвысьте голос
Против капитала!
Не надо добряков
слезоточивых,
Не надо междометий «ох» и
«ах»,
Гоните к черту страх!
Мы слышим в демонстрациях
рабочего народа
Поэзию иного рода.
Трах-та-та-рах!

Перевел с литовского
Пав. АНТОКОЛЬСКИЙ

погляжу. Может, и парня образумить надо, чтоб не заносился со своим заводом свыше меры. С заводским нашим автобусом и поехали. Ваня живенько пропуск мне справил. Когда от города к этому ваниному заводу подъезжали, так он мне особо большим не показался, а как вошли в заводские ворота, так я и понял, что этот завод с нашими старыми и сравнивать нельзя. В одном сборочном цехе, на мой глаз, если все наше старое заводское оборудование с пяти заводов собрать, так еще много порожнего места останется. Машины по цеху могут ходить, а близ продольной стены рельсы проложены. Вот какой цех! Такого я и в думках не видывал.

Лежит поперек этого цеха преогромная труба. Ваня и говорит:
— Это на шею нашей цапле пойдет. Таких труб шесть надо.
Я, понятно, не поверил. Вижу, что зря говорит.
— Как же, — спрашиваю, — такую штуку из цеха вытащить? Невозможное дело. Тоже понимаю, поди-ка.
Ваня объясняет:
— Собираться она на месте будет, а здесь только подгонку ведем.
Мне все же не верится, а он меня ведет к какой-то железной башне в два этажа и говорит, что тут управление машины помещаться будет. Поглядел я и по совести сказал: непонятно это мне. Ваня тогда и повел меня в модельное.
— Там, — говорит, — тебе все яснее откроется.
Походил я в этом модельном. Показали да порассказали мне. Тогда только понял, что строится землекопная машина для самых больших земляных работ. За день эта машина поднимет земли за семь тысяч человек, а управлять ею будет не больше сотни.
На цаплю, понятно, эта машина не больно походит, а все-таки Ваня правильно ее к старому подвел.
Наша заводская цапля, как нарочно, была придумана, чтобы люди зря мытарились, а эта, — наоборот, чтоб человека от кайлы да лопаты освободить, облегченье ему сделать.
Когда сказываю об этой поездке в город ребятам, непременно пошучу:
— Все переменилось. Даже цапля не та стала. Раньше хоть она всегда дело давала: одни ее сшибали, другие ставили. А теперь как? Понастроят вот этаких машин, что за тысячи человек одна управляется, тогда вам вовсе без работы сидеть придется.
Ребята смеются.
— Мы, — кричат, — подучимся и этими машинами управлять станем! Новые еще придумаем, а работы у всех хватит!
Малые, а понимают, что у трудового народа и думки быть не может, чтоб без дела остаться. Легче станет работать, удобнее, веселее, а все-таки дело у всякого будет.

Леэна, по прозвищу Му́ки

Из повести «Наша поднятая целина»

Эрни КРУСТЕН

Рисунки В. Высоцкого

Восьмидесятилетняя Рийна, мать Липпа, жившего на краю болота, в тот вечер не могла заснуть. Колхозное собрание уже кончилось, и там оставались лишь те, которые хотели поболтать со знакомыми и посмотреть, как танцует молодежь. А Рийна все сидела в своей избе у окна. Она перед этим поспала часа два, а потом встала и принялась поджидать сына. Вечера в это время года безлунны, и лишь к полночи небо над болотом озарялось светом месяца. И казалось, что от его слабого сияния болото становилось еще более темным. И светло вроде было, и звезды как будто бледнели, а на земле было так темно, что Рийна ничего не могла разглядеть. Ну и темень же была тут у болота! Вот около тех холмов гораздо светлее; там белеют пыльные дороги, переливаются во тьме созревшие хлеба.

И Рийна, ожидавшая сына, стала думать об этих хлебах, залитых лунным светом. Весной в колхозе сажали картошку, потом пололи и прореживали репу и сахарную свеклу, убирали сено. Рийна каждый день спрашивала у сына, что́ сегодня делали в колхозе, но сама она не могла ни к чему приложить рук. Вот полоть овощи было бы ей вроде как в самый раз, но для этого ведь нужно иметь хорошее зрение, а его у Рийны не было.

Так постепенно заканчивались в колхозе работы, и Рийне оставалось утешаться лишь тем, что уж во время жатвы-то она дома не останется, хотя бы Эдуард запретил ей выходить на работу. Наступила жатва, и Рийне, как на зло, пришлось два дня нянчиться с внучкой, а когда утром третьего дня она собралась идти в колхоз, сын сказал ей, что к обеду наверняка кончат жать. К обеду, правда, не успели, но к вечеру управились. Да и долго ли теперь со всеми этими машинами сжать хлеб и связать его в снопы!

Эдуард запаздывает. На колхозном собрании должны были обсудить, как осушать болото. Но она, Рийна, не верит, что они осилят это Тикусоо. Несколько поколений семьи Липп положили там свою жизнь. Эдуард верит в то, что болото будет побеждено, — теперь иное время! Хорошо бы, конечно! Но немало нужно для этого людей.

Когда месяц поднялся над сосняком, Эдуард вернулся.

Рийна все еще сидела у окна:

— Ну, что там слышно?

— Как, ты еще не спишь!

— Да разве ж я могу заснуть! — ответила Рийна и, помолчав, спросила: — Не слыхал, когда яровые начнут жать?

— Как же, слыхал.

— Когда же? — спросила мать.

— Завтра утром, — ответил сын. И, тоже помолчав, сказал: — А за Тикусоо возьмемся в будущем году, все вместе.

— С Тикусоо придется помучиться, — сказала Рийна и вздохнула. — Значит, завтра утром вместе пойдем в колхоз?

— Ты все-таки думаешь, что сможешь? — спросил сын.

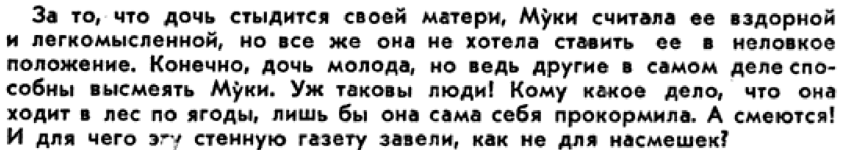
— Ну, уж если я сейчас, во время уборки, не смогу, то когда же я смогу? Ни картошку копать, ни поле унавоживать мне не под силу. Пойду, хоть свяжу несколько снопов.

На следующее утро Рийна отправилась на работу вместе со своим сыном. Они должны были работать в конце дороги, ведущей к Хяргмяэ. Тут ее сын Эдуард жал на машине овес, который в этом году был местами высокий, как рожь. Руки вязальщиков, охваченных горячим желанием превратить один день в два, в три и даже в четыре, начинали двигаться все живее и живее.

В этот день на жатву вышли все колхозники и единоличники. Со всех полей, далеких и близких, доносилось стрекотание жнеек.

...В этот день Му́ки впервые почувствовала, что ей стыдно идти на болото за ягодами. Если бы попасть туда так, чтоб никто не увидел! Если бы пробраться леском и кустами! Вот тогда другое дело! Но все три дороги, по которым Му́ки могла пройти к болоту, вели через открытые поля. По какой бы дороге она ни пошла, отовсюду ее увидят жнецы. Дорога через Вааретимяэ, по мнению Му́ки, явно не годилась, так как неподалеку вязала снопы ее дочь Агнес. Дочь еще утром, перед тем как уйти на работу, предупредила ее: «Смотри, мать! Если опять пойдешь на болото, то не попадайся на глаза людям из моей бригады. Обойди подальше, чтоб тебя ни один колхозник не увидел». А то ей вроде как стыдно перед другими.

За то, что дочь стыдится своей матери, Му́ки считала ее вздорной и легкомысленной, но все же она не хотела ставить ее в неловкое положение. Конечно, дочь молода, но ведь другие в самом деле способны высмеять Му́ки. Уж таковы люди! Кому какое дело, что она ходит в лес по ягоды, лишь бы она сама себя прокормила. А смеются! И для чего эту стенную газету завели, как не для насмешек?

Поколебавшись еще немного, Му́ки выбрала ту дорогу, что вела по задам усадьбы Лаулумяннику.

Но и здесь ей угрожали встречи с людьми, потому что возле этой дороги работали колхозники во главе с молодым Сяльгом. У Сяльга был острый язык, и он мог иногда здорово поддеть человека. Му́ки шла и сама себе удивлялась: чего это сегодня утром ее одолели такие страхи? Думая об этом, она с вожделением смотрела на заросшую кустарником гряду холмов, отделявшую поля от болота и лесных зарослей. Она ускорила шаг, чтобы как можно скорее уйти из поля зрения работающих. Но как только она миновала жнецов, вслед ей раздались крики и свист. Даже жнейку остановили.

— Эй, ловите зайца!

— Му́ки!

— Пойди сюда, куда ты!?

Эти возгласы обжигали, как крапива.

— Какой я вам заяц? — пробормотала Му́ки. И хоть это было сказано про себя, но тем не менее очень сердито. Она обернулась и увидела пять женщин, что-то кричавших и махавших ей вслед руками.

— Что вы, черти, кричите?— сказала Му́ки и при этом сплюнула.

Тотчас три девушки бросили работу и направились к ней. Теперь их голоса звучали уже не насмешливо, а угрожающе.

— Ты на кого плюешь? На кого ты плюешь? — кричали девушки. — На нас, на нашу работу или на хлеб?

— Лягушка ты старая, — сказала одна из девушек, — опять на болото поплелась? Ты поработала хоть немного? Не стыдно тебе плевать на землю, которая родит хлеб!

— Скажи, куда ты будешь ходить, когда болото осушат? — спросила другая девушка.

— Экскаватор ее выкинет с болота! Так в стенной газете было нарисовано.

Му́ки, сначала растерявшаяся, обрела наконец дар речи:

— На кого я плюю? На ваше зубоскальство, только на него! Нарисуют картинку, да и вывесят всем напоказ! Сыщется грамотей, напишет что-нибудь, все соберутся возле газеты, да и ржут. До того дошло, что дочь родной матери стыдится!

Му́ки была не на шутку рассержена.

— Ты еще вздумала учить нас! — сказала Элли. — Будешь честно приходить на работу, так над тобой никто не станет смеяться. Разве мы виноваты, что тебя дочь стыдится! Эй, девушки, принесите крапивы! — решительно добавила она.

Поднялся невообразимый шум, и дело приняло бы для Мўки печальный оборот, если бы не Сяльг, который крикнул со жнейки:

— Бросьте, бабы! Бросьте! Вспомните, что говорили вчера вечером. На следующем собрании поговорим о ней всерьез.

Словом, в этот раз Мўки удалось убраться подобру-поздорову, но и в лесу она не смогла обрести привычного чувства покоя. Об общем собрании Мўки слыхала и от дочери, но она не придавала этому особого значения. Ведь люди-то все свои: посмеются-посмеются, поговорят-поговорят, да и все. Она бы никогда не поверила, что ее поведение могло так всех разозлить. Прямо с кулаками полезли. Даже лица у всех раскраснелись. Точно осиное гнездо потревожили!

В недоумении и растерянности она бродила по лесу и собирала бруснику, замечая с возрастающим неудовольствием, что ягоды еще не совсем поспели. Ягод было много, ими были усыпаны все кочки и края канав, но с одного бока они были белыми. Мўки знала, что на болоте немало ягод, и, уходя из дома, захватила, кроме корзины, мешок. Но после того, как она набрала полную корзину, ее потянуло домой. Однако вернуться той же дорогой было не так-то просто.

Хоть Сяльг и не позволил девушкам пустить в ход крапиву, но разве запретишь им ругаться! А на другом краю поля работала Агнес, ее дочь. Не оставалось ничего другого, как выбрать средний путь.

Под прикрытием холмов она направилась к другому полю. Невдалеке, на склоне, работали четыре женщины. Три из них были помоложе, и Мўки сразу узнала их, но четвертую ей долго пришлось разглядывать. Бывает иногда, что не помнишь имени человека, хоть и знаешь его в лицо, знаешь, из какой он семьи, усадьбы. Но эту старую женщину Мўки как будто и в глаза не видела. Жнейка уже заканчивала второй круг, а Мўки все еще стояла, скрытая зарослями осинника, и пыталась отгадать, кто же была эта старуха. На жнейке сидел Эдуард Липп. Его Мўки не боялась, ведь она могла пройти мимо, когда жнейка была в другом конце поля.

В конце концов Мўки сосредоточила все внимание на этой старушке. Кто же она? Ишь, как она ковыляет, согнувшись чуть ли не пополам! А снопы вяжет не хуже других. Как только эта старуха вообще вышла на поле!..

Жнейка закончила уже третий круг и вновь приблизилась к Мўки, и она вдруг сообразила, что здесь старая, восьмидесятилетняя Рийна Липп.

Мўки вдруг охватил стыд. Она почувствовала, что если бы люди и пропустили ее без насмешек, ей все равно было бы трудно пройти мимо. Даже если подойти и вежливо поздороваться, все равно будет так стыдно, словно ее выругали.

Старая Рийна и то не усидела дома, а она, Мўки, бродит по лесу и собирает неспелую бруснику. Что ж удивительного в том, что на нее набросились там, у Лаулумяннику! Что ж удивительного в том, что на следующем собрании ее могут исключить из колхоза, что дочь стыдится из-за нее смотреть людям в глаза, что в стенгазете появилась карикатура!

И было бы вполне понятно, если бы эта старушка бросила камнем в проходящую Мўки. Ну как тут пройти, хоть оставайся на ночь в лесу! Наконец она догадалась спрятать в кустах корзину и выйти из зарослей с пустыми руками. Поздоровалась. Горло словно сдавило — так ей было неловко. Не прекращая работы, женщины ответили на ее приветствие. А бригадир Липп придержал лошадей и сказал:

— Ты, Мўки, угодила сюда в самый раз. Принимайся-ка за дело, видишь, они еле-еле поспевают за жнейкой.

Лишь теперь, когда остановилась жнейка, вязальщицы на миг распрямили спины. Следя издали за работой Рийны, Мўки решила, что та вообще не может выпрямиться. Но нет, старуха выпрямилась, может быть, впервые за час, а то и за два.

Хотя Липп, обращаясь к Мўки, и улыбался, было видно, что он говорит серьезно. Мўки спросила:

— Ты что, шутишь?

— Какие тут шутки! — ответил Липп.

— Принимайся за дело, — посоветовала ей Рийна.

Остальные женщины ничего не сказали, и мучительные сомнения вновь овладели Мўки. Наверно, целый час она не могла от них отделаться. Даже самой себе она казалась чужой, и она чувствовала, что женщины относятся к ней враждебно. Она даже подумала, что лучше бы ей все-таки пройти мимо. Но эта мысль возникла у нее на миг. «Сейчас ты им чужая, а тогда была бы еще более чужой», — подумала она.

Четырехугольник нескошенного овса уменьшался и уменьшался. Все чаще жнейка на поворотах стрекотала впустую, и расстояние между вязальщицами становилось меньше. И лишь теперь Рийна, выпрямившись второй раз за все время, спросила у Мўки:

— Ты ведь дочь Каарела Хийеметса?

— Верно.

— Я помню, как ты родилась, как бегала тут девчонкой, как росла, — продолжала Рийна. И, немного помолчав, она спросила вновь: — А потом ты ведь вышла за Густава Сирельпуу?

— Как же, вышла, — ответила Мўки, удивившись в душе тому, как хорошо все Рийна помнила.

— А Густав Сирельпуу через несколько лет помер, зимой метель его похоронила.

— Так оно и было, — ответила Мўки.

Рийна, почти не разжимая губы, что-то невнятно пробормотала. После этого она вновь нагнулась и принялась вязать снопы и лишь через некоторое время, снова выпрямившись, спросила:

— А потом ты больше не выходила замуж?

— Нет, — ответила Мўки.

— Почему ж тебя зовут Мўки? — неожиданно спросила Рийна. — Почему, раз твое имя Леэна, а фамилия Сирельпуу?

Но никто: ни сама Леэна, ни женщины из этой деревни, ни сын Рийны Эдуард не знали, откуда у нее это прозвище. Сама Леэна забыла, когда ее называли настоящим именем. Разве что еще дома, когда она была девочкой, и ей было даже странно слышать, как старая Рийна Липп назвала ее несколько раз Леэной.

Вторым, кто произнес за день это имя, был бригадир Отс. И хотя он еще днем записал на поле ее имя, Леэна отправилась вечером в колхозную канцелярию. Пришла на колхозный двор и Рийна Липп, чтобы вместе с Эдуардом отправиться домой. Что касается Леэны, то у нее, как она сама сказала, «была охота поговорить малость с председателем».

Она зашла в канцелярию, но тотчас вернулась оттуда к Рийне, которая все еще ждала сына. Председателя в канцелярии не было, ей посоветовали искать его на скотном дворе или в конюшне. Но не успела Леэна приняться за поиски, как он вышел вместе с Эдуардом из конюшни и, заметив Леэну, громко заговорил:

— Ну и звону же было после обеда во всем колхозе: Мўки вышла на работу! Она, мол, колхозный овес вяжет. Я сам не видел, и не верится что-то. Хотел пойти посмотреть, да не успел. Ну, что ж, каждый честный человек рад будет тому, что ты вышла. Агнес, твоя дочка, как услышала, что ты за работу принялась, не знала, плакать ей или смеяться.

— Она из лесу шла, — сказал, как бы защищая ее, Липп. — Я ей говорю: берись за работу, и она взялась.

— Главное, что взялась, — сказал председатель Мардикиви и, подойдя к Леэне, спросил: — Ну, сколько же ты трудодней выработала?

— Я еще в ваших подсчетах не разбираюсь, — ответила по привычке ворчливо Леэна, — но в канцелярии мне сейчас сказали, что почти полтора дня.

— Да, — протянул Мардикиви, — тоже неплохо, но вот у Рийны больше двух трудодней набралось. Интересно, насколько ж Рийна помоложе тебя будет!

— Иди ты со своими разговорами! — рассердилась Леэна.

Эдуард, собиравшийся уходить, рассмеялся, а его мать сказала:

— Когда Леэна пришла, у меня никак не меньше трудодня уже было выработано.

Они, попрощавшись, ушли. Леэна сказала:

— Видишь, как пожилые люди умеют разговаривать, а у вас на языке только и есть, что Мўки да Мўки!

— Это верно, — согласился Мардикиви. — Люди вроде как бы забыли о твоем настоящем имени. Но если ты будешь теперь честно работать...

— Работа работой, а имя-то при чем? — вставила Леэна.

— Как при чем? Выйдешь на работу, тебя занесут в список: бригадир запишет твое имя в свою книгу, счетовод — в свою: Леэна Сирельпуу. Потом список с трудоднями повесят на стенку в красном уголке. Там тоже будет написано: «Леэна Сирельпуу». Ну, иной, конечно, сначала, как прочтет, вспомнит про Мўки и удивится: ишь ты, сколько у этой Мўки трудодней! А попадешь в стенгазету, там опять будет написано большими буквами: «Леэна Сирельпуу». Ну, и на доске почета то же самое.

Леэна хотела было прервать его, но Мардикиви, не слушая ее, продолжал:

— А если попадешь в число передовиков, то вполне может случиться, что однажды ты найдешь в газете свое имя.

Мардикиви хотел было сказать о том, что когда-нибудь за усердную работу Леэна сможет получить и орден, и тогда ее настоящее имя станет известным всей стране, даже местные зубоскалы забудут о ее прозвище, — вот что хотел сказать и сказал бы Мардикиви, если бы Леэна при упоминании о газете не встревожилась.

— Газета да газета! — оборвала она Мардикиви. — И так ведь говорят, что про меня в газете написали. Разве же там настоящее имя?

— Но ведь то в стенной газете, — сказал Мардикиви.

— Люди говорят, я сама-то не видела. Пойди-ка покажи, что там такое, — попросила Леэна.

Если бы она даже знала, где находится красный уголок, она все равно не отважилась бы пойти одна. Теперь она шла за Мардикиви. Они остановились перед стенгазетой, в нижнем углу которой было что-то нарисовано пером. Это была та самая картинка, о которой Леэне не раз рассказывали люди. Стояла она, смотрела и ничего не понимала. На краю большой канавы остановилась какая-то машина, а высоко в воздухе, схваченная лапами машины, барахталась женщина с корзинками для ягод в обеих руках.

— Ты бы растолковал мне, что эта картинка обозначает, — сказала она Мардикиви.

— Вот эта женщина с корзинками — Мўки, — ответил ей Мардикиви. — Та самая Мўки, которую до сегодняшнего дня считали в колхозе лодырем, которая только и знала, что собирать ягоды, которая не ходила ни на работу, ни на собрания, которая не читала газет и, как видно, не знала, что делается в нашей стране. Ты знаешь, что такое экскаватор?

— Нет, не знаю.

— Это такая мощная машина, которая при рытье канав, на земляных работах управляется за несколько десятков человек. Может быть, уже в будущем году такая машина приедет и на наше болото. Она приедет на Тикусоо, и если на болоте еще окажутся разные Мўки, которые корчат лодыря...

— То она их выбросит оттуда, — сказала Мўки.

— Точно. Вот от чего и хочет предостеречь тебя картинка. Ясно?

— Ясно, — ответила Леэна. — Но сегодня я вышла на работу. Когда ты велишь снять эту картинку?

Мардикиви расхохотался.

— Успеется, — сказал он. — Ты сегодня убирала овес. На уборку хлебов у нас уйдет несколько дней. Кроме этого у нас еще молотьба, потом будем собирать картошку, репу, сахарную свеклу... Мы безусловно снимем, не забудем, но пока пусть повисит.

Перевел с эстонского
Леон ТООМ

А. И. Лактионов. ЗНАТНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК ЛАТВИИ АЛЬФРЕД ГРАВА.

Крылья молодежи

Фото Г. Зельма, Е. Умнова

Любимец советского народа Александр Покрышкин, налетавший с боями 240 тысяч километров (шесть раз вокруг земного шара!), впервые испытал волнующее чувство полета, обучаясь в аэроклубе.

Ольга Клепикова, единственный в мире человек, которому удалось на планере пролететь по прямой 749 километров, изучала технику парения также в аэроклубе.

Десятки тысяч советских юношей и девушек, из которых впоследствии вышли выдающиеся летчики, парашютисты, авиамоделисты и конструкторы, изучали авиационное дело в аэроклубах.

В Советской стране увлекательный воздушный спорт действительно доступен каждому. Обучение бесплатное для всех. От желающего требуется только одно — здоровье. В клубе ДОСАВ можно, не отрываясь от своей обычной работы, научиться летать на самолете или планере, прыгать с парашютом.

Есть, разумеется, аэроклубы и в капиталистических странах. Но они только для буржуазных сынков и девиц. Там авиационный спорт — тоже бизнес, и за обучение в аэроклубе надо платить изрядные деньги.

Еще одна существенная разница — моральная. Наши аэроклубы воспитывают действительно спортсменов воздуха, честных патриотов социалистической Родины. Американские же клубы выращивают трюкачей и бандитов, которым всевозможные брэдли внушают бредовые мысли о превосходстве англо-саксонской расы.

Колхозный конюх Виктор Туптин изучает авиатехнику. Он уже самостоятельно готовит тренировочный самолет к вылету.

Анатолий Морозов — планерист. Его профессия — токарь.

Мария Кисилева — лаборантка пекарни. На цветном снимке мы видим её после очередного прыжка с парашютом.

Школа в лесу

В это утро учащиеся Тучковской лесной школы поднялись раньше обычного. Лучи восходящего солнца озаряли реку. Легкий ветерок доносил смолистый запах сосны.

Мальчики и девочки веселой гурьбой высыпали на открытую веранду. Здесь шумно и оживленно. Сегодня после завтрака намечен «большой выход» на лоно природы. Это значит, что не только юннаты, но и все школьники, вооружившись сачками, коробочками, стеклянными баночками, записными книжками, отправятся в поход. Под руководством педагогов они продолжат свои наблюдения за жизнью зверушек, ростом злаков и деревьев, соберут коллекцию минералов, будут охотиться за ящерицами и ужами.

Тучковская лесная школа — одна из многих школ-санаториев, куда направляются дети со слабым здоровьем.

Бывает так. Мальчик быстро утомляется на уроках, не справляется с домашними заданиями. Ему необходим санаторный отдых, но в то же время нет нужды прерывать учебу. Врачи направляют его в лесную школу, где он живет и учится.

Строгий режим, солнце, воздух, вода самым благотворным образом сказываются на здоровье ребят. Зимой и летом занятия проходят на свежем воздухе: на веранде, при настежь открытых окнах. Необычен вид класса в лесной школе. Зимой, когда мороз сковывает землю, ученики сидят за партами в шубах, платках, ушанках. Летом их «форма» — трусы и майка.

В Тучкове созданы все условия и для учебы и для отдыха. Хочешь прочитать книгу — к твоим услугам богатая библиотека. А если любишь рисовать, лепить, резать по дереву, танцевать, петь, рукодельничать — занимайся в кружках, здесь их много.

Витя Колдаев, Неля Уховская, Володя Михайлов, Таня Чайкина, Валя Калядин рассказывают, как заботливые педагоги помогли им подтянуться по математике, русскому языку.

...Окончен сытный завтрак. Горнист, напружив щеки, сыграл сбор. В трусах, майках, белоснежных панамах выстроились ребята в колонну: выйти за ворота школы нужно организованно и с песней...

В. ПУШКИН

Пой, пой, канклес!

Песнь поплыла над Неманом:

Сталину спасибо
За большое счастье!
Сталину спасибо,
Говорит Литва.
Города, заводы,
Села и колхозы
Повторяют эти
Вечные слова!

К празднику Песни этим летом в Литве готовились всюду. Всюду звучали слова благодарности Сталину за новую жизнь!

Праздником Песни ознаменовано 10-летие советской Литвы. Пятьсот народных хоров слиты в один мощный тридцатитысячный хор и собраны в эти дни в Вильнюсе на стадионе.

Запевалой этого огромного хора выступает Народный ансамбль песни и танца Литовской ССР. Его руководитель — Ионас Шведас. В колхозах его зовут «наш Шведас».

Когда-то в город Мемель к композитору Шимкусу пришел из Жемайтии юный пастух Ионас Шведас. Шимкус был директором консерватории, и пастух сказал ему, что хочет стать музыкантом. Он сыграл старику на обыкновенной свирели — на лумзделийе, — и старый композитор понял, что перед ним талант. Шимкус сделал в то время почти невозможное: принял пастуха в консерваторию.

Шведас поступил в оркестровый класс, но Шимкус иногда просил его поиграть на лумзделийе или на бирбинесе.

«Музыкальное народное искусство обречено», — печально качал головой учитель.

«Но разве его нельзя возродить?» — спрашивал ученик.

Старик молча указывал за окно: смотри, мол, что там творится! Кто станет поддерживать музыкальное искусство народа? То были дни фашистско-сметоновского правления: Литва подражала Западу, торопливо американизировалась — танго и джаз проникали даже в деревни.

На Шведаса смотрели как на чудака, когда он пытался в селах записывать старые, угасавшие мелодии народных песен. Молодежь уже не помнила их. Их напевали ему хрупкими, как у детей, голосами старухи и старики. А он не только записывал песни, но и собирал начавшие уже исчезать музыкальные инструменты литовцев: канклес, скудучей, бирбинес, лумзделийай, тримитай.

...Наступает 1940 год. Советская власть провозглашена на литовской земле. И вот создана филармония и при ней — народный ансамбль. Руководить ансамблем поручено Шведасу. Создается специальная мастерская народных музыкальных инструментов. Приходят с предложением услуг старые мастера канклеса и скудучея, недавно еще полагавшие, что никогда больше не потребуется их искусство. Ширится слава ансамбля, возрождающего музыку и танцы народа...

Увы, длится все это слишком недолго. Ночь гитлеровщины надвинулась на Литву. Четыре года народные песни, как призывы к борьбе, звучат в литовском подполье. И когда наступает освобождение, оказывается, что литовская песнь звучала в эти годы и в далеком советском тылу: там из патриотов-литовцев образовался еще один ансамбль песни. Оба ансамбля сливаются воедино, и новый народный ансамбль песни и танца насчитывает около ста участников.

Восстанавливаются заводы, фабрики, города, села, дома. Возрождаются народная песнь и народный танец. Ю. И. Лингису, знатоку фольклора, который ездил теперь по стране, удалось записать более двухсот вариантов различных танцев. Другой соратник Шведаса, П. С. Степулис, изучал игру на старинных инструментах.

Снова организовали при ансамбле специальную мастерскую инструментов, изготовление которых почти прекратилось. Другую такую же мастерскую создали при вильнюсском комбинате «Дайле». Во главе ее стал Пранас Серва. Его отец, дед, прадед занимались изготовлением канклеса и скудучея. Серва унаследовал мастерство от отца.

Из всех народных инструментов Литвы наибольшего и тончайшего труда требует создание канклеса — род гуслей. Четыре породы дерева нужно для него, а его деку изготовляют из верхушки ели, гибкой и звонкой.

В Литве кто поет, тот и танцует, и ансамбль не делится на группы певцов и танцоров. Добрая половина певцов-танцоров кроме того играет на музыкальных инструментах.

Наряду с государственным ансамблем в стране создаются и районные ансамбли танца и песни. Руководителей для них готовят в Вильнюсской консерватории отделение народных инструментов, где кафедрой заведует Ионас Шведас. Первый выпуск дирижеров ансамблей приурочен к 10-летию советской Литвы.

И. Шведас, Ю. Лингис, П. Степулис — лауреаты Сталинской премии. Шведас, записывая песни, обрабатывая их, возвращает эти песни народу еще более стройными и мелодичными. Лингис, записывая танцы, соединяет различные варианты их и создает новые, более совершенные, и народ принимает эти танцы как свои. П. С. Степулис, изучая игру на народных инструментах, и Пранас Серва, мастеря новые инструменты, совершенствуют их.

Народ, получая свой канклес, тримитай, скудучей, дивится омоложенным инструментам: они стали многозвучней, богаче... и веселей! Да и то сказать: те, да не те песни поют сейчас люди на литовской земле! Прежде пели «Эй, за работу», пели горестно и заунывно. И сейчас поют «Эй, за работу», но дружно и весело, славя счастливый труд! Песнь, что зеркало для души народа!

Не случайно и эти песни, старые по названиям, но новые по мелодиям и по смыслу, поет 30-тысячный хор на празднике Песни. В программе праздника — «Кантата», посвященная 10-летию советской Литвы, «Марш восстановителей», «Кузнец» И. Шведаса, «Наша песня Сталину» и «Песня коллективного труда» А. Рачюнаса, хоровые произведения К. Кавецкаса, лауреата Сталинской премии Б. Дварионаса и, разумеется, песни и танцы братских народов, ибо праздник Песни — это праздник братства, праздник труда и праздник жизни.

К. ОРЛОВСКИЙ

Танцевальная группа народного ансамбля песни и танца Литовской ССР.
Фото Н. Максимова

Массовость и мастерство

Беседа с заместителем председателя Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете Министров СССР тов. Н. Н. РОМАНОВЫМ

Постановление ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 года определило главнейшими задачами в работе физкультурных организаций развертывание массового физкультурного движения в стране, повышение уровня спортивного мастерства и на этой основе завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта.

В беседе с корреспондентом «Огонька» тов. Романов рассказал, как претворяются в жизнь эти задачи.

— Физкультурное движение в нашей стране приобретает все более широкий, более массовый, поистине всенародный размах. За последние полтора года, прошедшие после постановления ЦК ВКП(б) о развитии физкультуры и спорта, в ряды физкультурников влились новые миллионы трудящихся. Сейчас в Советском Союзе физкультурников в два с лишним раза больше, чем в довоенном 1940 году.

Советские спортсмены — это многомиллионная армия трудящихся — борцов за мир. Физкультурники СССР вместе со всем советским народом с большим воодушевлением ставят свои подписи под Воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия.

На конференциях добровольных спортивных обществ, на митингах физкультурники предприятий, колхозов, рудников, совхозов единодушно выражают свое возмущение и протест против американской агрессии в Корее.

Советские спортсмены, каждый на своем месте, активно борются за мирный созидательный труд, за досрочное выполнение пятилетнего плана.

Физкультурники нашей страны выражают свою готовность отстоять мир. Они тесно сплочены вокруг большевистской партии и вождя народов знаменосца мира великого Сталина.

— Расскажите более подробно: как развивается в последнее время физкультура на селе?

— Колхозное село — мощный резерв для дальнейшего роста многомиллионной армии советских спортсменов. Сельская молодежь не меньше, чем городская, любит спорт, в особенности такие его виды, как легкая и тяжелая атлетика, велосипед, лыжи, борьба, футбол и волейбол. Но сельским любителям спорта необходимо помочь.

Замечательную инициативу в этом направлении проявила Винницкая область, где при активном содействии партийных и советских организаций было создано в прошлом году областное спортивное общество сельской молодежи, названное «Колхозная нива».

В общество уже вступило свыше 170 тысяч физкультурников. Низовые его коллективы имеются в большинстве сел. Широко развернулось строительство колхозных спортивных стадионов и физкультурных площадок. Шефы — городские спортивные организации — оказывают коллективам «Колхозной нивы» большую помощь.

«Колхозная нива» — инициатор прекрасного почина проводить летнюю спартакиаду в том районе, где колхозы добились наилучших показателей по выполнению своих планов. В прошлом году первая такая спартакиада состоялась в Бершадском районе. Участвовало в ней 3 тысячи сельских спортсменов.

Примеру винничан следует вся страна. В Грузии создано сельское спортивное общество «Колмеурне». Такие же организации имеются уже в Эстонии, Латвии и зарождаются в Краснодарском крае и Воронежской области. Создание сельских спортивных обществ поднимает физкультурное движение в колхозной деревне на более высокую ступень.

— Как растет мастерство советских спортсменов?

— В начале прошлого года были пересмотрены и повышены разрядные нормы и требования, предъявляемые к нашим спортсменам, особенно сильно — для мастеров и значительно — для спортсменов-перворазрядников. И все же число мастеров спорта значительно выросло в прошлом году. Перворазрядников в 1949 году подготовлено

Латвийские скороходы (слева направо): П. Зелтыньш, А. Менгис, А. Лиепаскалнс.

Фото А. Бочинина

Латвийские скороходы

В октябре 1949 года Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта присвоил латвийскому легкоатлету Адольфу Карловичу Лиепаскалнсу звание мастера спорта. Обычная в таких случаях формулировка гласила: «В связи с выполнением нормативов и требований единой спортивной классификации присвоить звание мастера спорта...»

...Неутомимо круг за кругом по гаревому овалу стадиона идет спортсмен. Локти прижаты к груди, корпус равномерно покачивается из стороны в сторону. Спортсмен идет быстро, очень быстро. Но он не бежит, а именно идет.

Спортивная ходьба, в отличие от бега, имеет два основных непреложных закона: все время одна нога должна прикасаться к земле, и если левая нога согнута в колене, правая должна быть вытянута, и наоборот. Малейшее нарушение этих правил — и ходьба уже переходит в бег.

...Адольф Лиепаскалнс, сухощавый, среднего роста сорокалетний человек, в детстве и не мечтал о спорте. Сын бедняка Алуксненского уезда, он с ранних лет был пастушонком: пас кулацкий скот; потом работал землекопом, лесорубом. Спустя много лет он полюбил спорт и увлекался ходьбой.

Несколько лет назад к Адольфу Лиепаскалнсу пришло настоящее мастерство. Он тренировался под руководством опытных мастеров.

Уже в 1947 году латвийский скороход, участвуя в соревнованиях на первенство СССР, установил свой первый всесоюзный рекорд на 50 километров. Но особенно расцвел спортивный талант А. Лиепаскалнса в прошлом году. В таблице рекордов по спортивной ходьбе пять принадлежат Адольфу Лиепаскалнсу: на 15, 20, 30, 50 километров и в двухчасовой ходьбе. Среди этих рекордов — два мировых.

С 1943 года первенство в спортивной ходьбе на дистанции в 30 километров принадлежало шведу Ольсону (2 часа 28 минут 57,4 секунды). Лиепаскалнс «обогнал» шведа на 25 секунд. Еще дольше держался мировой рекорд в ходьбе на 50 километров. В 1924 году немец Зиверт прошел эту дистанцию за 4 часа 34 минуты 8 секунд. В течение двадцати пяти лет никто не мог побить этот рекорд. А. Лиепаскалнс спустя четверть века «обогнал» и немца на 2 с лишним минуты.

Адольф Карлович живет на хуторе. Вокруг хутора — лес. На глухих, но уже промеренных лесных тропинках спортсмен совершает свои ежедневные тренировки: зимой — в тяжелых лыжных ботинках, летом — в легкой спортивной обуви. Дождь или снег, мороз или жара — все равно скороход тренируется.

Свой богатый спортивный опыт А. Лиепаскалнс охотно передает молодежи. Гунар Циммерман и Джинтарс Гросис из колхоза «Арайс» уже давно выполнили нормы второго разряда. Несколько юношей и девушек окрестных колхозов также успешно обучаются спортивной ходьбе у прославленного латвийского скорохода.

В другом конце республики, в колхозе «Спартак», живет и тренируется скороход-колхозник, мастер спорта Петерис Индрикович Зелтыньш.

Двукратный рекодсмен и чемпион страны, П. Зелтыньш из года в год повышает свое мастерство. В 1946 году он завоевал первенство республики в ходьбе на 10 километров со временем 46 минут 4,8 секунды, а в прошлом сезоне добился звания чемпиона Латвии на этой же дистанции со временем 44 минуты 45,8 секунды.

У Зелтыньша также немало учеников среди колхозной молодежи. Один из его воспитанников — Балод — на прошлогодней республиканской спартакиаде сельской молодежи установил рекорд для юношей. Петерис Индрикович — неутомимый пропагандист ходьбы. Он готовит книгу об этом увлекательном виде спорта.

Сейчас скороходы готовятся к юбилейной спартакиаде, посвященной десятилетию советской Латвии.

На этот раз свыше ста молодых скороходов будут участвовать в соревнованиях. И — кто знает? — может быть, ученики А. Лиепаскалнса или П. Зелтыньша обгонят своих учителей. Но учителя не обидятся. Ведь это тоже будет их победа, победа славных латвийских скороходов, терпеливо и настойчиво обучающих молодежь.

Рига.

С. БАНК

13 тысяч человек, спортсменов второго разряда — 80 тысяч и третьего разряда — 400 тысяч человек. Своеобразным зеркалом роста мастерства являются таблицы республиканских и всесоюзных рекордов. Уже в прошлом году по сравнению с предыдущими количество новых рекордов намного увеличилось.

Улучшены рекорды по плаванию у мужчин, конькобежному спорту у женщин, поднятию тяжестей, стрелковому спорту и некоторым видам легкой атлетики.

Однако ряд давно установленных всесоюзных рекордов до сих пор не улучшен. В ближайшее время необходимо добиться повышения рекордов по бегу, метанию и конькам у мужчин, по плаванию у женщин, по велосипедному спорту.

— Каких мировых первенств и мировых рекордов добились представители советского спорта в 1949—1950 годах?

— Звание чемпионов мира советские спортсмены завоевали за это время по конькам и шахматам среди женщин и по волейболу у мужчин. Кроме того наши женские команды выиграли первенство Европы по волейболу и баскетболу.

Одними из наиболее замечательных мировых рекордов, установленных советскими спортсменами в прошлом году, являются рекорды Зои Холщевниковой в конькобежном многоборье и в беге на 3 тысячи метров, рекорд Наталии Смирницкой в метании копья. Значительно превысила официальное мировое достижение в пятиборье сильнейшая наша легкоатлетка Александра Чудина. Новых мировых результатов добились в 1949 году советские штангисты и пловцы.

За первую половину 1950 года советские спортсмены превысили 10 мировых рекордов (по плаванию, конькам, штанге и стрелковому спорту).

В беге на 1500 метров талантливая советская конькобежка Римма Жукова улучшила официальный мировой рекорд норвежки Л. Нильсен, просуществовавший 12 лет, а в беге на 5 тысяч метров побила мировой рекорд финки В. Леше.

Совсем недавно три поправки в официальную таблицу мировых рекордов внесли наши тяжелоатлеты.

Советские спортсмены должны еще более решительно штурмовать мировые рекорды.

— Как растут и укрепляются наши международные спортивные связи?

— Советские спортсмены все чаще выступают в ответственных международных соревнованиях. В 1949—1950 годах представители Советского Союза участвовали в розыгрыше мирового первенства по конькам, шахматам и волейболу и в розыгрыше первенства Европы по баскетболу и волейболу.

С большим успехом советские спортсмены участвовали в прошлогодних Международных студенческих играх в Будапеште. Наша спортивная молодежь получила в общей сложности 115 золотых медалей.

Проведены матчевые и турнирные встречи со спортсменами Чехословакии, Венгрии, Финляндии, Польши. Все эти соревнования выиграны советскими физкультурниками. Показательные выступления представителей советского спорта состоялись за последние полтора года в Болгарии, Финляндии, Швеции и в Германской демократической республике.

Весьма плодотворны совместные тренировки советских спортсменов и спортсменов стран народной демократии. Они проведены уже с хоккеистами, пловцами, теннисистами и легкоатлетами Чехословакии, с теннисистами и хоккеистами Польши, с гимнастами, теннисистами и легкоатлетами Венгрии.

— Каковы ближайшие задачи советского физкультурного движения, в частности, во второй половине летнего спортивного сезона?

— Успокаиваться на достигнутом мы не можем. Руководство физкультурным движением все еще отстает от жизни, от требований дня. Особенно важно сейчас укрепить и развернуть работу сельских спортивных коллективов. Нужно еще шире выдвигать спортивную молодежь, помогать ей.

Вторая половина летнего спортивного сезона пройдет, как и первая, в борьбе за массовость, за мастерство, за новые рекорды. Под знаком этой борьбы проводится в этом году и Всесоюзный день физкультурника. Десятки тысяч новых физкультурников встанут под знамена наших спортивных обществ. Советские спортсмены будут добиваться новых рекордов.

Физическая культура является в нашей стране одной из форм коммунистического воспитания советских граждан, могучим средством улучшения их здоровья, подготовки народа к труду и защите своей социалистической Родины. Советское правительство, большевистская партия и лично товарищ Сталин уделяют развитию физкультуры и спорта огромное внимание. Ни в одной другой стране спорт не пользуется такой щедрой поддержкой государства, как в Советском Союзе. Оправдать это внимание и заботу Родины, выполнить поставленные перед ними задачи — дело чести всей многомиллионной армии советских физкультурников.

Заочный матч легкоатлетов

Всесоюзный заочный матч легкоатлетов проводится вторично. В прошлом году в нем принимали участие 130 тысяч спортсменов, представлявших 120 городов. Матч содействовал дальнейшему развитию этого многостороннего вида спорта.

В текущем году число участников исчисляется сотнями тысяч людей. Более чем в 400 городах был проведен первый тур соревнований. В его программе для мужчин — бег на различные дистанции, прыжки в длину и толкание ядра. Женщины состязались в беге на 100 и 400 метров, в прыжках в высоту, метании диска и толкании ядра.

Наибольшее число спортсменов выставили ленинградцы — свыше 14 тысяч легкоатлетов. Удвоилось по сравнению с прошлым годом число москвичей. В таком городе, как Ташкент, где легкая атлетика культивируется сравнительно недавно, в соревнованиях участвовало свыше 6 тысяч бегунов, прыгунов и метателей, в Баку — около 7 тысяч, в Киеве — 4 тысячи спортсменов; большое число легкоатлетов вышло на старт в Днепропетровске, Сталино, Куйбышеве, Тарту.

Многим спортсменам удалось показать хорошие результаты. Так, В. Сухарев (Москва) пробежал 100 метров за 10,6 секунды. Чемпион страны Н. Каракулов отстал от Сухарева на одну десятую долю секунды. В Тбилиси Левон Санадзе пробежал стометровку также за 10,6 секунды. В этом же виде соревнования С. Мальшина опередила неоднократную чемпионку страны Е. Сеченову и повторила всесоюзный рекорд для женщин.

Хороший результат в беге на 200 метров показал В. Сухарев. Всесоюзный рекорд в троеборье установила неутомимая Александра Чудина. Молодая ленинградка З. Петрова выиграла бег на 400 метров.

В прыжках в длину с разбега первенствовал бакинец Хандадаш Мадатов.

Один из самых способных советских стайеров (бегунов на длинные дистанции), В. Казанцев, оказался лучшим в беге на 5 километров.

Интересно отметить, что в Таллине, например, 600 человек стартовали в беге на 100 метров, 500 человек прыгали в длину с разбега, 300 спортсменов толкали ядро.

Значительно улучшились результаты молодых физкультурников. В частности, вновь показала себя с хорошей стороны Н. Хныкина (Тбилиси). Она сумела в беге на 100 метров опередить заслуженного мастера спорта Елену Гокиели.

Заочный матч легкоатлетов еще не закончен. Второй тур, который состоится в конце лета, окончательно определит, какой город лучше всех культивирует легкую атлетику.

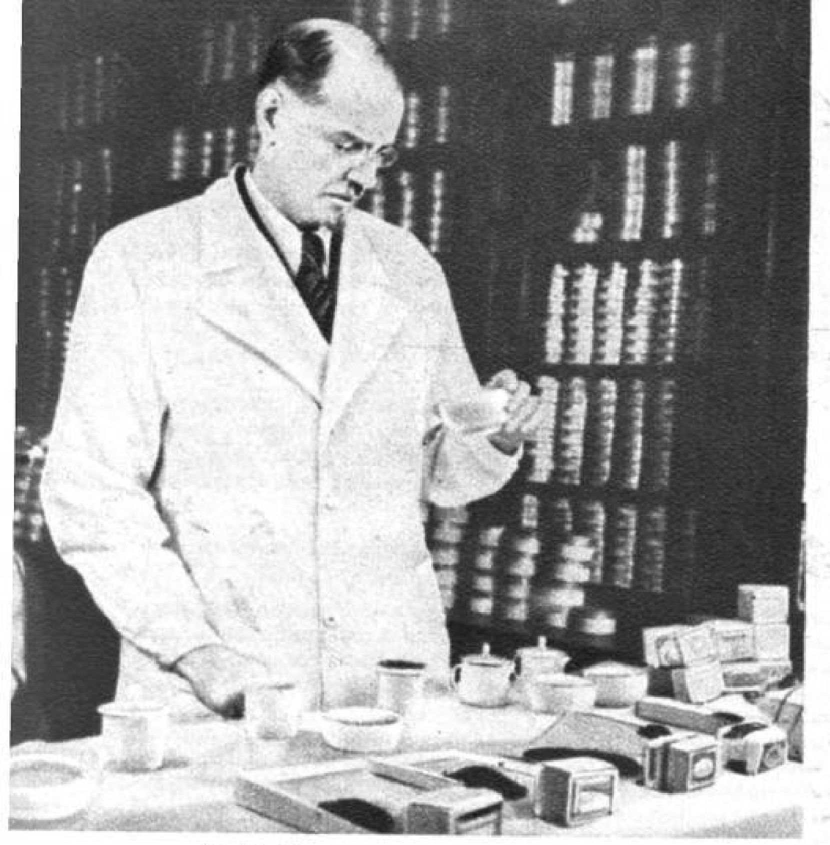
Несомненно, эта форма состязания значительно повысила интерес к легкой атлетике.

Стадион «Динамо». Заочный матч городов. Забег на 5000 метров. Бег ведет В. Казанцев.
Фото А. Костромичева

ЛЮДИ тонкого вкуса

Фото Е. Умнова

А. И. Григорьев начинает дегустацию чая.

Перед А. В. Погудкиным настои душистых веществ, эфирные масла...

С утра на стол С. И. Фирковичу кладут горку папирос.

ТИТЕСТЕР

Титестер — это дегустатор чая. Старейшиной советских титестеров, людей редкой специальности, считается Александр Иванович Григорьев, главный инспектор по чаю Министерства пищевой промышленности СССР.

Однажды А. И. Григорьева вызвали в министерство и сказали:

— Поезжайте, пожалуйста, на фабрику и дайте заключение о партии чая.

Дело было в том, что местный титестер не согласился с оценкой чая, поступившего на фабрику, и переводил его в другой сорт.

А. И. Григорьев ответил:

— К сожалению, сегодня поехать не могу. У меня плохо работает «маска».

Это означало, что главный инспектор поручение выполнить не может: он схватил легкий насморк, его обоняние притуплено. Дегустация партии чая была отложена до выздоровления инспектора.

Одни рождаются с хорошим голосом, другие — с абсолютным слухом, третьи — с точным глазомером. Есть люди с повышенным обонянием, особой «памятью» на запахи, не покидающей их до глубокой старости. Таким должен быть титестер.

Лучший сорт чая не даст ни настоя, ни аромата, ни цвета, если его неумело заварить. Посмотрим, как это делает дегустатор.

Чайник у него небольшой. Щепотку чая заливают крутым кипятком. Через пять минут начинается дегустация, состоящая из нескольких приемов.

Глядя на напиток, вылитый в пиалу, титестер сначала определяет интенсивность настоя, его цвет. За сим следует проба на аромат. Далее дегустатор, пригубив чашку, ограничивается одним глотком. Испытание на вкус — наиболее важное: чай пьют, и он должен быть приятным.

Наконец, чаинки высыпают в крышку, и титестер приминает их пальцами, чтобы определить нежность и расцветку. Хороший чай имеет цвет новой медной монеты.

И это — еще не все. Предстоит внимательно рассмотреть сухие чаинки, определить их скрутку, засоренность и однородность цвета.

Вызванный как-то в одну лабораторию А. И. Григорьев отказался от дегустации лишь потому, что окна выходили на южную сторону.

— Чтобы определить цвет, я должен работать в комнате с окнами на север,— заявил он.— К тому же в лабораторию доносится кухонный запах из соседней квартиры.

— Вот привередник!— скажут про титестера. Но это привередливость поневоле.

Свыше сорока лет Александр Иванович Григорьев оберегает себя от малейшей простуды, не пьет спиртного, не позволяет парикмахерам освежать лицо одеколоном.

— Титестер, нарушивший хотя бы раз правила «спартанской» жизни, — говорит он,— может за один день принести государству ущерб на сотни тысяч рублей.

Суровая, однако, профессия!..

«КОМПОЗИТОР АРОМАТОВ»

Мало кто из любительниц духов и одеколонов знает о парфюмере московской фабрики «Новая заря» Алексее Васильевиче Погудкине.

Однажды летом в Ялте, на прогулке в горах, он набрал красных цветов с удивительно красивыми лепестками. В санатории цветы были поставлены в вазу и вызвали восхищение у профессора, жившего с Алексеем Васильевичем в одной комнате.

Ночью А. В. Погудкин проснулся от шума и, вскочив с постели, увидел, что профессор пытается открыть окно.

— Что с вами? — спросил Алексей Васильевич.

— Помогите мне,— с трудом произнес профессор.— Я задыхаюсь.

Цветы, которые Погудкин так бережно собирал в горах, полетели за окно.

Погудкин тихо вышел в сад, подобрал выброшенный букет цветов и понюхал. Острый запах ударил в нос.

Прошло несколько лет. На фабрику прибыло новое эфирное масло, выработанное одним из экспериментальных институтов. Алексей Васильевич открыл банку, понюхал, и тотчас закупорил. «Память на запахи» не изменила ему. Эфирное мас-

ло, как выяснилось, изготовили из лепестков тех самых красных цветов, которые были собраны им под Ялтой. Это масло зовется весьма сложно: митилнолилацетальдегид. Сила его аромата настолько велика, что требуется не больше 200 граммов эссенции на 100 килограммов состава.

...Дегустатор Алексей Васильевич приступает к работе.

Перед ним глухая с четырьмя полками полукруглая этажерка.

На верхней полке стоят граненые банки с настоями душистых веществ: бензойная смола, ирисовый корень, кореандровое семя, дубовый мох... Всего до 30 названий. Ниже — в алфавитном порядке — эфирные и синтетические масла: герань, лаванда, розовое масло, шалфейный мускат... Еще ниже — аптекарские весы.

В стограммовую колбочку парфюмер сливает пипеткой масла и настои. Не легко получить новый запах: много сочетаний различных душистых веществ произведет парфюмер, пока достигнет желаемого результата. Есть неповторимый запах в каждом настое. А настоев много. Они добываются из душистых веществ, смол, мха, корней растений и даже желез животных. Особая восприимчивость ко всем запахам подсказывает парфюмеру, какие именно масла и настои брать и в какой пропорции.

Завяжите Алексею Васильевичу глаза и поднесите ему одеколон, духи, эфирное масло,— он безошибочно скажет название. Но, помимо памяти, надо обладать и талантом «композитора ароматов».

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КУРИЛЬЩИК

На всей территории табачной фабрики курить строго воспрещается, и только на комнату дегустатора, соприкасающуюся с сортировкой, не распространяется этот строгий запрет.

С утра на стол Семену Исааковичу Фирковичу, главному дегустатору московской фабрики «Дукат», кладут горку папирос, набитых табаком различных сортов. Этот табак предстоит сегодня «переработать».

Высокий, тучный, но подвижной Семен Исаакович курить начинает с «Бокса». Затем он пробует «Беломор», а потом «Норд». Так, с небольшими интервалами, он курит одну за другой папиросы в течение рабочего дня.

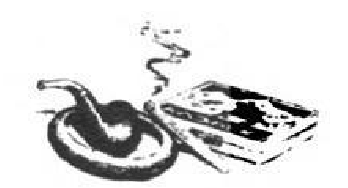
Выкурив первый десяток папирос, дегустатор выпивает стакан крепкого чая, иногда просто полощет им рот и горло. Освежившись, он принимается за второй десяток.

Нет такого сорта табака на территории Советского Союза, которого не знал бы С. И. Фиркович. По листу он определит, какой это табак: абхазский или сочинский, крымский или молдавский. Он безошибочно скажет, в каком ряду растет лист на стебле. Первый от земли лист — дипсар — всегда засорен песком, перезревает и потому идет на низкие сорта. За ним следует хашлама, на середине стебля растет анач, а на верхушке — турук и подтурук. У крымского мелколистного табака восемь названий.

Опытный дегустатор, искрошив лист табака и закурив самокрутку, скажет: это анач абхазского самсуна или турук молдавской маловаты...

В комнате миниатюрный крошильный станок. Сорок лет С. И. Фиркович крошит на нем листья, делает самокрутки и определяет крепость, аромат и горючесть табака. Много лет учебы и опыта нужно для того, чтобы стать квалифицированным дегустатором.

А. ВАГАРОВ

„Каким ты был, таким ты и остался"...

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Г. Валька

По непредвиденным семейным обстоятельствам старый преподаватель родного языка Иван Данилович Возницын покинул город, в котором проучительствовал двадцать лет, и переселился в Москву.

Обстоятельства оказались хотя и непредвиденными, но очень приятными. Сын Ивана Даниловича, директор небольшого периферийного завода, был назначен директором большого столичного предприятия.

— Как хотите, папа, но я вас одного не оставлю,— объявил он. — Будете жить с нами в Москве и отдыхать.

— Положим, шестьдесят лет — еще не такой возраст, чтобы отдыхать,— обиделся папа,— но Москва... пожить в Москве я мечтаю давно...

В первые же дни по приезде неугомонный Иван Данилович отправился в отдел народного образования. Его встретили там, как родного. Очень ответственная сотрудница по имени Марья Петровна, полная особа в очках, с крайне озабоченным лицом, тотчас же завладела им, усадила в кресло и сказала:

— Таких опытных педагогов, как вы, мы ценим на вес золота!

— Я вешу 56 кило, — скромно сказал щупленький Иван Данилович. — А что именно вы могли бы мне предложить?

— Прежде всего озорниковскую школу!— воскликнула Марья Петровна.

— Какую, простите? — осторожно переспросил Иван Данилович.

— Ах, это мы так называем школу, где директором товарищ Озорников! Образцовая школа и образцовый директор, хотя еще совсем молодой. Ветеран войны.

— Скажите, а его не Игорем зовут? — насторожился Иван Данилович.

— Игорем Николаевичем! Он вам знаком?

— Довольно хорошо, — удивленно и взволнованно сказал Иван Данилович. — Это мой бывший ученик.

— Вы слышите?! — вскричала Марья Петровна, обращаясь к седому сотруднику, стоявшему возле нее.

— Но, может быть, вы скажете, что это непедагогично — старый учитель под началом своего бывшего ученика?

— По-моему, это великолепно! — отозвался седой сотрудник, дружелюбно поглядывая на Ивана Даниловича. — Так, как и должно быть — наша смена. Ведь Иван Данилыч не претендует на административную должность?

Иван Данилович в испуге даже замахал руками.

— Тогда лучшего и желать нечего! — шумно обрадовалась Марья Петровна.

— Очень вам советую, сейчас же и поезжайте к нему, повидайтесь! Ах, он будет доволен! Я вам объясню, как проще всего туда добраться...

Марья Петровна не ограничилась указаниями улицы и номера дома. Она взяла карандаш и на листке бумаги начала рисовать непонятные Ивану Даниловичу линии и кружочки:

— Вот это площадь. Вы выходите из метро, и прямо будет сквер. Вы становитесь спиной к скверу и идете налево. И сейчас же по правую руку увидите озорниковскую школу. Ее все знают!

Иван Данилович поблагодарил, положил в карман бумажку с кружочками и распрощался. Он вышел из метро, которое в особенности пленяло его по-молодому восприимчивое воображение, и оказался, действительно, перед цветущим садиком.

«Вот он, сквер. Но он, повидимому, круглый. Где же я должен встать к нему спиной?»

— Скажите, пожалуйста, где тут школа? — обратился он к проходившему пареньку.

— О! — мотнул головой паренек в сторону кирпичного здания за деревянным забором.

Иван Данилович пошел по указанному направлению и сразу почувствовал некоторое разочарование. Деревянный облупленный забор был проломан в нескольких местах.

«Вечная история,—подумал старый учитель. — Они и двадцать лет тому назад предпочитали пролезать с трудом в щели, а не проходить в калитку. Но чего же смотрит директор?»

На школьном дворе было совсем нехорошо. Двор был голый, кое-где из земли торчали сухие расщепленные палки, печальные свидетели неудавшегося озеленения. Возле самой школы ни одной клумбы, ни единого кустика. Пожилая женщина в фартуке тащила за собой по пыли метлу и напевала вполголоса то, что этим летом пели все:

— «Ка-ким ты был, та-аким оста-ался...»

— Именно, — с горечью сказал Иван Данилович, — каким ты был, таким ты и остался, Игорь Озорников, хоть ты и директор. Будучи в седьмом классе, ты сломал липу. Ты качался на калитке и сорвал ее с петель. Ты дрался с девочками. Как же я буду с тобой работать, если ты остался таким, каким ты был?

Он подошел к сторожихе:

— Мне бы повидать директора.

Сторожиха поглядела на Ивана Даниловича и с явным неодобрением поджала губы:

— Директора? В Гаграх директор. — Очевидно, это был наболевший вопрос, и она была рада облегчить душу перед первым встречным. — В других школах ремонт идет, полное озеленение, душа радуется. А у нас все не как у людей. Конечно, кому же озеленяться, раз она по Гаграм ездит...

— Не она, а он, наверно, — поправил Иван Данилович.

Теперь явное неодобрение сторожихи перенеслось на старого учителя:

— Я при школе 15 лет состою, а раньше в институте языковедения работала, славу богу, в грамматике разбираюсь! Он, это когда он — мужчина, а она — это наша директорша.

— Я тоже немножко разбираюсь в грамматике, — сконфузился Иван Данилович, — но разве ваш директор не Озорников, Игорь Николаевич?

— Господи, батюшка! — сторожиха даже уронила метлу. — Да кабы у нас был товарищ Озорников, разве такое было бы хозяйство?!

Иван Данилович воспрянул духом:

— А вы не скажете, как к нему пройти?

Сторожиха вывела его за искалеченную калитку:

— Вон тот сквер на площади видите? Идите до него все прямо, потом станьте к нему спиной...

— Опять спиной? Спасибо, я понял, — сказал Иван Данилович и направился к скверу.

Сторожиха проводила его завистливым взглядом.

...О, это было совсем другое дело! За изящной чугунной оградой пышно зеленели липы, белели стволы коренастых, ветвистых яблонь, яркий газон покрывал двор, пестрели клумбы левкоев и флоксов. И среди всей этой летней красоты и великолепия мелькали разноцветные майки ребят. Мальчики были заняты делом: подстригали газон, поливали цветы. По дорожке ходил высокий человек в белой рубахе и брюках защитного цвета. Он сильно прихрамывал, опираясь на палку.

«А это, кажется, он и есть»,— подумал старый учитель и почувствовал, как его охватило молодое, радостное волнение:

— Игорь!.. Николаевич...

Человек в белой рубахе оглянулся, пригляделся и, сильно прихрамывая, стремительно пошел навстречу Ивану Даниловичу.

Мальчишки — вообще любопытный народ. Но те, что учатся в озорниковской школе,— прежде всего народ дисциплинированный и вежливый. Правда, ножницы перестали щелкать, а лейки — поливать, но все оставались при своем деле, пока директор обнимал и целовал на дорожке незнакомого седого гражданина в очках. И только когда Игорь Николаевич громко крикнул: «Ребята!»,— они все, как воробьи, слетелись на дорожку и окружили педагогов, загорелые, улыбающиеся.

— Это ваш будущий учитель родного языка, — сказал директор. — Он очень строгий, знаю по себе. Прошу любить и жаловать.

Кто-то сейчас же догадался, и в руках растроганного Ивана Даниловича появился букет махровых левкоев...

Позднее молодой директор и старый учитель сидели на лавке под липой и вспоминали:

— Как видите, Иван Данилыч, ваши уроки не прошли даром.

— Как же! Директором стал.

— Я не про то. Помните, как мы с вами озеленяли школьный участок? Я был тогда в десятом классе.

— Ах, да, в десятом... Ну, значит, каким ты был, таким ты и остался. А я, признаться... — Но Ивану Даниловичу уже не хотелось признаваться в том, что он вспоминал семиклассника Игоря Озорникова, который сломал липу.

— А вот что вы мне скажите, Игорь Николаевич...

— Просто — Игорь.

— Нет, товарищ директор, это уж как будто неудобно.

— Когда с глазу на глаз, только так!

— Хорошо. Игорь, голубчик, скажи ты мне на милость, как же это получается: твоя школа образцовая, а та, что по ту сторону сквера? Ведь их директорша тоже была школьницей в свое время. Неужели она тоже, извини меня, ломала липы, крушила заборы и какой была, такой и осталась?

— Не знаю, — засмеялся Игорь Николаевич, — не знаю, какой она была, но стала нерадивым директором. Но, — он хитро посмотрел на старого учителя, — помните вы один постыдный эпизод из моей жизни? Мы тогда учились вместе с девчонками. Помните, как я подрался и здорово вздул Зинку Воробьеву?

— Воробьеву? Лентяйку, двоечницу, которая позорила весь класс? Ба! Так неужто это она?!

— Нет, это не она. Но я, Иван Данилыч, драться с двоечниками продолжаю. Но теперь с двоечниками-директорами. Я вызвал ее на соревнование. Дело очень и очень серьезное, вы понимаете? Теперь, я думаю, и вы мне поможете?

— Драться?! — с молодым задором воскликнул Иван Данилович. Он чувствовал, что уже всем сердцем любит эту школу и готов отстаивать ее славу и честь. — Будем драться! Это хорошо, что в некотором отношении каким ты был, таким ты и остался!

ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕЙ АВИАЦИИ

Во время блокады героического Ленинграда гитлеровцами советские летчики под огнем зенитной артиллерии противника и вопреки сопротивлению вражеской авиации доставили в короткий срок защитникам города огромное количество боеприпасов, продовольствия и вывезли в тыл 50 тысяч раненых, детей, женщин и стариков.

Летчики только одного из наших транспортных авиасоединений во время боевых действий Советской Армии против империалистической Японии быстро перебросили для наших наступавших наземных частей более 172 тысяч тонн различных грузов, то есть свыше 8 тысяч вагонов. Самолеты работали словно по конвейеру, днем и ночью, в любую погоду.

☆ ☆ ☆

В истории военной авиации известен случай, когда обычный винтомоторный истребитель догнал и сбил реактивный. Это феноменальное искусство пилотирования проявил трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. В феврале 1945 года на Одерском плацдарме Кожедуб неожиданно встретил немецкий реактивный истребитель. На своем самолете «Лавочкин» он ловким маневром настиг фашиста и мгновенно сбил его.

☆ ☆ ☆

В 1910 году в студенческом научном кружке, которым руководил профессор Н. Е. Жуковский, возник спор: сжимается или расширяется воздушная струя позади вращающегося пропеллера? Ответ был найден удивительно просто. На вал электромоторчика надели маленький деревянный пропеллер и накурили вокруг табачного дыма. По дыму увидели, что воздушная струя сжимается. Так была понята сущность физического закона, которым пользуются все авиаконструкторы мира.

☆ ☆ ☆

В 1922 году А. Н. Туполев построил свой первый самолет, «АНТ-1». Это была крохотная спортивная машина. Когда понадобилось испытать лонжерон крыла маленького самолета на прочность, Туполев положил его на козлы и уселся на нем вместе со своими четырьмя помощниками.

Теперь испытание самолета, десятки тысяч исследований и измерений производятся необычайно быстро и точно с помощью сложнейших приборов-автоматов. В частности, Туполев испытывает свои самолеты, помещая их в аэродинамической трубе. Можно даже определить напряжение, возникающее в лопастях винта в любой момент вращения.

☆ ☆ ☆

Еще в 1930 году Туполев создал тяжелый бомбардировщик «ТБ-3», который по летно-тактическим качествам, стрелковому вооружению и дальности действия не имел равных в мире. Его бомбовая нагрузка достигала 4 тонн.

Когда появились эти советские «летающие крепости», японцы поспешили перекрыть верхние палубы крейсеров и дредноутов дополнительной броней.

☆ ☆ ☆

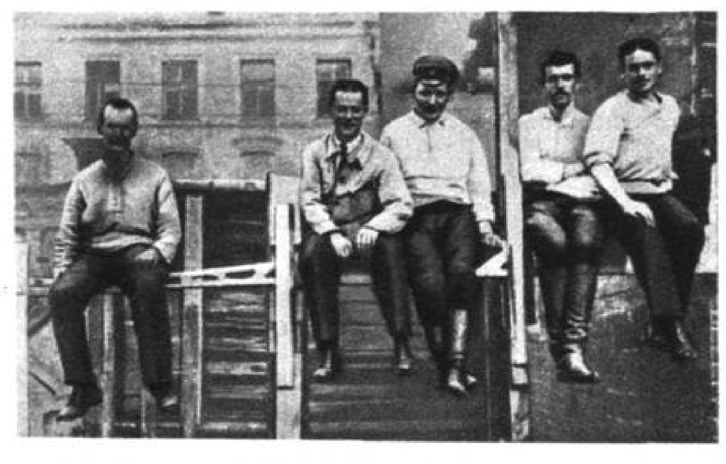
В рабочем кабинете К. Э. Циолковского висел старинный лубочный плакат. На нем был изображен громоздкий, фантастических форм «паровой самолет» англичанина Хенсона, пролетавший по маршруту Лондон — Калькутта через Калугу. Испуганная баба будит лохматого мужика: «Погляди, что за чудо летит!»

Иностранцы и их низкопоклонники поспешили рекламировать Хенсона, хотя известно, что его работы окончились полным провалом. По злой иронии судьбы именно в Калуге, которую спесивые авторы избрали для насмешки над русским народом, жил и творил человек, своим гением открывший в авиации реактивную эру. Его теория реактивных летательных аппаратов на десятки лет опередила зарубежную науку.

☆ ☆ ☆

Убирающееся в полете шасси — советское изобретение. Знаменитый истребитель «И-16», сконструированный Н. Н. Поликарповым, был первым в мире самолетом с убирающимся шасси.

С. КАНЕВСКИЙ

Когда понадобилось испытать лонжерон крыла маленького самолета на прочность, Туполев положил его на козлы и уселся на нем вместе со своими четырьмя помощниками (снимок 1922 года).

Обо всем

«ТАНЦЫ ПЧЕЛ»

Наблюдения над пчелами в стеклянном улье показали: для того, чтобы привлечь внимание других пчел и указать им обильные пищей места, возвратившиеся со взятком пчелы исполняют два своеобразных «танца».

Один из них назван круговым, другой — виляющим. Первый состоит в том, что пчела бегает по сотам, описывая то в одну, то в другую сторону маленькие круги или полукруги, второй является комбинацией полукругов и пробегов по прямой с покачиванием вправо и влево.

Круговой «танец» — сигнал короткого расстояния до источника корма, виляющий — дальнего. Видоизменяя элементы танца, пчелы могут сигнализировать не только различную дальность расстояний, но даже то направление, в котором находится корм.

«ЖИВОЙ РЕГУЛЯТОР»

Наряду с промысловой рыбой водоемы населяет так называемая «сорная рыба» — пескари, плотва, верхоплавки и прочая мелкота,— размножение которой, сокращая кормовую базу водоема, неблагоприятно для рыб промысловых видов.

Выловить эту мелочь сетями невозможно, пустить в водоем щук опасно, так как от «пресноводных акул», пожирающих все без разбора, может пострадать и промысловая рыба. Недавно был найден хищник, который, уничтожая сорную мелочь, не трогает ценных пород. Это большеротый окунь, обитающий в озерах Абрау и Иманчике под Новороссийском.

Этот «живой регулятор» рыбьего населения, который в то же время сам может быть объектом промысла, пересажен в опытные пруды Московской и Воронежской областей, где дал уже первый приплод.

Б. М.

ПОДУМАЙ!

ГРОМКОЕ ЧТЕНИЕ

Предположим, удалось сконструировать рупор, настолько усиливающий звук, что громкая речь человека (который сам находится в звуконепроницаемом помещении), переданная через такой рупор в Москве, была бы хорошо слышна без использования каких-либо усилительных приборов жителям Ленинграда. Оговариваемся: этот пример носит отвлеченный, задачный характер, так как понятно, что опыт со звуком подобной силы немыслим вблизи населенных пунктов.

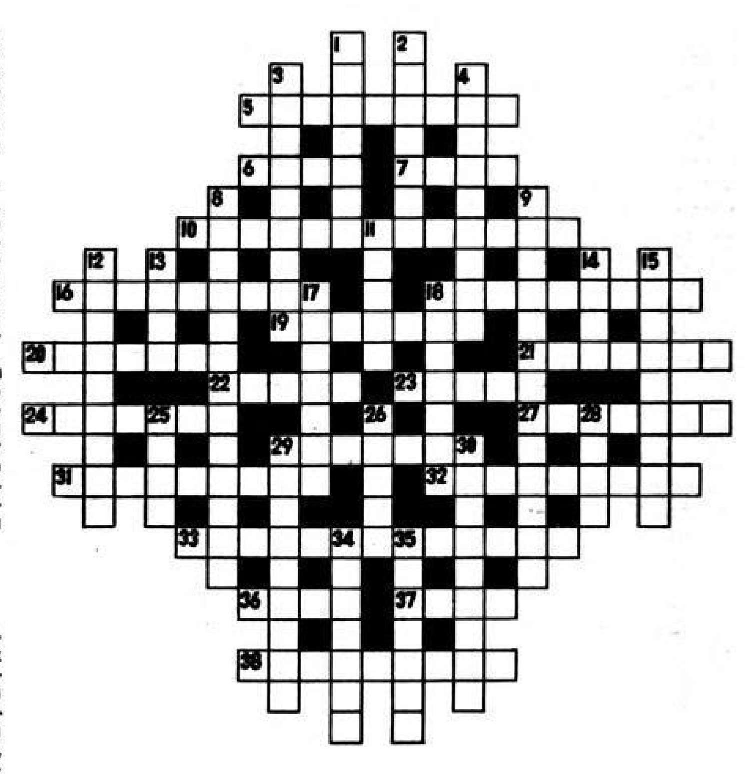
В 12 часов дня москвич, пользуясь рупором, о котором сказано выше, начал читать текст передовой статьи одной из центральных газет. Его громкое чтение слушали в Ленинграде. Когда ленинградцы закончили слушание передовицы?

«СНЕГ» ПРИ 4 ТЫСЯЧАХ ГРАДУСОВ

В отдаленную эпоху жизни нашей Земли, когда она еще только остывала и у нее не было земной коры, по расчетам ученых, шли своеобразные дожди и даже выпадал снег. Температура этого «снега» была три — четыре тысячи градусов.

Как вы думаете: из чего образовывался этот «снег»?

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Русский химик. 6. Специальный головной убор. 7. Время года. 10. Специальность. 16. Советский композитор. 18. Тригонометрическая функция. 19. Повторение. 20. Народность урало-алтайской группы. 21. Город в СССР. 22. Советский изобретатель. 23. Ставка оплаты. 24. Выпуск заряда из оружия. 27. Линия на географической карте. 29. Род парового котла. 31. Гриб. 32. Персонаж из «Мертвых душ» Гоголя. 33. Человек, занимающийся спортом. 36. Дугообразное перекрытие. 37. Водоем. 38. Жизнеописание.

По вертикали:

1. Прибор для измерения количества протекающей воды. 2. Целительное средство. 3. Род телескопа. 4. Русский поэт. 8. Рассказ А. П. Чехова. 9. Мероприятия по искоренению фашизма. 11. Внешний вид. 12. Хищный зверек. 13. Предельная линия. 14. Развлечение. 15. Краткое изложение содержания книги. 17. Гигант. 18. Южное дерево. 25. Овощ. 26. Часть скелета. 28. Река в Европе. 29. Воинское звание. 30. Поправка. 34. Изобретатель электрической лампы накаливания. 35. Род балкона.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

7. Баррикада. 9. Дробь. 10. Слега. 11. Минералог. 12. Запрос. 14. Эпилог. 15. «Фронт». 17. Нюанс. 22. Гардина. 23. Смесь. 24. Коробов. 27. Секретариат. 28. Бадья. 29. Ботва. 30. Впечатление. 32. Плантаж. 33. Будни. 34. Официоз. 38. Копна. 39. Елена. 41. Польша. 44. Табель. 46. Отверстие. 47. Испуг. 48. Метан. 49. Писемский.

По вертикали:

1. Ребро. 2. Вавилов. 3. Цитра. 4. Адвокат. 5. Тулуп. 6. Крупа. 8. Уголь. 13. Сфинкс. 14. Эскорт. 16. Температура. 17. Наставление. 18. Баркарола. 19. Сдельщина. 20. Пословица. 21. Водоворот. 25. Актер. 26. Лиана. 30. Впайка. 31. Евфрат. 35. Спутник. 36. Ревизия. 37. «Олеся». 40. Пегас. 42. Шхуна. 43. Грамм. 45. Алеко.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 28

Температура в центре Земли

Если исходить из расчета, что на каждые 100 метров углубления в недра Земли температура повышается на 3 градуса, то в центре Земли она достигнет 200 тысяч градусов. Любое вещество при этой температуре должно находиться в газообразном состоянии. Так и считали до последнего времени.

Однако в настоящее время повышение температуры с глубиной в поверхностном слое земли объясняется присутствием в этом слое радиоактивных элементов, непрерывно выделяющих тепло, и, следовательно, не зависит от температуры в глубине Земли.

Предполагается, что температура центрального ядра Земли составляет всего лишь 2—4 тысячи градусов. Современная физика считает, что вещество ядра Земли и при этой, также достаточно высокой температуре все же может обладать свойствами твердого тела, так как находится под очень большим давлением. Подтверждение этому дало изучение землетрясений. Оказалось, что внутренние части Земли реагируют на сотрясения, как твердое тело, в два с половиной раза более упругое, чем сталь.

Горение в пустоте

Взрывчатые вещества, находящиеся в пустоте, должны взрываться даже с бóльшей силой, чем в воздухе. Воздух лишь препятствует их расширению, а в кислороде воздуха они не нуждаются, потому что необходимое для горения количество кислорода имеется в самих этих веществах.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А — 04365. Подписано к печати 11/VII 1950 г. Изд. № 485. 5½ печ. л. Тираж 406 000 Заказ 1890. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ГЛАВПАРФЮМЕР

Покупайте

ПУДРА СИРЕНЬ

ПУДРА ФИАЛКА

Цветочную пудру

ПОКУПАЙТЕ ТЕРМОСЫ

ПРОИЗВОДСТВА КИЕВСКОГО СТЕКОЛЬНО-ТЕРМОСНОГО ЗАВОДА!

Термос сохраняет температуру на протяжении 20 часов.

Кипяток, налитый в термос, на следующий день будет также горячим.

Холодная вода, налитая в термос, остается такой же холодной и на следующий день.

Термос необходим в семье для получения горячей пищи перед уходом на работу, без затраты времени для нагревания.

Термос незаменим в дороге, на поле.

Термосы вырабатываются емкостью в один литр и пол-литра.

Имеются термосы для воды, а также и для пищи.

Термосы имеются в продаже во всех промтоварных магазинах.

АДРЕС: г. **КИЕВ**, Стекольный пер., 7, Киевский стекольно-термосный завод.

Цена 3 руб.
МОСКВА
МОСКВА